

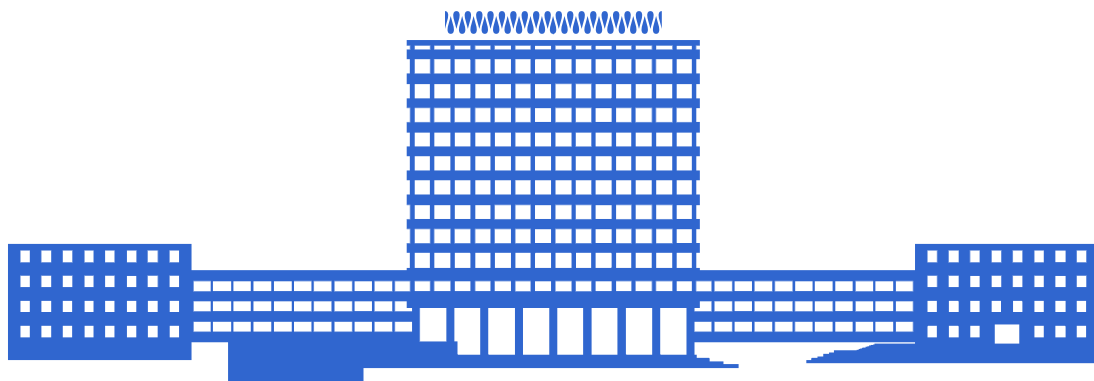
ISSN 2415-8720

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**STUDIA
GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA**

Том 19 Выпуск 3 (61) 2023

ДОНЕЦК

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал / отв. ред.
В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонГУ, 2023. – Т. 19. – Вып. 3 (61). – 154 с.

*Печатается по решению Учёного совета
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Донецкий государственный университет»
Протокол № 12 от 22 декабря 2023 г.*

В журнале освещаются актуальные проблемы германистики, романистики, типологической и сопоставительной лингвистики, общей теории языка, теории перевода в высшей школе.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Постановление Правительства Российской Федерации от 18.03.2023 г. № 115).

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 85-02/2016 от 24.02.2016 г.

Основатель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет».

Адрес редколлегии: 283001 Донецк, ул. Университетская, 24
тел.: +7 (856) 302 09 22

ISSN 2415-8720

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Том 19 Выпуск 3 (61) 2023

Редакционная коллегия

д. филол. наук, проф. В. Д. Калиущенко (главный редактор);
д. филол. наук, проф. О. Л. Бессонова (зам. главного редактора);
к. филол. наук, доц. Э. Р. Брагина (ответственный секретарь);
д. филол. наук, проф. А. В. Алфёров; д. филол. наук, проф. Ш. Р. Басыров;
д. филол. наук, доц. Э. С. Ветрова; д. филол. наук, проф. Н. А. Ганина;
д. филол. наук, доц. А. Г. Голодов; д. филол. наук, проф. В. И. Карасик;
д. филол. наук, проф. С. М. Кравцов; д. филол. наук, доц. С. Е. Кремзикова;
д. филол. наук, проф. А. Э. Левицкий; д. филол. наук, проф. А. В. Ленец;
д. филол. наук, проф. С. Г. Николаев; д. филол. наук, доц. Т. Н. Никульшина;
д. филол. наук, проф. М. В. Пименова; д. филол. наук, проф. В. И. Теркулов;
д. филол. наук, проф. З. А. Харитончик; д. филол. наук, доц. Л. Н. Ягупова

Донецк ДонГУ 2023

**FEDERAL STATE EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION «DONETSK STATE UNIVERSITY»
FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

LINGUISTIC JOURNAL

Published 4 times a year

Volume 19 Issue 3 (61) 2023

Editorial Board

Doctor of Philology, Prof. V. D. Kaliuščenko (editor-in-chief);

Doctor of Philology, Prof. O. L. Bessonova (vice-editor-in-chief);

Candidate of Philology, Associate Prof. E. R. Bragina (executive secretary);

Doctor of Philology, Prof. A. V. Alferov; Doctor of Philology, Prof. Sh. R. Basyrov;

Doctor of Philology, Associate Prof. E. S. Vetrova; Doctor of Philology, Prof. N. A. Ganina;

Doctor of Philology, Associate Prof. A. G. Golodov; Doctor of Philology,

Prof. V. I. Karasik; Doctor of Philology, Prof. S. M. Kravtsov; Doctor of Philology,

Associate Prof. S. E. Kremzikova; Doctor of Philology, Prof. A. E. Levitskiy;

Doctor of Philology, Prof. A. V. Lenets; Doctor of Philology, Prof. S. G. Nikolaev;

Doctor of Philology, Associate Prof. T. N. Nikulshina; Doctor of Philology,

Prof. M. V. Pimenova; Doctor of Philology, Prof. V. I. Terkulov; Doctor of Philology,

Prof. Z. A. Kharitonchik; Doctor of Philology, Associate Prof. L. N. Yagupova

Donetsk DonSU 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica T. 19, Вып. 3 (61), 2023

Германские языки

<i>Горбунова Н. Н.</i> Тенденции приращения англоязычного терминологического фонда предметной области «менеджмент».....	5
<i>Михайловская И. Н.</i> Лингвокультурные особенности репрезентации концепта «человек» в древнеанглийском языке.....	14
<i>Попова Г. Е., Тамразова И. Г.</i> Релевантность нерелевантности.....	25
<i>Резникова А. Р.</i> Средства выражения поликодовости в англоязычных медиатекстах «зеленой повестки».....	34
<i>Трофимова Е. В., Милованова А. И.</i> ТРУД как ценностная доминанта в англоязычной фразеологической картине мира.....	46
<i>Чечина И. В.</i> Коннотативный компонент в семантике антропонимов (на материале английских личных имен и антропонимических прозвищ).....	56

Романские языки

<i>Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. Е., Тамразова И. Г.</i> Бимодальность речевых рефлексов французской разговорной речи.....	66
--	----

Теория языка

<i>Мезенко А. М.</i> Урбанонимный континуум – географические термины: роль, устойчивость, историческая изменчивость.....	82
--	----

Типологические и сопоставительные исследования

<i>Басыров Ш. Р.</i> Формальные типы эмоционально-оценочных контаминантов в немецком и русском языках.....	95
<i>Горжая А. А.</i> Семантические переносы, лежащие в основе использования колоративов в качестве терминологических элементов (на материале русско- и англоязычной ботанической терминологии).....	105
<i>Махненко И. А.</i> Переносные оценочные значения параметрических прилагательных «большой-маленький» в сопоставительном аспекте.....	117
<i>Писарева В. В.</i> Комбинированная необратимость рефлексивных глаголов в английском, немецком и русском языках.....	126
<i>Подгайская И. М.</i> Особенности метафоризации наименований оружия в английском и русском языках.....	137

CONTENTS

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Vol. 19, Issue 3 (61), 2023

Studies in Germanic Languages

<i>Gorbunova N. N.</i> Tendencies of Replenishment of the English-Language Terminology Fund of the «Management» Subject Area	5
<i>Mikhailovskaya I. N.</i> Linguistic and Cultural Features of Representation of the «Man» Concept in Old English.....	14
<i>Popova G. E., Tamrazova I. G.</i> Relevance of Irrelevance.....	25
<i>Reznikova A. R.</i> Polycoding and Means of its Expression in English Media Texts of 'Green Agenda' Issue.....	34
<i>Trofimova E. V., Milovanova A. I.</i> LABOUR as a Dominant Value in the English Phraseological Worldview.....	46
<i>Chechina I. V.</i> Evaluative Component in Anthroponyms' Semantics (Based on English Personal Names and Anthroponymic Nicknames).....	56

Studies in Romance Languages

<i>Alferov A. V., Kustova E. Y., Popova G. E., Tamrazova I. G.</i> The Bimodality of the Speech Reflexes of French Colloquial Speech.....	66
---	----

Theory of Language

<i>Mezenko A. M.</i> Urbanonymic Continuum – Geographical Terms: Role, Stability and Historical Variability.....	82
--	----

Typological and Contrastive Studies

<i>Basyrov Sh. R.</i> Formal Types of Emotional-Evaluation Blends in German and Russian.....	95
<i>Gorzhaya A. A.</i> Semantic Transfers Underlying the use of Colouratives as Terminological Elements (Based on the Russian- and English-Language Botanical Terminology).....	105
<i>Makhnenko I. A.</i> Figurative Evaluative Meanings of Parametric Adjectives «big-small» in a Comparative Aspect.....	117
<i>Pisareva V. V.</i> Combined Non-Reversibility of Reflexive Verbs in the English, German and Russian Languages.....	126
<i>Podgaiskaya I. M.</i> Peculiarities of Metaphorization of Words Denoting Weapons in English and Russian.....	137

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81'276.6

© 2023 Н. Н. Горбунова

ТЕНДЕНЦИИ ПРИРАЩЕНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ТЕРМИНОФОНДА ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «МЕНЕДЖМЕНТ»

Терминофонд предметной области «менеджмент» активно пополнялся и продолжает пополняться новыми терминоединицами. Статья посвящена раскрытию основных тенденций, по которым образуются терминологические единицы предметной области «менеджмент» в современном английском языке. В ходе работы, в частности, выделены такие частотные пути пополнения терминосистемы сферы менеджмента, как заимствование из других сфер человеческой деятельности (транстерминологизация) и метафтонимизация. Автор приходит к выводу о том, что из двух отобранных способов пополнения терминофонда предметной сферы «менеджмент» ключевым выступает транстерминологизация, в то время как метонимизация представлена в значительно меньшем объеме, причем оба способа используются в сочетании с метафоризацией. Выявлены основные сферы заимствования терминологии.

Ключевые слова: термин, терминология, терминосистема, терминофонд, менеджмент, транстерминологизация, метонимизация, заимствование.

© 2023 N. N. Gorbunova

TENDENCIES OF REPLENISHMENT OF THE ENGLISH-LANGUAGE TERMINOLOGY FUND OF THE «MANAGEMENT» SUBJECT AREA

The terminology fund of the «management» subject area has been actively replenished and continues to be replenished with new terminological units. The article is devoted to the disclosure of the main trends according to which terminological units of the «management» subject area are formed in the modern English language. In the course of the work, in particular, such frequently used ways of replenishment of the management terminology system as borrowing from other spheres of human activity (transterminologization) and metaphonimization are highlighted. The author comes to the conclusion that transterminologization is the key of the two selected methods of replenishing the terminology fund of the «management» subject area, while metonymization is presented in a much smaller volume, and both methods are used in combination with metaphorization. The main spheres of borrowing terminology are identified.

Key words: term, terminology, terminology system, terminology fund, management, transterminologization, metonymization, borrowing.

Введение

Пополнение терминологического фонда любой сферы профессиональной деятельности человека – процесс многоплановый и достаточно сложный для описания. Некоторые исследователи связывают пополнение терминофонда преимущественно с терминологизацией, в основе которой лежат процессы метафоризации «по тривиальным моделям общеупотребительного языка» [Можаров, Лопатин, 2020], что, при всей

бесспорности роли терминологизации в рассматриваемом процессе, является определенным упрощением проблемы, т.к. при таком подходе за рамками остаются такие значимые для образования новых терминологических явления, как транsterминологизация, ретерминологизация, межкультурное заимствование [см. об этом, например: Хакимова, 2022; Drayton, Coxhead, 2023; Le, Miller, 2023; Liu, Han, 2015] или создание нового термина «с нуля». Важно также учитывать тот факт, что на формирование фонда специальной лексики (к таковой, вслед за С.Д. Шеловым мы относим как терминологию, так и смежные терминологии лексические пласты, в частности, жаргон [Шелов, 2018]) оказывают влияние как интралингвистические, так и экстралингвистические факторы [Лушникова, 2003], определяющие предпочтения специалистов, сталкивающихся с проблемой лакуарности терминологической системы и с необходимостью элиминировать эту лакуарность.

Менеджмент как теория и практика управления людьми, организациями, финансовыми ресурсами и т.д. в условиях рыночной экономики существует уже достаточно длительное время. Как подчеркивают Р. Ллойд и У. Эйхоу, элементарные подходы к управлению существовали уже за 3000 лет до Рождества Христова, в то время, когда записи о деловых отношениях были впервые осуществлены ближневосточными священниками. К примеру, Сократ около 400 г. до н.э. утверждал, что управление – это компетенция, четко отделенная от владения техническими навыками и знаниями. Активное развитие современной теории управления связывают, прежде всего, с Промышленной революцией, имевшей место в период с конца 1700-х по 1800-е гг., – с периодом великих потрясений и масштабных изменений в образе жизни и работы людей [Lloyd, Aho, 2020].

В связи с очень длительной историей развития в рамках данной предметной области была выработана значительная по объему система терминологических единиц. Показательно, что основной объем современной управленческой терминологии возник в английском языке. Представляется актуальным рассмотреть тенденции и пути пополнения данного терминологического фонда.

Таким образом, **целью работы** выступает анализ основных способов пополнения англоязычного фонда терминологических единиц предметной области «менеджмент», в частности, транsterминологизации как междотраслевого заимствования и метонимизации с выделением более частотно и более редко используемых моделей.

Методы исследования включают метод сплошной выборки для отбора терминологических единиц сферы менеджмента в современном английском языке, методы дефиниционного, семантического и компонентного анализа для определения возможного сдвига структуры и семантики при транстерминологизации как межотраслевым заимствованием, а также метонимизации. Методики количественного подсчета применялись для выделения более и менее частотных путей пополнения управленческой терминологии.

Материалом для анализа послужили отобранные методом сплошной выборки терминологические единицы (500 англоязычных терминоединиц), взятые из терминологических словарей и глоссариев, монографий, научных статей, а также интернет-порталов по тематике менеджмента.

Исследовательские результаты и их обсуждение

Одним из ключевых способов пополнения англоязычного терминофонда предметной сферы «менеджмент», помимо метафоризации, уже рассматривавшейся в наших предыдущих публикациях [Горбунова, Алимуратов, 2015; Горбунова и др., 2020], выступает межотраслевое заимствование терминов и, чаще, отдельных терминоэлементов, использующихся для построения управленческих терминоединиц, – **транстерминологизация**, сопровождающаяся сдвигом семантики по сравнению с исходной единицей, функционирующей в определенной сфере человеческой деятельности. В данном случае мы не рассматриваем такие очевидно смежные с менеджментом сферы заимствования терминов и терминоэлементов, как экономика, маркетинг, банковское дело и др.

Значительное число транстерминологизированных терминов и терминоэлементов относится к **военной сфере**, например, ведение бизнеса зачастую сравнивается с ведением войны: *campaign* (кампания), *attack* (атака, нападение), *takeover* (поглощение (компаний)), *invasion (on the market)* (вторжение (на рынок)), *mobilization (of resources)* (мобилизация (ресурсов)), *tactics* (тактика), *troops* (войска), *weapons* (оружие), *capture* (захват), *defense* (защита), *offensive strategy / defensive strategy* (наступательная стратегия / оборонительная стратегия), *mission* (миссия, цель), *war* (война), *fight* (битва, сражение), *aggressor* (агрессор), *battle* (битва, сражение), *bombarding* (бомбардирование, бомбардировка), *fight* (борьба), *(dawn) raid* (рейд, налет (на рассвете)), *recruiting* (набор персонала, подбор кадров, рекрутинг), *general recruitment* (поиск через личные связи), *mentoring* (менторство), *unity of command* (единообразие распоряжений, единство управления, единое управление), *unity of direction* (единство руководства) [Management Glossary;

Multitran; Financial Dictionary] и т. д.

Почти во всех приведенных примерах наблюдается достаточно высокая степень метафоричности, вследствие чего можно говорить о тесной связи процессов метафоризации [см. также: Алимуратов, Лату, 2006; Лату, Багиян, 2015; Раздубов, 2017; Раздубов, 2020 и др.] и транслерминологизации при пополнении исследуемого терминологического фонда. Это же наблюдается также в таких терминах, как *golden parachute* («золотой парашют», т. е. крупная денежная компенсация, выдаваемая руководителю высшего звена корпорации при уходе на пенсию или при увольнении, в том числе в случае поглощения данной компании) и *tin parachute* («оловянный парашют», «жестяной парашют», выходное пособие корпоративному сотруднику, обычно стоящему ниже руководящего уровня, в случае поглощения компании). Терминоэлемент *parachute* (парашют) мы также относим к военной сфере.

Кроме того, в предметной области «менеджмент» представлены заимствованные термины (терминоэлементы) из **военно-исторической сферы**, в частности, различные виды «рыцарей», т. е. компаний, играющих разные роли при поглощении друг друга: *white knight* – «белый рыцарь» (дружественная компания, которая приобретает другую компанию за справедливое вознаграждение при поддержке совета директоров и менеджмента корпорации), *yellow knight* – «желтый рыцарь» (компания, которая изначально пыталась поглотить компанию-цель, но впоследствии сделала более мягкое предложение о слиянии обеих компаний), *black knight* – «черный рыцарь» (физическое или юридическое лицо, делающее нежелательное для фирмы предложение о ее поглощении), *grey knight* – «серый рыцарь» (компания, действующая в процессе поглощения в собственных интересах, предлагающая более выгодные условия поглощения, чем «черный рыцарь») [Management Glossary; Multitran; Financial Dictionary] и др.

Достаточно активно в рамках менеджмента используются заимствованные терминединицы или отдельные терминокомпоненты из сферы **математики**, обозначающие различные математические объекты, схемы, диаграммы, карты и т. д.: *matrix organization* (матричная организация), *Gantt's chart* (диаграмма Ганта), *Du Pont chart* (схема компании «Дюпон»), *Pareto diagram* (диаграмма Парето), *Role & Responsibility matrix* (*R & R matrix*) (матрица распределения ролей и ответственности), *Range-chart* / *range chart* (карта размахов) [Management Glossary; Multitran; Financial Dictionary] и др. В данном случае метафоризация терминов и терминокомпонентов выражена уже не столь ярко или вообще не прослеживается, что иллюстрирует

большинство приведенных выше примеров.

Несколько в меньшей степени задействованы термины и терминологические элементы, заимствованные путем транслитерализации из **технической сферы**: *boiler room* (дословно: бойлерная, котельная – незаконная организация, занимающаяся продажей рискованных или дешевых ценных бумаг), *capacity analysis* (анализ производственной мощности), *capacity for change* (способность к переменам), *capacity to fail and learn* (возможность учиться на ошибках) [Management Glossary; Multitran; Financial Dictionary] и др. В приведенных примерах и подобных им терминологических единицах доля метафоризации также невелика (в частности, она прослеживается только в первой из перечисленных выше лексических единиц).

Также присутствуют термины и терминологические элементы, заимствованные из сферы **психологии**, например: *abuse of power / abuse of office* (должностное злоупотребление, злоупотребление служебным положением), *absence of mind* (недостаток внимания, рассеянность), *control-oriented behaviour* (поведение, ориентированное на контроль), *deviant behaviour* (абнормальное поведение), *eustress* (положительный стресс) [Management Glossary; Multitran; Financial Dictionary] и др.

Достаточно продуктивной сферой в плане транслитерализации выступает **спорт**, например: *key player* (ключевой игрок), *outsider* (буквально: оутсайдер; предприятие, не входящее в монополию), *the front runner* (лидер, фаворит; главный кандидат на какой-либо пост), *competition* (буквально: соревнование; конкуренция), *product flexibility* (продуктовая гибкость), *flexible time / flextime* (гибкий график), *coaching* (консультирование, инструктирование), *target capital structure* (целевая структура), *target costing* (расчет целевых затрат), *target date* (целевая дата проекта), *target pricing* (целевое ценообразование) [Management Glossary; Multitran; Financial Dictionary] и др.

В меньшей степени в плане транслитерализации представлены такие сферы, как **география**: *cash mountain* (гора наличных денежных средств), *geography level (of management)* (региональный уровень управления), *landscape of decision making* (горизонты принятия решений) [Management Glossary; Multitran; Financial Dictionary] и др.; **игровая сфера (сфера азартных игр)**: *blue chip* («голубая фишка», акция наиболее надежной компании; акция с наибольшей рыночной капитализацией; связана с низким риском и, как следствие, низкой потенциальной доходностью; первоклассная ценная бумага) [Management Glossary; Multitran; Financial Dictionary] и др.; **информационные технологии**: *data gathering* (сбор информации для проекта), *data management* (управление данными в проекте, управление информационными потоками в проекте) [Management

Glossary; Multitran; Financial Dictionary] и др.; **правоохранительная сфера**: *golden handcuffs* («золотые наручники», льготы или привилегии, благодаря которым сотрудникам невыгодно работать на какого-либо другого работодателя); **религия**: *business angel* (деловой «ангел»; инвестор в предприятие очень высокого риска (сейчас используется для инвесторов в e-business), «ангел бизнеса», «бизнес-ангел») [Management Glossary; Multitran; Financial Dictionary] и др.; **морское дело**: *floating* (плавучесть, флуктуация), *floating rate* (свободно колеблющийся курс, плавающий курс валют), *activity floating* (свободная работа), *floating task* (плавающая задача, свободная задача) [Management Glossary; Multitran; Financial Dictionary] и др.; **социология**: *attribution theory* (теория атрибуции) [Management Glossary; Multitran; Financial Dictionary] и др.

Весьма интересным представляется заимствование терминов и терминологических элементов весьма далеких от сферы менеджмента, таких как **медицина**: *saturation campaign* (кампания по насыщению); *invasive management* (агрессивный менеджмент) [Management Glossary; Multitran; Financial Dictionary] и др.; **физика и химия**: *diffusion process* (дословно: диффузия; процесс распространения новой продукции), *absorptive capacity* (поглощающая способность (компания)), *valence* (дословно: валентность; ценность, значимость) [Management Glossary; Multitran; Financial Dictionary] и др.; **деловая корреспонденция**: *letter of credit* (аккредитив) [Management Glossary; Multitran; Financial Dictionary] и др.; **сельское хозяйство**: *yield expected* (ожидаемая прибыль), *yield gross* (валовой доход) [Management Glossary; Multitran; Financial Dictionary] и др. Также наблюдается определенная степень метафоризации терминов и терминологических элементов, изменение семантики применительно к сфере менеджмента.

Еще одним из значимых путей пополнения англоязычной терминологии предметной сферы «менеджмент» является метонимизация (частотная модель «часть – целое»), которая представлена не в чистом виде, а в рамках метафоро-метонимического переноса семантики – метафтонимизации. В терминологии менеджмента мы выделяем, в частности, следующие широко распространенные терминологические единицы, полученные в результате данных процессов: *head of division* (начальник отдела), *headhunting* («охота за головами», «охота» за талантами, подбор высококвалифицированных кадров (здесь также присутствует транслитерализованный терминологический элемент из сферы охоты), *headhunter* – «охотник за головами» (то же самое), *blue-collar (worker)* («синий воротничок», производственный рабочий), *white-collar (worker)* («белый воротничок»; работник офиса, служащий) [Management Glossary; Multitran; Financial Dictionary] и др.

Выводы

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что процессы транстерминологизации и метонимизации выступают в качестве одних из основных путей пополнения терминофонда предметной сферы «менеджмент» в современном английском языке. Оба процесса активно сопровождаются метафоризацией, что во многих случаях позволяет говорить не о чистой метонимизации, а метафтонимизации. Транстерминологизированные термины и терминологические элементы достаточно разнообразны в связи с тем, что заимствуются из совершенно различных сфер человеческой деятельности, в том числе несмежных, не имеющих прямого пересечения с анализируемой сферой. В значительной степени заимствования терминов и терминологических элементов происходят из военной (военно-исторической) сферы, математики, технической сферы, психологии. Достаточно продуктивной в плане транстерминологизации выступает сфера спорта. Менее продуктивны такие сферы, как география, игровая сфера (сфера азартных игр), информационные технологии, правоохранительная сфера, религия, морское дело, социология, медицина, физика, химия, деловая корреспонденция, сельское хозяйство и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алимуратов О. А., Лату М. Н. Метафоричность термина как переводческая проблема // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2006. № 4. С. 24-27.
2. Горбунова Н. Н., Алимуратов О. А. Метафорические модели терминодеривации в английской терминосистеме сферы менеджмента: гендерный аспект // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3 (44). С. 90-98.
3. Горбунова Н. Н., Арчаков Р. А., Ахтаева Л. А. Метафоризация как основа для транстерминологизации в сфере предметных терминоминимаций // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 3. С. 92-109.
4. Лату М. Н., Багиян А. Ю. Когнитивные модели терминологической номинации (на примере терминологии астрономии) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-3 (54). С. 112-117.
5. Лушникова Е. В. Экстра- и интралингвистические факторы формирования компьютерного жаргона (на материале русского, английского и французского языков): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Саратов, 2003. 169 с.
6. Можаров М. В., Лопатин Р. Д. Терминологический фонд и особенности перевода военного китайского подъязыка // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25. № 184. С. 46-56.
7. Раздуев А. В. Метафоризация и метонимизация в англоязычной терминологии сферы нанотехнологий: антропоцентрический аспект // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2 (51). С. 70-77.
8. Раздуев А. В. Особенности метафоризации в терминологии сфер генетики и геномной инженерии (на материале английского и русского языков) // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 444-447.

9. Хакимова Г. А. Источники пополнения терминосистемы ветеринарной паразитологии (на материале немецкого языка) // Филология: научные исследования. 2022. № 2. С. 1-14.

10. Шелов С. Д. Очерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практические приложения. Москва: ПринтПро, 2018. 472 с.

11. Drayton J., Coxhead A. The development, evaluation and application of an aviation radiotelephony specialised technical vocabulary list // The English for Specific Purposes. 2023. Vol. 69. P. 51-66

12. Le C. N. N., Miller J. A core meaning-based analysis of English semi-technical vocabulary in the medical field // The English for Specific Purposes. 2023. Vol. 70. P. 252-266.

13. Liu J., Han L. A corpus-based environmental academic word list building and its validity test // The English for Specific Purposes. 2015. Vol. 39. P. 1-11.

14. Lloyd R., Aho W. The Four Functions of Management: An Essential Guide to Management Principles. FHSU Digital Press, 2020. Доступ: <https://fhsu.pressbooks.pub/management/chapter/the-history-of-management>. (дата обращения: 25.11.2023).

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Management Glossary. Доступ: https://englisharound.com/files/management_glossary.php. (дата обращения: 01.10.2023).

2. Multitran. Доступ: <https://www.multitran.com>. (дата обращения: 01.10.2023).

3. Financial Dictionary. The Free Dictionary. Доступ: <http://www.financial-dictionary.thefreedictionary.com>. (дата обращения: 01.10.2023).

REFERENCES

1. Alimuradov, O. A., Latu, M. N. (2006). Metaforichnost termina kak perevodcheskaya problema [Metaphoricity of the term as a translation problem]. In *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 4. Pp. 24-27. (In Russ.).

2. Gorbunova, N. N., Alimuradov, O. A. (2015). Metaforicheskie modeli terminoderivatsii v angliyskoy terminosisteme sfery menedzhmenta: gendernyy aspekt [Metaphorical models of terminological derivation in the English management terminology system: gender aspect]. In *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. No. 3 (44). Pp. 90-98. (In Russ.).

3. Gorbunova, N. N., Archakov, R. A., Akhtayeva, L. A. (2020). Metaforizatsiya kak osnova dlya transterminologizatsii v sfere predmetnykh terminonominatsiy [Metaphorization as a basis for transterminologization in the field of subject terminological names]. In *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. No. 3. Pp. 92-109. (In Russ.).

4. Latu, M. N., Bagiyana, A. Yu. (2015). Kognitivnye modeli terminologicheskoy nominatsii (na primere terminologii astronomii) [Cognitive models of terminological nomination (based on Astronomy terminology)]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 12-3 (54). Pp. 112-117. (In Russ.).

5. Lushnikova, E. V. (2003). *Ekstra- i intralingvisticheskie faktory formirovaniya kompyuternogo zhargona (na materiale russkogo, angliyskogo i frantsuzskogo yazykov)* [Extra- and intralinguistic factors of computer jargon formation (based on Russian, English and French)]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Saratov. (In Russ.).

6. Mozharov, M. V., Lopatin, R. D. (2020). Terminologicheskii fond i osobennosti perevoda voennogo kitayskogo podyazyka [Terminological fund and features of translation of the military Chinese sublanguage]. In *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Vol. 25. No. 184. Pp. 46-56. (In Russ.).

7. Razduyev, A. V. (2017). Metaforizatsiya i metonimizatsiya v angloyazychnoy terminologii sfery nanotekhnologii: antropotsentricheskii aspekt [Metaphorization and

metonymization in the English-language Nanotechnology terminology: an anthropocentric aspect]. In *Voprosy kognitivnoy linguistiki*. No. 2 (51). Pp. 70-77. (In Russ.).

8. Razduyev, A. V. (2020). Osobennosti metaforizatsii v terminologii sfer genetiki i gennoy inzhenerii (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov) [Some features of metaphorization in the Genetics and Genetic Engineering terminology (based on English and Russian)]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. No. 2 (41). Pp. 444-447. (In Russ.).

9. Khakimova, G. A. (2022). Istochniki popolneniya terminosistemy veterinarnoy parazitologii (na materiale nemetskogo yazyka) [Sources of replenishment of the terminological system of veterinary parasitology (based on German)]. In *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. No. 2. Pp. 1-14. (In Russ.).

10. Shelov, S. D. (2018). *Ocherk teorii terminologii: sostav, ponyatiynaya organizatsiya, prakticheskie prilozheniya* [An essay on the theory of terminology: composition, conceptual organization, practical applications]. Moskva: PrintPro. (In Russ.).

11. Drayton J., Coxhead, A. (2023). The development, evaluation and application of an aviation radiotelephony specialised technical vocabulary list. In *The English for Specific Purposes*. Vol. 69. Pp. 51-66.

12. Le C. N. N., Miller, J. (2023). A core meaning-based analysis of English semi-technical vocabulary in the medical field. In *The English for Specific Purposes*. Vol. 70. Pp. 252-266.

13. Liu J., Han, L. (2015). A corpus-based environmental academic word list building and its validity test. In *The English for Specific Purposes*. Vol. 39. Pp. 1-11.

14. Lloyd R., Aho W. The Four Functions of Management: An Essential Guide to Management Principles. FHSU Digital Press, 2020. Available at: <https://fhsu.pressbooks.pub/management/chapter/the-history-of-management>. (accessed: 25.11.2023).

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Management Glossary*. Available at: https://englisharound.com/files/management_glossary.php (accessed: 01.10.2023).

2. *Multitran*. Available at: <https://www.multitran.com>. (accessed: 01.10.2023).

3. *Financial Dictionary*. The Free Dictionary. Available at: <http://www.financial-dictionary.thefreedictionary.com>. (accessed: 01.10.2023).

Горбунова Наталья Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры профессионально-ориентированного английского языка (e-mail: gorbunova@pgu.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет»
357532, Пятигорск, пр. Калинина, д. 9

Gorbunova Natalya N. – Candidate of Philology, Associate Professor of English for Special Purposes Department (e-mail: gorbunova@pgu.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University»
9 Kalinin Ave, Pyatigorsk, 357532

Поступила в редакцию 02 октября 2023 г.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ЧЕЛОВЕК» В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье предпринята попытка концептуального анализа понятия «человек» в аспекте культурно-исторических и социолингвистических факторов, влияющих на представление самого человека об окружающем его мире, людях, событиях в непосредственной связи с историческим развитием английского языка с опорой на сравнительно-исторический метод, применяющийся к этапам развития языка, к изучению диалектов; классифицированы тематические группы наименований человека в древнеанглийском периоде на основе лексикографических и литературных источников; выявлены основные словообразовательные модели внутри тематической группы «человек»; описаны лингвокультурные особенности типизированных образов литературных персонажей на примере англоязычных исторических литературных произведений.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, древнеанглийский язык, культурно-исторические и социолингвистические факторы, сравнительно-исторический метод.

© 2023 I. N. Mikhailovskaya

LINGUISTIC AND CULTURAL FEATURES OF REPRESENTATION OF THE «MAN» CONCEPT IN OLD ENGLISH

The article deals with the analysis of the «man» concept in the aspect of cultural and historical and sociolinguistic factors, that influence a person's understanding of the world around him, as well as people, events closely connected with the historical development of the English language based on the comparative-historical method of studying both historical stages of language development and dialects. Thematic groups of human names in the Old English period were classified on the basis of lexicographic and literary sources. The main word-formation models within the thematic group «man» were identified. The linguistic and cultural features of typical images of literary characters are described on the example of the English-language historical literary works.

Key words: linguoculturology, concept, Old English, cultural and historical factors, sociolinguistic factors, comparative historical method.

1. Введение. При исследовании концепта «человек» в историческом развитии английского языка важно учитывать особенности архаического мышления человека определенного исторического периода, поскольку для современного человека характерно иное восприятие мира. Лингвокультурный и исторический контексты дают возможность продемонстрировать реализацию концепта «человек» в социальной жизни определенного периода развития англосаксонского общества. В лингвистике анализ ценностных предпочтений открывает возможности для исследования личности в тесной взаимосвязи с вопросом о ценностях, ценностных основаниях бытия человека, постоянно находящегося

в ситуации определения самоидентичности в различных векторах координат жизненных ситуаций [Воробьев, 1997; Карасик, 2002].

Актуальность темы обусловлена повышенным интересом исследователей к проблеме антропоцентричности в изучении языковых явлений в диахроническом аспекте, что предполагает изучение языка во взаимосвязи человека с его сознанием, мышлением, культурой, историей [Акопянц, 2001; Джандубаева, 2015; Заврумов, 1987; Курицкая, Дегтяренко, 2018; Расторгуева, 2009; Тарасюк, Ягупова, 2018; Шапошникова, 2014].

Цель статьи состоит в изучении и анализе лингвокультурных особенностей репрезентации концепта «человек» в историческом развитии английского языка.

Материалом для исследования служит словарный состав английского языка в древнеанглийском периоде его развития, включающий лексические единицы, репрезентирующие концепт «человек» в историческом развитии английского языка, отобранные методом сплошной выборки из словарей древнеанглийского языка и англоязычных исторических литературных произведений.

2. Методологическая основа и материал исследования. Проблема концепта в современной лингвистике рассматривается такими исследователями, как С. Г. Воркачев, О. Б. Клевцова и др., которые полагают, что структура концепта, помимо понятийных элементов, содержит культурную информацию и выделяют культурологический, образный и социальный компоненты в структуре концепта [Воркачев, 2002; Клевцова, 2007]. Лингвокультурный аспект включает не только общеисторический фон, но и определяет понятие «человек» параметрами семьи, общества, государства, а также дает возможность продемонстрировать реализацию концепта «человек» в социальной жизни определенных периодов развития англосаксонского общества [Бруннер, 2010; Матюшина, 2023]. Концептуальное представление о человеке в древнеанглийской поэтической модели мира имеет большое количество синонимических наименований, богатых по своей семантике и имеющих несколько значений, реализующихся в разных контекстах [Ахманова, 2013; Гвоздецкая, 2004, 2020; Павлова, 2013; Смирницкая, 1982].

3. Основная часть. Лингвоаксиологический подход к анализу художественной личности предполагает выявление ее ценностных характеристик в соотнесении с культурными ценностями и то, как это отношение репрезентировано в языковой ткани литературных произведений, представляющих собой сложный феномен, являющийся способом аккумуляции и передачи информации, отражением представления людей о жизни, продуктом определенной исторической эпохи, формой существования культуры [Акопянц, 2001; Бруннер, 2010; Воркачев, 2002; Матюшина, 2023].

Образные средства древнеанглийского языка являются лингвостилистическими маркерами жизнеописаний героев. С присущим архаическому обществу мифологическим сознанием человек древнего периода стремился органично вписаться в реальность посредством архетипических мифологических моделей своей жизнедеятельности. Время по представлению человека в древности понималось как регулярное чередование таких природных явлений, как день и ночь, зима и лето, увядание и весеннее возрождение, рождение и смерть. Жизнь совершенно естественно определялась природными и биологическими циклами, регулярными повторениями биокосмических ритмов, отраженными в обрядовой практике с верой в мифических героев, живущих и действующих в мифологическом циклическом времени, путешествующих по разным мирам, обладающих гиперболической силой, совершающих подвиги. Таковы герои скандинавского эпоса «Старшей Эдды» и «Младшей Эдды» – двух произведений, являющихся главными источниками знаний о скандинавской мифологии, описывающей образ жизни, социальное положение скандинавских ярлов и их дружины, положение в обществе воинов-викингов, которые должны были без страха бросаться навстречу опасности, заведомо зная, что это может привести к гибели.

Концептуальный дух эпохи древности был определенно проникнут героической аксиологией наравне с образами животных и растений, всегда занимающими одни из ключевых позиций в древности, когда животные и растения помогали людям выживать в суровых условиях. Эти образы впитали в себя характерные черты, которыми их наделили люди, и зачастую стали нарицательными. Герои защищают свой народ; они способны победить драконов и чудовищ [Бояшов, 2021; Гербер, 2020].

При изучении художественного воплощения идеи о человеке той или иной эпохи необходимо учитывать жанрово-стилистическое пространство, в котором он репрезентирован. Важнейшим и во многих отношениях крайне ценным поэтическим памятником древнеанглийского периода является героическая поэма «Беовульф», созданная в VIII веке, содержащая наиболее многочисленный пласт лексики, составляющей наименования человека, а именно: наименования воина, членов семьи, друга, врага.

Культурным прототипом образа является тотемный предок из ритуально-обрядового прошлого. Связь с архаичным тотемом сохранилась в имени героя эпической поэмы «Беовульф». Согласно одной из версий имя Беовульф может трактоваться буквально «*волк пчел*», «*пчелиный волк*», то есть как кеннинг для «*медведя*» и, таким образом, символизировать силу и могущество воина [Беовульф: Эпос, 2010]. Большой интерес

представляют кеннинги (букв. «обозначение») – поэтический перифраз или иносказательное описание предмета, заменяющее одно слово, как правило, существительное двумя или, реже, несколькими словами. Например: кеннинг для «воина» – «носитель шлема» – *helmberend*:

Gegrētte ðā gumena gehwylcne,
hwate helm-berend hindeman sīðe,
swāse gesīðas: «Nolde ic sweord beran,
wāpen tō wyrme, gif ic wiste hū
wið ðam āglācean elles meahthe
gylpe wiðgīpan» [Beowulf, 2000: 170].

Кеннинг для «конунга»; «правителя» – «кольцедаритель» *bēaggyfa* или *bēaga bryttan* (слово *bēaga* означает «драгоценность», *gyfa* – «дающий», «дарующий», то есть «даритель», а *brytta* – «распределяющий», «раздающий»):

ālēdon þā lēofne þēoden,
bēaga bryttan on bearm scipes,
mārne be mæste [Beowulf, 2000: 4];
wīg ond wīsdōm: «Ic þæs wine Deniga
frēan Scildinga frīnan wille,
bēaga bryttan, swā þū bēna eart,
þēoden mārne [Beowulf, 2000: 24];
þæt ic gum-cystum gōdne funde
bēaga bryttan, brēac þonne mōste» [Beowulf, 2000: 102].

Основные образы древнеанглийской литературы репрезентировали образы воина, героя, короля, славы, богатства. Так, например, в древнеанглийском языке «муж-воин» обозначался: *mān(n)*, *zuma*, *secz*, *rinc*, *hæleþ*, *þezn* ‘дружинник’, *wer*, *сепра*, *теcz*, *freca* (ди. *freki* ‘волк, собств. «хищный»’), *beorn* (ди. *biorn* ‘медведь’), *wīza* [An Anglo-Saxon Dictionary Online, 2014; OED].

Анализ представленных в статье лексикографических источников, а также текстового материала поэмы «Беовульф» позволяет выделить в структуре концепта «человек» следующие характеристики: человек в аспекте родственных связей: генеалогия героя, принадлежность к роду, характеристика рода: «отец / мать», «брат / сестра», «сын / дочь», «муж / жена», «хозяин / хозяйка»; человек в аспекте социальных связей: «вождь», «конунг», «король», «правитель»; человек вооруженный: «воин», «враг», «защитник», «герой». Герой защищает свой народ и гармонизирует действительность своими поступками. Наличие особой поэтической лексики, в том числе сложных понятий,

является отличительной чертой эпических произведений древнеанглийского периода. Например, понятие «воин» выражается существительными *rinc*, *meсз*, *secз*, *bezп*, *freca*, *зита* и сложными наименованиями: «боевой герой»: *beado-rinc*; *hilde-rinc*; *зѳр-rinc*; *зѳр-freca*; *heaдо-rinc*; «боевой воин»: *зѳр-beorn*; *зѳр-wiza*; «воин-герой»: *here-rinc*; «боевой муж»: *hilde-meсз*; «едущий в бой»: *heaдо-lѳpend*; «носящий шлем»: *helm-berend*. В общем смысле понятие «человек», представленное в древнеанглийском языке лексемой *man*, в составе множества сложных слов образует буквальные наименования человека, например: *sæ-man*, *fyrn-man*. Выражения различались оттенками значения, но все они могли заменять одно другое без нарушения смысла.

4. Основные результаты исследования. В исследуемой тематической группе «человек», включающей лексику древнеанглийского периода, которая была отобрана методом сплошной выборки (128 примеров) из словарей – 78 примеров (61%) и поэмы «Беовульф» – 50 примеров (39%)), выделим следующие подгруппы с учетом частеречного обозначения и основных словообразовательных моделей:

1) «**Человек**»: «человек», «люди», «род / происхождение», «родственники (родство, семья)», «межличностные отношения». В данную группу входят преимущественно существительные (N): д.а. *manп*, *топп*, *тап(п)* ‘человек, мужчина’; д.а. *men(п)* ‘люди’; д.а. *guta* ‘мужчина, муж-воин’; д.а. *swēп* ‘жена, женщина; королева’ (греч. *gυne* ‘женщина’, рус. *жена*); д.а. *wīf* ‘жена, женщина’; д.а. *sunu* ‘сын’; д.а. *bearn* ‘ребенок, дитя’; д.а. *cild* ‘дитя, ребенок’; д.а. *brýd* ‘невеста’; д.а. *fæder* ‘отец’; д.а. *mōdor* ‘мать’; д.а. *brōdor* ‘брат’; д.а. *dohtor* ‘дочь’; д.а. *sweostor* ‘сестра’; д.а. *mæзden* (*mæden*) ‘девушка, дева’; д.а. *hlāford* ‘господин, лорд’; д.а. *hlæfdīze* ‘госпожа’; д.а. *dryhten* ‘господин’; д.а. *сnyht* (IX в.) (*cneoht*, *cnieht*) ‘мальчик, слуга, батрак’; д.а. *сyn(п)* (*сyne*) ‘род, племя’ (*сyninз* ‘сначала вождь племени, а затем король’); д.а. *сyninз* ‘король’; д.а. *eorl* ‘вождь’; д.а. *mæз* ‘родич’; д.а. *wīta* ‘мудрец, старейшина’; д.а. *beorn* ‘герой’; д.а. *frēond* ‘друг’; д.а. *wine* (ди. *vinr*) ‘друг’; д.а. *fēond* ‘враг’.

2) «**Общество**»: «род занятия», «общественные отношения», «положение / позиция / статус / занимаемая должность в обществе», «народность», «названия племен», «деятель / деятельность / профессия / род занятия / общественные отношения / народность». Словообразовательные модели данной группы представлены следующим образом: а) существительное (N) (одноэлементные древнеанглийские наименования, обозначающие, например национальную принадлежность, общественный статус): д.а. *Enzle* ‘англы’ (из древней формы *Angli*); д.а. *Franka* ‘франк’; д.а. *Seaxe* ‘саксы’; д.а. *Dene* ‘датчане’;

д.а. *Gota* ‘гот’; д.а. *cniht* ‘рыцарь’; *снафа* ‘мальчик, молодой слуга’; д.а. *folc* ‘народ’; д.а. *zefylc* ‘дружина’ (*folc* ‘народ’); д.а. *secз* ‘воин’; б) существительное + суффикс *-ere-* (для обозначения лиц мужского пола) или суффикс *-estre-* (для обозначения лиц женского пола) (N + suffix *-ere-* / *-estre-*). Существительные с суффиксами *-ere-* / *-estre-* (N + suffix *-ere-* / *-estre-*) обозначают лиц, деятельность которых связана с определенными предметами, играющими жизненно важную роль в быту древних англичан, или с определенной работой, которой они занимались: д.а. *bæcere* ‘пекарь’; д.а. *bæcestre* ‘женщина-пекарь’; д.а. *fiscere* ‘рыбак’; д.а. *fuzelere* ‘птицелов’; д.а. *hearpestre* ‘арфистка’; д.а. *spinnestre* ‘пряха’; д.а. *witezestre* ‘пророчица’; в) существительное + суффикс *-man* (N + suffix *-man*): существительное *mann* ‘человек’ в течение древнего периода дало ряд новых слов, что позволяет считать, что в этот период стал складываться новый суффикс *-man*, например: д.а. *zlēoman* ‘гусляр’; д.а. *rādesman* ‘советник’; д.а. *sāman* ‘моряк’; г) существительное + суффикс *-isc* (N + suffix *-isc*): д.а. *Enzlisc* ‘английский’; д.а. *Frencisc* ‘французский’; д.а. *Welisc* ‘уэльский, кельтский’ (от *Walas* ‘уэльсцы’); д.а. *mennisc* ‘человеческий’; д.а. *folcisc* ‘народный’; д.а. *haethenisc* ‘языческий’; д) сложное имя существительное, составленное из основ прилагательного и существительного (Adj + N): д.а. *nēahbūr* ‘сосед’ (*nēah* ‘близкий’ + (*ze*)*būr* ‘житель’); е) сложное имя существительное, составленное из основ двух существительных (N + N): д.а. *folctoza* ‘вождь’ (*folc* ‘народ’ + *toza* ‘тот, кто ведет’); д.а. *tunzolwiteza* ‘астролог’ (*tunzol* ‘звезда’ + *witeza* ‘ученый’); д.а. *zoldsmið* ‘золотых дел мастер’; д.а. *witenaзemōt* ‘название народного собрания у англосаксов – совет; совет старейшин’ (*wītena*, р.п. мн.ч. от *wita* ‘мудрец, старейшина’ + *zemōt* ‘собрание, совет’).

3) **«Имя собственное»:** «имянаречение»; «прозвище». Данная подгруппа включает в себя англосаксонские и кельтские имена (с учетом скандинавского влияния на имятворчество англичан), в структурно-семантическом отношении представляющие собой одноэлементные и сложносоставные личные имена [Рыбакин, 2000; Матюшина, 2023]. Люди древности верили в магическую силу имен, образованных от слов, имеющих «доброжелательный» характер, считая, что подобные имена приносят их обладателям счастье, благополучие, защиту от болезней, любовь, покровительство, почет. Для этой цели использовалась следующая древнеанглийская лексика: *beorht* ‘яркий, блестящий, светлый’, *gifu*, *gyfu* ‘дар, подарок, милость’, *gōd* ‘хороший, добродетельный’, *rād* ‘совет, решение, ум’, *weard* ‘страж, хранитель, защита’, *wine* ‘друг, защита’ и многие другие слова.

В одноэлементных именах закономерно прослеживается этимология омонимичной апеллятивной лексики, которая существовала в древнеанглийском языке, например:

Brūn – это: 1) личное имя, 2) прилагательное *brūn* ‘коричневый’; *Frōda* – это: 1) личное имя, 2) прилагательное *frōda* ‘мудрый, старый’; *Tūn* – это: 1) личное имя, 2) существительное *tūn* ‘город’. Семантика почти всех одноэлементных личных имен была прозрачной. Одноэлементные древнеанглийские имена можно подразделить на следующие группы, обозначающие, например: 1) виды оружия и военные действия – *Gūtha* ‘битва’, *Brorda* ‘меч’; 2) живую и неживую природу – *Horsa* ‘лошадь’, *Wid(d)a* ‘дерево’; 3) мифологических существ, героев эпоса, богов и богинь – *Ælf* ‘эльф’, *Ōssa* – один из древнеанглийских богов; 4) строения – *Burga* ‘крепость’, *Hūs(s)a* ‘дом’; 5) имена, соотносимые с конкретной нарицательной лексикой – *Golda* ‘золото’, *Wegga* ‘путь’; 6) имена, соотносимые с абстрактной лексикой – *Lufu* ‘любовь’, *Gife* ‘дар’.

Сочетание компонентов в сложносоставных именах играло важную роль, и люди осуществляли его осмысленно: *Mærwine* – *mære* (известный, славный, великолепный) + *wine* (друг, защитник); *Æthelstān* – *æthele* (благородный, отличный, превосходный) + *stān* (камень); *Sigerīg* – *sige* (победа) + *rice* (мощный). Например, части древнеанглийских имен *Ælf-rīc* и *Wulf-stān* могли быть скомпонованы в виде *Ælf-stān* и *Wulf-rīc*. Сочетание элементов в составе антропонима указывало на принадлежность к определенному роду.

В виде классического примера составления антропонима из сочетания элементов имен собственных родителей можно представить имя святого Вульфстана (*Wulfstān* – *wulf* ‘волк’ + *stān* ‘камень’), который родился у отца по имени *Æðelstān* – *æthele* ‘благородный, превосходный’ + *stān* ‘камень’ и матери по имени *Wulfgifu* – *wulf* ‘волк’ + *gifu* ‘дар, подарок’ и включал первый элемент имени матери (*Wulf-*), а также второй элемент имени отца (*-stān*). Данные примеры демонстрируют существование определенных закономерностей в сфере имятворчества древнего времени.

Словообразовательным компонентом у кельтов был активно используемый *gwyn(gwen)* ‘белый(-ая), белокурый(-ая), блаженный(-ая), святой(-ая)’, который служил для образования личных имен: *Gwen* (жен.); *gwyn* (муж.); *Gwenda* (жен.) – *gwen* + *da* ‘хороший’; *Gwendolen* (*Gwendolin*, *Gwendolyn*, *Gwendoline*) (жен.) – *gwen* + *dolen* ‘круг’; *olwen* (жен.) -*ol* ‘след, тропинка’ + (*g*)*wen*.

Древние скандинавы оказали определенное влияние на имянаречение англичан. Следующие примеры демонстрируют близость древнескандинавской и древнеанглийской антропонимии: д.а. *Asgar(us)* – древненорвежск. *Aesgeirr*, древнедатск. *Esger*, д.а. *Esgar* одинакового происхождения; древнедатск. *Asgot* – это д.а. *Osgod*; древнесканд. *Sighvater* – это д.а. *Siwater*; элементы *Thor-*, *Thur-* указывают на скандинавское происхождение

некоторых личных имен, например, *Thorold, Thorgod, Thurstan*.

4) «Характер человека»: «частные характеристики человека», «характер, нрав».

Подгруппа «характеристики / описательные свойства человека» включает в себя:

а) прилагательные (Adj) и б) словосочетания (Adj + N): а) прилагательное (Adj): д.а. *zōd* 'хороший'; д.а. *yfel* 'злой, плохой'; д.а. *mihtiz* 'могущественный'; д.а. *lēof* 'любимый'; д.а. *lēoflic* 'любезный, достойный любви'; д.а. *frēondlic* 'дружественный'; д.а. *zōdlic* 'приятный'; д.а. *ðancfull* 'благодарный'; д.а. *searfull* 'заботливый'; д.а. *stipmōd* 'храбрый'; д.а. *trēow* 'верный'; д.а. *hāliz* 'святой'; д.а. *mōdiȝ* 'гордый'; д.а. *synnfull* 'грешный'; б) словосочетания (прилагательное + существительное) (Adj + N): д.а. *zōd mann* 'добрый человек'; д.а. *zōd cwēn* 'добрая женщина'; д.а. *zōd frēond* 'хороший товарищ'.

5. Заключение. Ключевые образы древнеанглийской литературы репрезентировали образы воина, героя, короля, славы, богатства, войны, которые служат прекрасным историческим, социологическим и этнографическим источником, помогая узнать о народе, его культуре, быте, верованиях, языковом творчестве. Эпическая поэзия целиком изображала прошлое, мир героев – совершенно иной ценностно-временной уровень. Концептуальный дух эпохи древности был проникнут героической аксиологией. Героический вектор осмысления человеческой личности, героические ценности являются главными в англосаксонском обществе той эпохи, определяют логику разворачивания концептуальных смыслов в литературе, являются мотивационной основой деяний литературных персонажей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акопянц А. М. Присубстантивный инфинитив в современном английском языке (синтаксемный анализ). Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2001. 156 с.
2. Бруннер К. История английского языка: в 2-х т.; пер. с нем. / под ред. и с предисл. Б. А. Ильиша. 4-е изд. Москва: Издательство ЛКИ, 2010. 720 с.
3. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар: Техн. ун-т КубГТУ, 2002. 140 с.
4. Воробьев В. В. Лингвокультурология: Теория и методы. Москва: Изд-во Российск. ун-та дружбы народов, 1997. 477 с.
5. Гвоздецкая Н. Ю. Древнеанглийский поэтический язык в русском художественном переводе // Преподаватель XXI век. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2020. № 4. С. 345-354.
6. Гвоздецкая Н. Ю. Нарративные основы формульности древнеанглийского поэтического текста // Атлантика. Записки по исторической поэтике. Москва, 2004. Вып. 6. С. 37-48.
7. Джандубаева Н. М. Когнитивно-семантические характеристики речевых единиц, осложненных герундиальной клаузой (на материале английского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Пятигорск, 2015. 22 с.
8. Заврумов З. А. Функционально-семантическое поле физического состояния лица в

диахроническом аспекте: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Пятигорск, 1987. 147 с.

9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

10. Клевцова О. Б. Концепт «человек телесный»: когнитивное моделирование и переносы (на материале сопоставительного анализа древнерусского и древнеанглийского языков): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Тюмень, 2007. 209 с.

11. Курицкая Е. В., Дегтяренко К. А. Происхождение фамилий в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 1 (79). Ч. 2. С. 331-334.

12. Матюшина И. Г. Сосуществование древнеанглийских и древнескандинавских диалектов на Британских островах // Вопросы филологии. Москва: РГГУ, 2023. № 1 (81). С. 13-31.

13. Павлова А. Н. Значение фоновой лексики в социально-культурном аспекте // Культура общения и ее формирование. Воронеж: Истоки, 2013. Вып. 27. С. 118-122.

14. Расторгуева Т. А. Очерки по исторической грамматике английского языка. 2-е изд., доп. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 168 с.

15. Смирницкая О. А. Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия. Москва, 1982. С. 171-232.

16. Тарасюк В. А., Ягупова Л. Н. О номинациях кровного родства в романе Ш. Бронте «The Professor» в аспекте переводоведения // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Донецк: Издательство ДонНУ, 2018. Т. 5. С. 23-25.

17. Шапошникова И. В. История языка как междисциплинарная наука (общетеоретические проблемы в интерпретации исторических процессов) // Сибирский филологический журнал. 2014. Вып. 4. С. 179-188.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. стереотип. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 576 с.

2. Рыбакин А. И. Словарь английских личных имен. Москва: Астрель, АСТ, 2000. 221 с.

3. An Anglo-Saxon Dictionary Online / Ed. Bosworth, Joseph, Thomas Northcote Toller and others. Web. 23 Sept. 2014. Available at: <http://bosworth.ff.cuni.cz>. (accessed: 03.09.2023).

4. Online Etymology Dictionary. Available at: <http://www.etymonline.com>. (accessed: 03.09.2023). [OED].

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Беовульф: Эпос / пер. с др.-англ. В. Тихомирова. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2010. 288 с.

2. Бояшов И. В. Старшая Эдда. Песни о богах. Прозаическое переложение скандинавского эпоса. Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2021. 304 с.

3. Гербер Х. Мифы Северной Европы / пер. с англ. Г. Г. Петровой. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2020. 346 с.

4. Beowulf. New York, London: W. W Norton & Company, 2000. Available at: <https://www.dvusd.org/cms/lib/AZ01901092/Centricity/Domain/2891/Beowulf%20Heaney.pdf>. (accessed: 03.09.2023).

REFERENCES

1. Akopyants, A. M. (2001). *Prisubstantivnyy infinitiv v sovremennom angliyskom yazyke (sintaksemnyy analiz)* [Presubstantive infinitive in modern English (syntaxeme analysis)]. Pyatigorsk: Izd-vo PGLU. (In Russ.).
2. Brunner, K. (2010). *Istoriya angliyskogo yazyka* [History of the English Language]. In B. A. Ilish (ed. and trans.). 4th ed. Moskva: Izdatelstvo LKI. (In Russ.).
3. Vorkachev, S. G. (2002). *Kontsept schastyia v russkom yazykovom soznanii: opyt lingvokulturologicheskogo analiza* [The concept of happiness in the Russian language consciousness: experience of linguocultural analysis]. Krasnodar: Tekhn. un-t KuBGTU. (In Russ.).
4. Vorobev, V. V. (1997). *Lingvokulturologiya: Teoriya i metody* [Linguoculturology: Theory and methods]. Moskva: Izd-vo Rossiysk. un-ta družby narodov. (In Russ.).
5. Gvozdetskaya, N. Yu. (2020). *Drevneangliyskiy poeticheskiy yazyk v russkom khudozhestvennom perevode* [Old English poetic language in Russian literary translation]. In *Prepodavatel XXI vek*. Moskva: Moskovskiy pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet. No. 4. Pp. 345-354. (In Russ.).
6. Gvozdetskaya, N. Yu. (2004). *Narrativnye osnovy formulnosti drevneangliyskogo poeticheskogo teksta* [Narrative foundations of the formulaicity of the Old English poetic text]. In *Atlantika. Zapiski po istoricheskoy poetike*. Moskva. Iss. 6. Pp. 37-48. (In Russ.).
7. Dzhandubaeva, N. M. (2015). *Kognitivno-semanticheskie kharakteristiki rechevykh edinit, oslozhnennykh gerundialnoy klauzoy (na materiale angliyskogo yazyka)* [Cognitive and semantic characteristics of speech units complicated by a gerund clause (based on English)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Pyatigorsk. (In Russ.).
8. Zavrumov, Z. A. (1987). *Funktsionalno-semanticheskoe pole fizicheskogo sostoyaniya litsa v diakhronicheskom aspekte* [Functional-semantic field of the physical state of a person in the diachronic aspect]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Pyatigorsk. (In Russ.).
9. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena. (In Russ.).
10. Klevtsova, O. B. (2007). *Kontsept «chelovek telesnyy»: kognitivnoe modelirovanie i perenosy (na materiale sopostavitelnogo analiza drevnerusskogo i drevneangliyskogo yazykov)* [The concept of «a physical person»: cognitive modeling and transfers (based on the comparative analysis of Old Russian and Old English languages)]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Tyumen. (In Russ.).
11. Kuritskaya, E. V., Degtyarenko, K. A. (2018). *Proiskhozhdenie familiy v angliyskom yazyke* [The origin of surnames in the English language]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota. No. 1 (79). Ch. 2. Pp. 331-334. (In Russ.).
12. Matyushina, I. G. (2023). *Sosushchestvovanie drevneangliyskikh i drevneskandinavskikh dialektov na Britanskikh ostrovakh* [The coexistence of Old English and Old Norse dialects on the British Isles]. In *Voprosy filologii*. Moskva: RGGU. No. 1 (81). Pp. 13-31. (In Russ.).
13. Pavlova, A. N. (2013). *Znachenie fonovoy leksiki v sotsialno-kulturnom aspekte* [The meaning of background vocabulary in the socio-cultural aspect]. In *Kultura obshcheniya i ee formirovanie*. Voronezh: Istoki. Iss. 27. Pp. 118-122. (In Russ.).
14. Rastorgueva, T. A. (2009). *Ocherki po istoricheskoy grammatike angliyskogo yazyka* [Essays on the historical grammar of the English language]. 2nd (enl.). Moskva: Knizhnyy dom «LIBROKOM». (In Russ.).
15. Smirnitskaya, O. A. (1982). *Poeticheskoe iskusstvo anglosaksov* [Poetic art of the Anglo-Saxons]. In *Drevneangliyskaya poeziya*. Moskva. Pp. 171-232. (In Russ.).
16. Tarasyuk, V. A., Yagupova, L. N. (2018). *O nominatsiyakh krovnogo rodstva v romane Sh. Bronte «The Professor» v aspekte perevodovedeniya* [On the nominations of blood relations in Ch. Bronte's novel «The Professor» in the aspect of translation studies]. In *Donetskie chteniya 2018: obrazovanie, nauka, innovatsii, kultura i vyzovy sovremennosti*. Donetsk:

Izdatelstvo DoNNU. Vol. 5. Pp. 23-25. (In Russ.).

17. Shaposhnikova, I. V. (2014). *Istoriya yazyka kak mezhdistsiplinarnaya nauka (obscheteoreticheskie problemy v interpretatsii istoricheskikh protsessov)* [History of language as an interdisciplinary science (general theoretical problems in the interpretation of historical processes)]. In *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. Iss. 4. Pp. 179-188. (In Russ.).

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Akhmanova, O. S. (2013). *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Izd. stereotip. Moskva: Knizhnyy dom «LIBROKOM». (In Russ.).

2. Rybakin, A. I. (2000). *Slovar angliyskikh lichnykh imen* [Dictionary of English Personal Names]. Moskva: Astrel, AST. (In Russ.).

3. *An Anglo-Saxon Dictionary Online*. In Bosworth, Joseph, Thomas Northcote Toller et al (ed.). Web. 23 Sept. 2014. Available at: <http://bosworth.ff.cuni.cz>. (accessed: 03.09.2023).

4. *Online Etymology Dictionary*. Available at: <http://www.etymonline.com>. (accessed: 03.09.2023).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Beowulf: Epos* [Beowulf: An Epic]. In V. Tikhomirova (tran.). Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika, 2010. (In Russ.).

2. Boyashov, I. V. (2021). *Starshaya Edda. Pesni o bogakh. Prozaicheskoe perelozhenie skandinavskogo eposa* [Elder Edda. Songs about the Gods. Prose adaptation of the Scandinavian epic]. Sankt-Peterburg: Limbus Press, ООО «Izdatelstvo K. TublinA». (In Russ.).

3. Gerber, Kh. (2020). *Mify Severnoy Evropy* [Myths of Northern Europe]. In G. G. Petrova (tran.). Moskva: ZAO Tsentrpoligraf. (In Russ.).

4. *Beowulf*. New York, London: W. W Norton & Company, 2000. Available at: <https://www.dvusd.org/cms/lib/AZ01901092/Centricity/Domain/2891/Beowulf%20Heaney.pdf>. (accessed: 03.09.2023).

Михайловская Ирина Николаевна –
кандидат филологических наук, доцент
кафедры теоретической лингвистики
и практики межкультурного общения
(e-mail: m_irina09@mail.ru),
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Пятигорский государственный
университет»
357532, Ставропольский край, Пятигорск,
проспект Калинина, 9

Mikhailovskaya Irina N. – Candidate
of Philology, Associate Professor of Theoretical
Linguistics and Practice of Intercultural
Communication Department
(e-mail: m_irina09@mail.ru)
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «Pyatigorsk State
University»
9 Kalinin ave., Pyatigorsk, Stavropol Region,
Russia, 357532

Поступила в редакцию 07 октября 2023 г.

УДК 81'42:81'27

© 2023 Г. Е. Попова, И. Г. Тамразова

РЕЛЕВАНТНОСТЬ НЕРЕЛЕВАНТНОСТИ

В статье рассматриваются некоторые неаддитивные стратегии речевого взаимодействия: парадокс, ирония, сарказм. Исследуется их роль в создании речевого имиджа и псевдоидентичности говорящего. В основу исследовательского подхода положены концепции релевантных и когнитивно-риторических моделей речевой интеракции. Анализ проводится на материале обыденного и обыденно-профессионального общения на примере образов и речевых манифестаций известного телесериала «Доктор Хаус».

Ключевые слова: теория речевой интеракции, категория релевантности, неаддитивные речевые стратегии, парадокс, ирония, сарказм, речевой имидж и псевдоидентичность, речевой эпатаж, эристичность.

© 2023 G. E. Popova, I. G. Tamrazova

RELEVANCE OF IRRELEVANCE

The article discusses some non-additive strategies of speech interaction: paradox, irony, sarcasm. Their role in the creation of the speaker's speech image and pseudo-identity is investigated. The research approach is based on the concepts of relevance and cognitive-rhetorical models of speech interaction. The analysis is based on the material of everyday and everyday professional communication using the example of images and speech manifestations of the famous television series «House, MD».

Key words: theory of speech interaction, category of relevance, non-additive speech strategies, paradox, irony, sarcasm, speech image and pseudo-identity, speech outrage, eristics.

Введение. Теория речевой интеракции (ТРИ) [Алферов, 2001] не только междисциплинарна, но и поликатегориальна. Поликатегориальность отличается тем, что категории, которые составляют концептуальное поле ТРИ, обладают свойством внутриконцептуальной адаптации: входя в концептуальное поле ТРИ, они приобретают новые категориальные признаки, новые функциональные реализации, взаимодействуют и пересекаются, входя в концептуальную систему теории [Алферов, Курашенко, Попова, 2016].

Здесь нами рассматриваются прежде всего две категории ТРИ – *релевантности* и *речевой идентичности* – в их пересекающихся реализациях в речевой интеракции и во взаимодействии со смежными категориями ТРИ [Попова, 2019; 2020; Тамразова, 2009; 2019].

Категория релевантности (КР), ставшая одной из основных категорий коммуникации, далеко не ограничивается сущностным понятийным ядром, сформированным логико-инференциальной концепцией Г. П. Грайса или феноменологией А. Шюца, в значительной степени определяющей субъективный характер релевантности речевого взаимодействия [Попова, 2020a].

В рамках теории речевой интеракции КР приобретает интеркогнитивную функцию – функцию, связывающую *смысл адресанта* и *интерпретацию адресата* (аудитории) с ситуацией речевого взаимодействия и интеракциональностью речевого действия, погруженного в социум [Попова, 2020б].

Категория речевой идентичности капсулирует речевое взаимодействие внутри сознания каждого участника, взаимодействуя с системой его «внутренних релевантностей» [Шюц, 2004]: говорящий строит свое речевое поведение в соответствии с его субъективным ощущением и осознанием своего внутреннего мира, отрефлексированного в преломлении к ситуации речевого взаимодействия «здесь и сейчас» (хронотоп, субъектность, объектность и т. д.).

Речевая актуализация отрефлексированного *Я* сопряжена с речевой идентичностью говорящего, с его *делокутивным имиджем* [Тамразова, 2021].

Категория делокутивного имиджа разрабатывается в ТРИ и представляет собой не только совокупность прецедентных высказываний, на основании которых обычно реконструируется «речевой портрет» говорящего (пишущего), но и доминантные стратегии речевого поведения, которые превалируют в высказывании говорящего *ad hoc* («здесь и сейчас») [Алферов, Шамугия, 2013]. Мы рассмотрим здесь два типа речевых стратегий, которые определяют прагма-риторические доминанты делокутивного имиджа, напрямую связанного с речеповеденческой идентичностью говорящего [Тамразова, 2021].

Постановка проблемы. Две стратегии, определяющие тип речевой идентичности, получили наименование *аддитивной* и *неаддитивной* стратегий [Ирисханова, 2014]. Аддитивные стратегии говорящего направлены на «добавление знаний» собеседнику с наименьшими потерями смысла высказывания. Следуя принципу релевантности [Sperber, Wilson, 1995], говорящий стремится всячески облегчить процесс понимания своего высказывания, снабжая собеседника максимальным количеством эксплицитных указателей, ориентирующих интерпретацию получателя в направлении интенционального замысла отправителя. Перефразируя формулу Р. Барта, это «нулевая степень» и письма, и говорения. Другими словами, это «нормальная» коммуникация с преобладанием прямых высказываний, не требующих интерпретационных усилий [Попова, 2020]. Речевая идентичность говорящего при этом не отягощена риторическими изысками, импликациями всякого рода, намёками, интертекстом и другими средствами, требующими интенсивной инференции, направленной на извлечение смысла. Однако при этом Я-рефлексия, или этос говорящего зачастую кажется примитивным, речевой и интеллектуальный коэффициент низким, самовыражение плоским и пресным. В этом

случае на помощь приходят *неаддитивные стратегии* – юмор, ирония, сарказм, подтекст и т. д. Эти средства выражения формируют риторическую идентичность говорящего, повышают его самооценку, однако, могут входить в противоречие с коммуникативной компетенцией собеседника, повышая риск коммуникативных неудач [Mustajoki, 2012]. В основе неаддитивных стратегий, таким образом, лежит *нарушение принципа первичной релевантности*, которая обратно пропорциональна усилию по интерпретации передаваемого сообщения. Однако совпадение «внутренних релевантностей» собеседников, способность понять друг друга с полуслова, полунамёка, раскрыть подтекст и узнать прецедентный текст или аллюзию рождает *вторичную релевантность*, более высокого уровня, нерелевантного в первом приближении высказывания. Эта первичная нерелевантность может касаться как формы, так и субстанции плана выражения: невежливость, вызов, насмешка, ироничная интонация, мимика, улыбка, взгляд, жест и т. д. Нерелевантность может касаться и плана содержания: парадоксы, юмор, ирония, сарказм. Такое речевое поведение мы характеризуем как эристическое [Тамразова, 2020], провоцирующее, проверяющее чувство юмора, эмпатию, интеллект и т. д. собеседника. Это в полной мере относится к пишущему, автору художественного произведения, зачастую создающему своим неаддитивным текстом (дискурсом) проблемы в его понимании, интерпретации и переводе [Алферов, Попова, 2017]. Такое поведение может быть ситуативным, а может характеризовать особую эристическую идентичность говорящего, либо его *псевдоидентичность* – маску, призванную прикрыть внешней эпатажностью истинный внутренний мир говорящего, его «внутренние релевантности» [Шюц, 2004].

Таким образом, в основе представления эристического коммуникативного поведения лежит принимаемая нами широкая концепция фикциональной эристики и эристического в речи в целом [Тамразова, 2020]. Под эристической дискурсивной идентичностью нами понимается субъект, способный и склонный пренебречь, в той или иной степени, устоявшимися поведенческими (этическими) и коммуникативными нормами: принципом кооперации (П. Грайс), постулатами вежливости (П. Браун, Дж. Лич) и т. п. с целью создания некоего образа себя, внешнего по отношению к миру собственных «внутренних релевантностей», некоей *псевдоидентичности*, которая формируется по модели «эхо-теории» иронического в речи [Wilson, 2006].

Механизм эхо-высказывания строится на полифонии эхо-голосов, один из которых отрицает релевантность сказанного, подразумевая некую вторичную релевантность [Попова, 2020]. Псевдоидентичность говорящего опирается в этом случае на речевую маску, сотканную из неаддитивных речевых стратегий.

Ход и результаты исследования. В качестве объекта исследования был выбран заглавный персонаж известного телесериала «Доктор Хаус» («House, MD») – личность откровенно эристическая с проявлениями мизантропии (трикстер).

«Феномену Хауса» посвятили книги серьезные специалисты в философии, психологии, медицине, филологии и лингвистике [Уилсон, 2010; Jacoby, 2009;]. Книга «Хаус и философия: все врут!» принадлежит перу восемнадцати философов, рассматривающих «феномен Хауса» с точки зрения философии Сократа и Платона, Ницше и Сартра, Рассела и Хайдеггера, дзена и даосизма [Jacoby, 2009].

Однако главной причиной выбора послужила возможность продемонстрировать речевую псевдоидентичность этой эристической языковой личности [Тамразова, 2009]. Материалом и методом исследования стало сопоставление эристического речевого поведения в текстах оригинала и перевода [Алферов, Попова, 2017].

Предметом стало речевое поведение, позволяющее герою, который не просто лечит людей, но с каждым пациентом бросает вызов самой смерти (Хаус – гениальный диагност редких, угрожающих жизни заболеваний), строить свою псевдоидентичность циника и мизантропа, благодаря набору неаддитивных стратегий. Приведем некоторые из стратегий речевой эристической псевдоидентичности этого фикционального персонажа, чья гениальность в постановке редчайших диагнозов опровергает или нивелирует все его асоциальные качества в глазах зрителей телесериала. «Харизма Хауса» заполнила Интернет многочисленными фан-сайтами, цитатниками Хауса («хаусизмы») и других персонажей сериала.

Неаддитивные стратегии речевой псевдоидентичности могут фокусироваться как на плане выражения, так и содержания. Оба плана, естественно, переплетаются между собой.

Гипертрофия «эпистемической бдительности»^{*}. Главная максима Хауса: *Everybody lies! Все врут!* выражает скепсис не только по отношению к компетентности сотрудников, больных и их родственников, но и пренебрежение человеческим статусом пациентов, отражающее нестандартное, парадоксальное, эристическое («ницшеанское») мышление:

House: *Everybody lies.*

Cameron: Dr. House doesn't like dealing with patients.

Foreman: Isn't treating patients why we became doctors?

House: *No, treating illnesses is why we became doctors.*

Хаус: *Все лгут.*

Кэмерон: Доктор Хаус не любит общаться с пациентами.

Форман: Разве лечение пациентов не то, зачем мы стали врачами?

Д-р Хаус: *Нет, мы стали врачами, чтобы лечить болезни.*

^{*} «Эпистемическая бдительность» (*epistemic vigilance*) ([Sperber, 2013]), в частности, есть недоверие к получаемой от собеседника информации, сомнение и скепсис по поводу того, что говорится, и того, кем говорится, а также осторожное (отстраненное) отношение к адресату и аудитории.

В ответ на упреки следует уничижительно-презрительный «хаусизм»:

What would you want, a doctor who holds your hand while you die, or a doctor who ignores you while you get better? I guess it would particularly suck to have a doctor who ignores you while you die.

Что лучше: врач полный сочувствия, у которого ты умрешь, или врач, тебя игнорирующий, у которого ты поправишься? Конечно, врач, тебя игнорирующий, у которого ты умрешь, – это уже слишком.

Эпатаж собеседника. Эта стратегия намеренно нарушает принцип вежливости и кооперативного общения и сводится к следующим проявлениям:

а) морбиальная ироническая гипербола (сарказм):

Young Mother: No formula, just mommy's healthy natural breast milk. We're not vaccinating. I think some multinational pharmaceutical company wants me to think they work.

House: You know another really good business? Teeny tiny baby coffins. You can get them in frog green or fire engine red. Really.

– Никакой химии, просто натуральное грудное молоко мамочки. Мы не будем ее прививать.

Я считаю, что это все уловки международной фармацевтической корпорации.

– Знаете, какой еще есть хороший бизнес? *Малюсенькие детские гробы. Можно заказать зеленые, можно заказать красные.* Серьезно.

б) ироническая «эвокация низа» [Бахтин, 1990]:

Wilson: Who you're gonna let go.

House: I'm thinking I can convince Vogler it would be more cost-efficient to let me keep all of them. It will be more cost-efficient once I've grabbed Cameron's ass, called Foreman a spade, and Chase... well, I can grab his ass, too.

– Кого ты уволишь?

– Попробую убедить Воглера, что будет прибыльнее оставить всех троих. Будет прибыльнее, если я смогу хватать Кэмерон за попку, Формана называть ниггером, и Чейза... его я тоже схвачу за попку.

в) ирония «от противоположного» (a contrario):

Warden: Your patient shanked one inmate his first month here, broke another one's neck, nearly decapitated one of my guards...

House: Relax, I've got a great bedside manner.

Надзиратель: Ваш пациент пырнул своего сокамерника, а другому сломал шею и практически обезглавил одного из охранников...

Хаус: Не бойтесь, я его не обижу.

В этом диалоге сталкиваются две интенциональности: косвенное предупреждение об угрозе и ироническое пренебрежение угрозой – неаддитивная стратегия **нарочитой нерелевантности** высказывания. Вторичной функцией иронии здесь выступает контраргументативная функция: Хаус отвергает аргументацию надзирателя.

Нерелевантность и нарушение постулатов Грайса выступают одной из главных неаддитивных стратегий, формирующих эристическую языковую личность Хауса, его речевую псевдоидентичность:

Foreman: I think your argument is specious.

House: I think *your tie is ugly*.

Wilson: That smugness of yours really is an attractive quality.

House: Thank you. *It was either that or get my hair highlighted. Smugness is easier to maintain.* If I'd said to Foreman, «Nice try, it was a great guess, but not this time», what do you think he'd be doing right now?

Wilson: I think he'd be going home not feeling like a piece of crap.

House: Exactly.

Wilson: *You want him to feel like a piece of crap?*

House: *No, I don't want him going home.*

Форман: Это некорректный пример.

Хаус: *А у тебя безобразный галстук.*

– Твое самодовольство располагает.

– Благодарю. *Был еще вариант осветлить волосы. Но самодовольство выходит дешевле.*

Если бы я сказал Форману: «Отличная идея, ты угадал», что бы он сейчас делал?

– Шел бы домой, не ощущая себя дерьмом.

– Точно.

– *Хочешь, чтобы он чувствовал себя дерьмом?*

– *Нет, я не хочу, чтобы он шел домой.*

Речевая псевдоидентичность – явление еще мало изученное, которое требует междисциплинарного подхода, прежде всего, когнитивного и психолингвистического. В рамках данной статьи мы смогли лишь показать некоторые аспекты эристического речевого поведения. Такое поведение нельзя объяснить только механизмами эхо-теории ироничности. В речевом поведении д-ра Хауса отмечены прецедентные феномены, риторические фигуры, например, хиазм, приведенный в примере выше, манипуляция апеллятивами (прозвищами) и многое другое [Попова, 2023; Тамразова, 2021].

Существование неаддитивных стратегий позволяет не только спрятаться за эристичной речеповеденческой маской, но и избежать тривиальности в общении, идентифицировать уровень взаимопонимания – когнитивного резонанса внутренних релевантностей собеседников [Попова, 2020], раскрепостить интеллектуальность и эмпатию речевой интеракции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алферов А. В. К теории речевого взаимодействия, речевые единицы языка // Вестник Московского университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 4. С. 192-197.
2. Алферов А. В., Курашенко И. Р., Попова Г. Е. The dynamics of Russia's conceptualization in the parliamentary discourse in contemporary Europe // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2016. № 1. С. 117-121.
3. Алферов А. В., Попова Г. Е. Некоторые лингвокогнитивные аспекты художественного перевода // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2017. № 1. С. 69-71.
4. Алферов А. В., Шамугия Л. Г. Репликативный дискурс парламентских дебатов (на материале скриптов заседаний французского парламента) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 3. С. 109-112.
5. Бахтин М. М. Творчество Ф. Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. Москва: Художественная литература, 1990. 543 с.
6. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика

дефокусирования. Москва: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.

7. Попова Г. Е. Когнитивно-прагматическая категория релевантности в структуре парламентской и политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2019. № 1 (73). С. 81-89.

8. Попова Г. Е. Когнитивный резонанс как функция интеракционного энталамирования // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3 (42). С. 285-290.

9. Попова Г. Е. Теория релевантности: две концепции контекста // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2020a. Т. 16. № 1 (47). С. 60-69.

10. Попова Г. Е. Релевантность высказывания как условие успешности речевой интеракции // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2020b. Т. 16. № 3 (49). С. 75-84.

11. Попова Г. Е. Концептуализация релевантности в когнитивно-семиотической модели коммуникативной интеракции. Пятигорск: Изд-во «ПГУ», 2023. 242 с.

12. Тамразова И. Г. Культурологические и прагматическо-дискурсивные аспекты эристических речевых практик // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 1. С. 197-201.

13. Тамразова И. Г. Культурологическая эристика и её отражение в художественном тексте // Культура и текст. 2019. № 1 (36). С. 146-158.

14. Тамразова И. Г. Эристическая компетенция как лингвокогнитивная категория // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2020. Т. 16. № 4 (50). С. 67-78.

15. Тамразова И. Г. Эристические речевые практики: опыт дискурсивной риторики. Кросс-культурное исследование речевой агональности и языковой трансгрессии. Москва: Московский Политех, 2021. 442 с.

16. Уилсон Л. Загадка доктора Хауса – человека и сериала. Санкт-Петербург: Питер, 2010. 283 с.

17. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 1056 с.

18. Jacoby H. *House and Philosophy: Everybody Lies*. New Jersey: Hoboken John Wiley & Sons, Inc., 2009. 272 p.

19. Mustajoki A. A speaker-oriented multidimensional approach to risks and causes of miscommunication // *Language and Dialogue*. 2012. № 2:2. P. 216-243.

20. Sperber D., Wilson D. *Relevance: Communication and Cognition*. Oxford; Cambridge: MA, 1995. 338 p.

21. Sperber D. Speakers are honest because hearers are vigilant. Reply to Kourken Michaelian // *Episteme*. 2013. 10 (1). P. 61-71.

22. Wilson D. The pragmatics of verbal irony: Echo or pretence? // *Lingua*. 2006. 116 (10). P. 1722-1743.

REFERENCES

1. Alferov, A. V. (2001). K teorii rechevogo vzaimodeystviya, rechevye edinitsy yazyka [On the theory of speech interaction, speech units of language]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. No. 4. Pp. 192-197. (In Russ.).

2. Alferov, A. V., Kurashenko, I. R., Popova, G. E. (2016). The dynamics of Russia's conceptualization in the parliamentary discourse in contemporary Europe. In *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 1. Pp. 117-121. (In Russ.).

3. Alferov, A. V., Popova, G. E. (2017). Nekotorye lingvokognitivnye aspekty khudozhestvennogo perevoda [Some linguocognitive aspects of literary translation]. In *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 1. Pp. 69-71. (In Russ.).

4. Alferov, A. V., Shamugiya, L. G. (2013). Replikativnyy diskurs parlamentskikh debatov (na materiale skriptov zasedaniy frantsuzskogo parlamenta) [Replicative discourse of parliamentary debates (based on scripts of meetings of the French parliament)]. In *Vestnik*

Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. No. 3. Pp. 109-112. (In Russ.).

5. Bakhtin, M. M. (1990). *Tvorchestvo F. Rable i narodnaya kultura Srednevekovya i Renessansa* [Creativity of F. Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).

6. Iriskhanova, O. K. (2014). *Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya* [Focus games in language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).

7. Popova, G. E. (2019). Kognitivno-pragmaticheskaya kategoriya relevantnosti v strukture parlamentskoy i politicheskoy kommunikatsii [Cognitive-pragmatic category of relevance in the structure of parliamentary and political communication]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 1 (73). Pp. 81-89. (In Russ.).

8. Popova, G. E. (2020). Kognitivnyy rezonans kak funktsiya interaktsionalnogo entalamirovaniya [Cognitive resonance as a function of interactive enthalamation]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. No. 3 (42). Pp. 285-290. (In Russ.).

9. Popova, G. E. (2020a). Teoriya relevantnosti: dve kontseptsii konteksta [Theory of relevance: two concepts of context]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Vol. 16. No. 1 (47). Pp. 60-69. (In Russ.).

10. Popova, G. E. (2020b). Relevantnost vyskazyvaniya kak uslovie uspehnosti rechevoy interaktsii [Relevance of utterance as a condition for the success of speech interaction]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Vol. 16. No. 3 (49). Pp. 75-84. (In Russ.).

11. Popova, G. E. (2023). *Kontseptualizatsiya relevantnosti v kognitivno-semioticheskoy modeli kommunikativnoy interaktsii* [Conceptualization of relevance in the cognitive-semiotic model of communicative interaction]. Pyatigorsk: Izd-vo «PGU». (In Russ.).

12. Tamrazova, I. G. (2009). Kulturologicheskie i pragmadiskursivnye aspekty eristicheskikh rechevykh praktik [Culturological and pragmadiscursive aspects of eristic speech practices]. In *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 1. Pp. 197-201. (In Russ.).

13. Tamrazova, I. G. (2019). Kulturologicheskaya eristika i eye otrazhenie v khudozhestvennom tekste [Cultural eristic and its reflection in fiction]. In *Kultura i tekst*. No. 1 (36). Pp. 146-158. (In Russ.).

14. Tamrazova, I. G. (2020). Eristicheskaya kompetentsiya kak lingvokognitivnaya kategoriya [Eristic competence as linguistic and cognitive category]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Vol. 16. No. 4 (50). Pp. 67-78. (In Russ.).

15. Tamrazova, I. G. (2021). *Eristicheskie rechevye praktiki: opyt diskursivnoy ritoriki. Kross-kulturnoe issledovanie rechevoy agonálnosti i yazykovoy transgressii* [Eristic speech practices: the experience of discursive rhetoric. A cross-cultural study of speech agonality and linguistic transgression]. Moskva: Moskovskiy Politekh. (In Russ.).

16. Wilson, L. (2010). *Zagadka doktora Khausa – cheloveka i seriala* [The mystery of Dr. House – the man and the series]. Sankt-Peterburg: Piter. (In Russ.).

17. Shyuts, A. (2004). *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom* [Selectas: A world shining with meaning]. Moskva: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). (In Russ.).

18. Jacoby, H. (2009). *House and Philosophy: Everybody Lies*. New Jersey: Hoboken John Wiley & Sons, Inc.

19. Mustajoki, A. (2012). A speaker-oriented multidimensional approach to risks and causes of miscommunication. In *Language and Dialogue*. No. 2:2. Pp. 216-243.

20. Sperber, D., Wilson, D. (1995). *Relevance: Communication and Cognition*. Oxford; Cambridge: MA.

21. Sperber, D. (2013). Speakers are honest because hearers are vigilant. Reply to Kourken Michaelian. In *Episteme*. 10 (1). Pp. 61-71.

22. Wilson, D. (2006). The pragmatics of verbal irony: Echo or pretence? In *Lingua*. 116 (10). Pp. 1722-1743.

Попова Галина Евгеньевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки» (e-mail: gepopova@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Астраханский государственный технический университет» 414056, Астрахань, ул. Татищева, 16

Тамразова Илона Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки» (e-mail: ilona999@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» 107023, Москва, ул. Большая Семеновская, 38

Popova Galina E. – Doctor of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Foreign Languages Department (e-mail: gepopova@mail.ru), Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Astrakhan State Technical University» 16 Tatichsheva str., Astrakhan, 414056

Tamrazova Ilona G. – Doctor of Philology, Associate Professor of Foreign Language Department (e-mail: ilona999@mail.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Moscow State Technical University» 38, Bolshaya Semenovskaya st., Moskva, 107023

Поступила в редакцию 11 октября 2023 г.

УДК 811.111:81'42

© 2023 А. Р. Резникова

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПОЛИКОДОВОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ «ЗЕЛЕННОЙ ПОВЕСТКИ»

Данная статья посвящена описанию функционирования поликодовости в англоязычных медиатекстах «зеленой повестки» в газетных жанрах. Источники языкового материала современные британские ('The Guardian', 'The Economist') и американские СМИ ('The Wall Street Journal'). Установлено, что общий доминантный смысл высказывания находится во взаимосвязи с изображением или другими знаками.

Ключевые слова: поликодовый медиатекст, «зеленая повестка», поликодовость, медиатекст, средства реализации поликодовости, медиадискурс, англоязычные СМИ, карикатура, обложка журнала, специальный репортаж.

© 2023 A. R. Reznikova

POLYCODING AND MEANS OF ITS EXPRESSION IN ENGLISH MEDIA TEXTS OF 'GREEN AGENDA' ISSUE

This paper addresses the description of polycode English media texts of «green agenda» functioning in newspaper genres. The sources of the language material are modern British ('The Guardian', 'The Economist') and American media ('The Wall Street Journal'). It is established that the dominant meaning of the utterance is related to image or other signs.

Key words: polycode media text, 'green agenda', polycoding, media text, means of polycoding expression, media discourse, English media, cartoon, magazine cover, journal report.

1. Вводные сведения

В настоящее время медиаисследования в сфере лингвистики, как и в других областях науки – социологии, психологии, политологии – сохраняют свою актуальность. Этому способствует медиатизация современного общества, широкое распространение новостей посредством печатной прессы и сети Интернет, усиленной визуализацией общения. Одной из ключевых особенностей современного медиатекста является его поликодовость, т. е. совмещение вербального и невербального компонента в организации текста. В. Е. Чернявская уточняет, что восприятие текста как поликодового образования является следствием поликодового характера современной человеческой коммуникации, что находит свое отражение в визуализации коммуникативного сообщения, его эстетизации [Чернявская, 2021]. Достижения технического прогресса открывают новые возможности структурирования наглядной иконической информации [Сонин, 2005], что определяет актуальность изучения специфики внутренней организации англоязычных поликодовых медиатекстов (далее – ПМ) и того, как в них реализуется поликодовость.

Анализ литературы по проблеме исследования позволяет сделать вывод о значимости изучения различных аспектов функционирования языка в медиасреде. Так, с теоретических позиций исследуются медиатекст и медиадискурс [Солганик, 2005; Солнцева, 2018], рассматривается функционирование категории оценки в современном медиадискурсе [Гордиенко, 2019; Byessonova, Gordienko, 2021]. Феномен поликодовости и ее актуализации не только в медиатекстах, но и в интернет-коммуникации является предметом исследования ряда научных работ: например, поликодовые тексты исследуются посредством эксперимента [Сонин, 2005], изучается функционирование меметических поликодовых единиц в сети Интернет [Мелькаева, 2022], анализируются прагматические и стилистические особенности ПМ различной жанровой принадлежности [Блинова, 2019; Павлина, 2022; Резникова, 2023; Borisova, 2015; Pinar-Sanz, 2020], описываются особенности медийного словотворчества и оценивается роль поликодовости как средства речевого воздействия [Рацибурская, 2018; Якоба, 2019]. Вполне естественно, что мировые события формируют медиа повестку, что представляется небезынтересным и для ученых: функционирование языка в дискурсе многих устойчивых медиа тем (например, эпидемии Covid-19) находит свое отражение в работах лингвистов [Карасик, 2020; Ирисханова, 2012; Павлина, 2022]. Таким образом, исследование поликодовой природы современного медиатекста в рамках «зеленой повестки» видится **актуальным**: информационное поле не является в полной мере изученным, в связи с чем возникает необходимость системного описания особенностей реализации поликодовости в ПМ различных газетных жанрах. **Научная новизна** исследования состоит в том, что в нем впервые устанавливаются особенности реализации поликодовости в ПМ, посвященных тематике «зеленой повестки» в современном англоязычном медиадискурсе.

Целью данной статьи является описание функционирования поликодовости в англоязычных медиатекстах «зеленой повестки» в рамках следующих газетных жанров: **специальный репортаж, карикатура, обложка.**

В настоящем исследовании были применены следующие **методы**: метод сплошной выборки, метод лингвистического описания, медиалингвистический метод, метод дискурсивного анализа.

2. Характеристика материала исследования

Материал исследования составили англоязычные ПМ трех жанров (специального репортажа, карикатуры и обложки), посвященные тематике «зеленой повестки», отобранные методом сплошной выборки из британских (*'The Guardian'*, *'The Economist'*) и американских СМИ (*'The Wall Street Journal'*). Критерием отбора эмпирического материала являлась не только поликодовая природа медиатекстов, но и их

принадлежность к медиадискурсу «зеленой повестки».

В настоящем исследовании **поликодовый текст** вслед за А. Г. Сониным понимается нами как текст, «... построенный на соединении в едином графическом пространстве семиотически гетерогенных составляющих вербального текста в устной или письменной форме, изображения, а также знаков иной природы» [Сонин, 2005: 117]. Анализ корпуса эмпирического материала показывает, что в современных англоязычных медиа ПМ – существенная часть публикуемого медиаконтента.

«Зеленая повестка» понимается нами как мировой глобалистский вектор, направленный на сохранение природных ресурсов, сокращение загрязнения окружающей среды, переход на устойчивую и чистую энергетику. Кроме того, «зеленая политика» призвана быть реализованной в различных сферах жизни современного общества, но она преимущественно затрагивает область экономики: эксперты полагают, что активная пропаганда экологизма обуславливает необходимость форсированного перехода на новый экономический уклад [Катасонов, 2022; Шкуматов, 2022].

Следует обозначить и медийный аспект существования данной темы. А. Д. Дашичев полагает, что западные средства массовой информации используются в качестве площадки для популяризации «позитивной ценностной базы нового зеленого мира», и в настоящее время эта функция медиа плавно видоизменилась: чаще стала использоваться «обвинительная риторика» в адрес виновников несоблюдения экологических норм и правил, таким образом формируя разделение мира по признаку «экологичности» и «успешности зеленых мер» [Дашичев, 2022].

3. Явление поликодовости в ПМ в газетных жанрах: результаты и дискуссия

Прежде чем перейти к описанию результатов исследования, определим понятие «газетный жанр» вслед за С. М. Гуревичем как «... устойчивые особенности его содержательно-тематических характеристик, типа отображаемой действительности, композиции, стилистики» [Гуревич, 2004]. В данной статье рассмотрим ПМ «зеленой повестки» трех жанров: специальный репортаж, карикатура, обложка.

3.1. Специальный репортаж

Спец-репортаж относится к группе информационных газетных жанров, однако он не лишен черт аналитичности. Д. В. Соколов-Митрич считает, что «репортаж – это, прежде всего, искусство композиции ... важно уметь выстраивать текст, а не писать его. Подбор фактов, эпизодов, деталей, их притяжение, а еще лучше отталкивание – сами по себе должны производить такой искрящийся эффект, чтобы не нужно было никакого ‘искусства письма’» [Соколов-Митрич, 2015].

В рубрике *Journal Report* американской деловой газеты *'The Wall Street Journal'* опубликован спец-репортаж под заголовком *Why ESG Ratings Vary So Widely* (03.11.2022) [Why ESG Ratings...]. Материал посвящен ESG-стандартам¹, которых придерживаются компании в своей деятельности. Следует отметить, что данный ПМ разбит на несколько небольших заметок за авторством разных экспертов, объединённых общей главной темой. Более конкретно составители этого материала раскрывают различные аспекты инвестирования, построенного на ESG-принципах и то, каким рейтингам лучше доверять при осуществлении инвестпроектов, а первая страница репортажа иллюстрирует эту дилемму (см. рис. 1). Так, ПМ данного жанра встречает читателя красочным изображением: геометрические линейки как бы произрастают из земли на фоне чистого неба, залитого солнцем, и ярко-зеленой травы; подпись на рисунке содержит заголовок репортажа (*Why ESG Ratings Vary So Widely*²). В этом случае иконическая (т. е. изобразительная) и вербальная части ПМ находятся в отношениях взаимозависимости, т. к. доминантный смысл высказывания, а, соответственно, и его правильное истолкование, возможно только при наличии визуального и вербального компонентов, последний из которых выполняет главную функцию. Следовательно, в восприятии читателя формируется заложенный автором образ, а именно: ESG-рейтингов много (они репрезентированы через образ линеек), они опираются на разную методологию (разный цвет линеек), из-за чего одна и та же компания может иметь как высокий, так и самый низкий рейтинг в системе (линейки-рейтинги разной высоты). Общий фон изображает приятную ясную погоду, что может свидетельствовать в пользу идеи о «зеленом мире», который необходимо строить и культивировать также посредством бизнес-среды.

Специальный репортаж газеты содержит также раздел о взглядах инвесторов на устойчивое инвестирование, этот ПМ проиллюстрирован соответствующим изображением (см. рис. 2).

Во втором случае изобразительная часть может существовать самостоятельно, она дополняет вербальную и усиливает общее впечатление от сопровождающего ее текста: речь идет о том, что в ходе исследования Стенфордского университета было установлено, что поддержка инвесторами ESG-мер и их готовность потенциально потерять деньги по этой причине варьировались в зависимости от их возраста и благосостояния.

¹ От англ. *Environmental, Social, Governance (ESG)* – ‘экологическое, социальное, корпоративное управление’ (здесь и далее перевод мой – А. Р.).

² ‘Почему рейтинги ESG так сильно различаются’

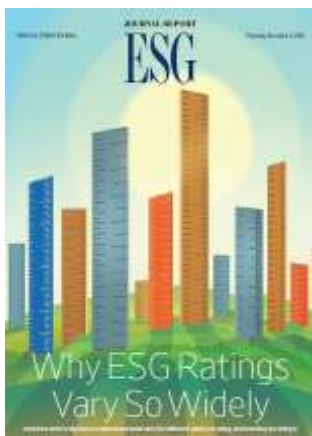

Рис. 1. *Why ESG Ratings Vary So Widely* [The Wall Street Journal, 03.11.2022]

Рис. 2. *Investors' Views on Sustainable Investing*³ [The Wall Street Journal, 03.11.2022]

На рисунке изображены два человека на весах, балансирующих на вершине треугольника. Платформа, на которой они стоят находится в положении равновесия, рисунок разделен на две равные части, и цветовая гамма поддерживает это разделение. Правая сторона показана в серо-черных тонах, фигура, стоящая на фоне дымящихся труб, напоминает солидного человека в годах; левая часть рисунка выполнена в бирюзово-синих оттенках, изображен человек, по телосложению похожий на молодого, на заднем плане – несколько ветрогенераторов. Фигуры людей стоят лицом друг к другу, как бы представляя два видения мира в целом и ситуации с инвестированием в частности. Идеи, закодированные в визуальном сообщении ПМ, поддержаны вербально, например:

(1) *...Investors 58 years old and over were the least likely to support ESG objectives in general, and those between 18 and 41 were the most likely* [Why ESG Ratings...] ‘... Инвесторы в возрасте 58 лет и выше с наименьшей долей вероятности поддержали цели ESG в целом, а те, кому было от 18 до 41 года – с наибольшей вероятностью’;

(2) *wealthier young investors tended to be the biggest ESG champions* [там же] ‘более состоятельные молодые инвесторы, как правило, были крупнейшими сторонниками ESG’;

(3) *...young investors ... said ... that they would be willing to lose about 14% of their retirement savings to have companies reduce carbon emissions to net zero by 2050* [там же] ‘...молодые инвесторы ... сказали ... что они были бы готовы потерять около 14% своих пенсионных накоплений, чтобы компании сократили выбросы углекислого газа до чистого нуля к 2050 году’.

Данный ПМ подтверждает мысль Р. Барта о зависимости возникновения смыслов от взаимосвязи «изображения, звука и начертания знаков» [Барт, 1989: 124]: так, идея

³ ‘Взгляды инвесторов на устойчивое инвестирование’

экологически чистого мира представлена в успокаивающих бирюзово-синих цветах, а загрязненного – в мрачных черных и грязно-серых оттенках. Предполагаем, что семантика цвета в данном случае играет важную роль в порождении смыслов: синий, бирюзовый, белый цвета ассоциируются с чистотой, легкостью и свежестью, черный и серый напротив – носят негативный характер. Эмоциональное действие этих цветовых сочетаний, показанных в контрасте, могут эксплицироваться на сам смысл, закодированный в них, где «зеленое» настоящее и будущее показывается в привлекательном виде и оценивается по признаку «хорошо», а уже ставший традиционным индустриальный мир, показанный в черных тонах, инстинктивно вызывает страх и отвращение.

В ходе анализа эмпирического материала было установлено, что принадлежность газеты *'The Wall Street Journal'* к группе качественной и влиятельной прессы диктует авторам журналистских текстов определенный стиль изложения и организации материала, что находит свое отражение в использовании графиков и диаграмм, как еще одного средства проявления поликодовости медиатекстов жанра специальный репортаж.

3.2. Карикатура

Карикатура – изображение, в котором комический эффект создается соединением реального и фантастического, она также является основной формой изобразительной сатиры, обладающая тенденциозной социально-критической направленностью [БЭС]. М. И. Пинар-Санз уточняет, что карикатура имеет идеологическую функцию: «Cartoons exhibit a variety of purposes, have a clear ideological function and their purpose is to comment on or satirise a social issue or political event»⁴ [Pinar-Sanz, 2020: 16]. Рассмотрим, как проявляется поликодовость в медиатекстах «зеленой повестки» на примере ПМ жанра карикатуры электронной версии газеты *'The Guardian'* (см. рис. 3).

Визуальная составляющая данного ПМ иллюстрирует два состояния, в которых запечатлевается тема климатических изменений – политические обсуждения этого вопроса и реальное положение дел. Им соответствуют два рисунка и две подписи к ним: слева обозначено детское игрушечное оружие (лук со стрелами на присосках, рогатка, водяной пистолет), справа – настоящая атомная бомба (о чем свидетельствует ее размер, цвет, вес и символ радиационной опасности) [Megan Herbert on the climate debate v reality...].

⁴ Карикатуры преследуют различные цели, имеют четкую идеологическую функцию, и их цель состоит в том, чтобы прокомментировать или высмеять социальную проблему или политическое событие.

Рис. 3. *Megan Herbert on the climate debate v reality*⁵ [The Guardian, 15.12.2022]

Автор карикатуры критически и контрастно показывает ассоциацию своего рисунка с содержанием текста, она запечатлела «детскость», и, возможно, наивность бесплодных рассуждений политиков о процессе изменения климата, и реальную угрозу, которую эта проблема несет, заключая эти две идеи в соответствующие изображения. Анализ практического материала позволяет сделать вывод о том, что в карикатурах доминирующим типом отношений между вербальной и иконической частью является тот, в котором визуальный и вербальный элементы равноправны и подвергаются интерпретации в совокупности друг с другом [МТП, 2020: 90]. Таким образом, карикатура воздействует на читателя, предлагая ему увидеть не замечаемую ранее абсурдность или комичность конкретной ситуации, поведения политических деятелей.

3.3. Обложка

Прежде чем перейти к рассмотрению полученных результатов исследования, необходимо раскрыть необходимость отнесения такого типа ПМ как обложка к отдельному газетному жанру. В настоящее время обложка не относится к самостоятельному типу текста, но специфический характер вербально-визуального взаимодействия, требующий от читателя задействования различных мыслительных механизмов для расшифровки и извлечения смысла, определяет целесообразность ее выделения в число таковых [Блинова, 2019; Матулевич, 2017]. Композиционно-стилистически обложки газет и журналов демонстрируют схожесть с другими жанрами поликодового текста (карикатура, плакат), а лингвокреативность актуализируется аллюзией, метафорой, игрой слов и пр. Проанализируем особенности реализации поликодовости в обложках газеты *‘The Economist’* (см. рис. 4, 5).

⁵ ‘Меган Херберт о климате: дебаты против реальности’

Рис. 4. *The right way to fix energy crisis*⁶
[The Economist, 27.06.2022]

Рис. 5. *The world ahead 2022*⁷
[The Economist, 11.12.2021]

ПМ на рис. 4 состоит из визуальной и текстовой составляющих, выражающихся фотографией и надписью соответственно. На изображении запечатлено множество ветрогенераторов, а надпись *The right way to fix energy crisis* помогает соотнести изобразительную часть с вербальной и вынести главный смысл, заложенный автором: альтернативные источники энергии могут помочь избежать энергетического кризиса. Следует обозначить тот факт, что обложка рассматриваемого издания иллюстрирует и анонсирует передовую статью выпуска, а рубрика в содержании *On the cover* представляет краткое пояснение относительно правильного истолкования «послания» на обложке: *How to fix the world's energy emergency without wrecking the climate: leader*⁸ [The right way to fix...]. Таким образом, в данном примере мы наблюдаем отношения взаимозависимости вербального и иконического компонентов ПМ, для его верного понимания необходимо ознакомиться с надписью, а затем, при необходимости, с сопроводительным комментарием.

Обращаясь к обложке, показанной на рис. 5, заметим, что этот ПМ состоит лишь из визуальной части. Выпуск носит название *The world ahead 2022*, в котором издание 'The Economist' традиционно делает графически закодированные прогнозы относительно предстоящих в новом году событий. Изображение носит метафорический характер и может интерпретироваться следующим образом: мишень на фоне которой изображены несколько ветрогенераторов и два человека – т.е. одной из приоритетных целей (мишеней) будущего года останется переход на альтернативные источники энергии; климатическая повестка продолжит быть в центре внимания мировой общественности и проч. Таким образом, данный ПМ – визуальнотекстового типа, изображение является ведущим в раскрытии доминантного смысла текста.

⁶ 'Правильный способ справиться с энергетическим кризисом'.

⁷ 'Мир впереди: 2022 год'.

⁸ 'Как исправить чрезвычайную ситуацию в мировой энергетике, не разрушая климат: передовица'.

4. Выводы

Таким образом, поликодовость реализуется во всех анализируемых жанрах ПМ «зеленой повестки»: специальный репортаж, карикатура, обложка. В них взаимодействуют вербальные и визуальные структурные элементы медиатекста, оказывая воздействие посредством цвета, образа в рисунке или на фотографии. Установлено, что поликодовость проявляется с помощью различных средств: через рисунок, фотографию, графики и диаграммы, цветовую гамму, пространственную организацию текста. Анализ материала исследования показывает, что для специального репортажа и карикатуры доминирующим типом взаимосвязи иконического и вербального компонента ПМ является тип взаимозависимости или взаимообусловленности его гетерогенных частей. В ПМ жанра обложка наблюдается тенденция к доминированию визуального компонента над вербальным, в чем и проявляется особенность реализации поликодовости. Языковой материал подтверждает тот факт, что качественная англоязычная пресса характеризуется сдержанным и последовательным характером публикаций, ей не присуща эмоциональность. Обнаружено, что климатическая повестка и «зеленые» инициативы преподносятся с положительной стороны и способствуют формированию положительного образа «зеленой повестки» в восприятии читателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. Б. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр. Москва: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Блинова О. А. Обложка журнала как мультимодальный текст // Научный диалог. 2019. № 5. С. 9-24.
3. Гордиенко Е. В. Категория оценки в современном британском и американском медиадискурсах // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ, 2019. Т. 15 Вып. 3 (45). С. 91-101.
4. Гуревич С. М. Газета. Вчера, сегодня, завтра. Москва: Аспект Пресс, 2004. 288 с.
5. Дашичев А. Д. «Зелёный переход» – кузница светлого будущего? // Изборский клуб. 2022. №1 (99). С. 108.
6. Ирисханова О. К. Семиотика плаката в социокогнитивном освещении: лейбористы, капиталисты и углеродные следы // Актуальные проблемы английского языкознания: сб. науч. статей к юбилею профессора О. В. Александровой. Москва: МАКС Пресс, 2012. С. 313-335.
7. Карасик В. И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 25-34.
8. Катасонов В. Ю. Экологические фейки // Изборский клуб. 2022. № 1 (99). С. 88.
9. Матулевич Т. Г. Креолизованный анонс на обложке журнала *The Economist* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 838-846
10. Мелькаева Р. В. Лингвокреативный аспект меметических поликодовых единиц в сети Интернет // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2022. Т. 26. № 4. С. 25-36.

11. Павлина С. Ю. Прагматические и стилистические особенности британских и американских политических карикатур на тему COVID-19 // *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Т. 26. № 1. С. 162-193.
12. Рацибурская Л. В. Специфика поликодовости в современном медийном словотворчестве // *Динамика языковых и культурных процессов в современной России*. 2018. № 6. С. 479-482.
13. Резникова А. Р. Явление поликодовости в англоязычных медиатекстах различных жанров // *Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики*. 2023. № 16. С. 220-228.
14. Соколов-Митрич Д. В. Реальный репортер. Почему нас этому не учат на журфаке? 2015. Доступ: https://dedovkgu.narod.ru/bib/sokolov_mitrich.htm. (дата обращения: 22.08.2023).
15. Солганик Г. Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» // *Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика*. 2005. № 2. С. 7-15.
16. Солнцева Е. С. Виды связности в медиадискурсе // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2018. Т. 15. № 3. С. 481-491.
17. Сонин А. Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // *Вопросы языкознания*. 2005. № 6. С. 115-123.
18. Чернявская В. Е. Визуальность в социокультурной проекции // *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*. 2021. № 2 (28). С. 96-109.
19. Шкуматов П. М. Война за климат // *Изборский клуб*. 2022. № 2-3 (100-101). С. 5-13.
20. Якоба И. А. Лингвокогнитивные механизмы поликодовости гимна США // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2019. № 3. С. 72-79.
21. Borisova S. S. Implementation of persuasive strategies in analytical genre of editorial as resource of information dominance // *Scientific Newsletter Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Research*. 2015. No. 1 (8). P. 81-91.
22. Byessonova O., Gordienko E. Binary opposition 'us/them' in British and American media texts about conflicts // *SKASE Journal of Theoretical Linguistics*. 2021. Vol. 18. No. 2. P. 91-111.
23. Pinar-Sanz M. J. Humour and intertextuality in Steve Bell's political cartoons // *The European Journal of Humour Research*. 2020. Vol. 8. No. 3. P. 16-39.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник. 2-е изд., стер. Москва: ФЛИНТА, 2020. 440 с. [МТП].
2. Большой энциклопедический словарь. Доступ: <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com>. (дата обращения: 24.08.2023). [БЭС].

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Why ESG Ratings Vary So Widely // *The Wall Street Journal*. 03.11.2022.
2. Megan Herbert on the climate debate v reality // *The Guardian*. 15.12.2022. Доступ: <https://www.theguardian.com/australia-news/gallery/2022/dec/16/war-and-waning-political-fortunes-australias-best-political-cartoons-of-2022>. (дата обращения: 22.08.2023).
3. The right way to fix energy crisis // *The Economist*. 27.06.2022.
4. The world ahead 2022 // *The Economist*. 11.12.2021.

REFERENCES

1. Bart, R. B. (1989). *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected works: Semiotics: Poetics]. Moskva: Progress. (In Russ.).

2. Blinova, O. A. (2019). *Oblozhka zhurnala kak multimodalnyy tekst* [Magazine cover as a multimodal text]. In *Nauchnyy dialog*. No. 5. Pp. 9-24. (In Russ.).
3. Gordienko, E. V. (2019). *Kategoriya otsenki v sovremennom britanskom i amerikanskom mediadiskursakh* [Evaluation category in modern British and American media discourses]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. Vol. 15. Iss. 3 (45). Pp. 91-101. (In Russ.).
4. Gurevich, S. M. (2004). *Gazeta. Vchera, segodnya, zavtra* [Newspaper. Yesterday, today, tomorrow]. Moskva: Aspekt Press. (In Russ.).
5. Dashichev, A. D. (2022). «Zelenyy perekhod» – kuznitsa svetlogo budushchego? [«Green transition» – a forge of a bright future?]. In *Izborskiy klub*. No. 1 (99). P. 108. (In Russ.).
6. Iriskhanova, O. K. (2012). *Semiotika plakata v sotsiokognitivnom osveshchenii: leyboristy, kapitalisty i uglerodnye sledy* [Poster Semiotics in Sociocognitive Coverage: Labor, Capitalists and Carbon Footprints]. In *Aktualnye problemy angliyskogo yazykoznaniya: sb. nauchnykh statey k yubileyu professora O. V. Aleksandrovoy*. Moskva: MAKSS Press. Pp. 313-335. (In Russ.).
7. Karasik, V. I. (2020). *Epidemiya v zerkale mediynogo diskursa: fakty, otsenki, pozitsii* [The epidemic in the mirror of media discourse: facts, assessments, positions]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 2(80). Pp. 25-34. (In Russ.).
8. Katasonov, V. Yu. (2022). *Ekologicheskie feyki* [Environmental fakes]. In *Izborskiy klub*. No. 1 (99). P. 88. (In Russ.).
9. Matulevich, T. G. (2017). *Kreolizovannyi anons na oblozhke zhurnala The Economist* [Creolized announcement on the cover of The Economist magazine]. In *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. Vol. 8. No. 4. Pp. 838-846 (In Russ.).
10. Melkaeva, R. V. (2022). *Lingvokreativnyy aspekt memeticheskikh polikodovykh edinit v seti Internet* [Linguocreative aspect of memetic polycode units on the Internet]. In *Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Filologicheskie nauki*. Vol. 26. No. 4. Pp. 25-36. (In Russ.).
11. Pavlina, S. Yu. (2022). *Pragmaticheskie i stilisticheskie osobennosti britanskikh i amerikanskikh politicheskikh karikatur na temu COVID-19* [Pragmatic and stylistic features of British and American political cartoons on the topic of COVID-19]. In *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 26. No. 1. Pp. 162-193. (In Russ.).
12. Ratsiburskaya, L. V. (2018). *Spetsifika polikodovosti v sovremennom mediynom slovotvorchestve* [The specifics of polycode in modern media word-making]. In *Dinamika yazykovykh i kulturnykh protsessov v sovremennoy Rossii*. No. 6. Pp. 479-482. (In Russ.).
13. Reznikova, A. R. (2023). *Yavlenie polikodovosti v angloyazychnykh mediatekstakh razlichnykh zhanrov* [The phenomenon of polycode in English-language media texts of various genres]. In *Professionalnaya kommunikatsiya: aktualnye voprosy lingvistiki i metodiki*. No. 16. Pp. 220-228. (In Russ.).
14. Sokolov-Mitrich, D. V. (2015). *Realnyy reporter. Pochemu nas etomu ne uchat na zhurfake?* [A real reporter. Why don't they teach us this at the journalism faculty?]. Available at: https://dedovkgu.narod.ru/bib/sokolov_mitrich.htm. (accessed: 22.08.2023). (In Russ.).
15. Solganik, G. Ya. (2005). *K opredeleniyu ponyatiy «tekst» i «mediatekst»* [To the definition of the concepts of «text» and «media text»]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*. No. 2. Pp. 7-15. (In Russ.).
16. Solntseva, E. S. (2018). *Vidy svyaznosti v mediadiskurse* [Types of connectivity in the media discourse]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. Vol. 15. No. 3. Pp. 481-491. (In Russ.).

17. Sonin, A. G. (2005). Eksperimentalnoe issledovanie polikodovykh tekstov: osnovnye napravleniya [Experimental study of polycode texts: main directions]. In *Voprosy yazykoznaniya*. No. 6. Pp. 115-123. (In Russ.).
18. Chernyavskaya, V. E. (2021). Vizualnost v sotsiokulturnoy proektsii [Visuality in socio-cultural projection]. In *Praksema. Problemy vizualnoy semiotiki*. No. 2 (28). Pp. 96-109. (In Russ.).
19. Shkumatov, P. M. (2022). Voyna za klimat [The Climate War]. In *Izborskiy klub*. No. 2-3 (100-101). Pp. 5-13. (In Russ.).
20. Yakoba, I. A. (2019). Lingvokognitivnye mekhanizmy polikodovosti gimna SShA [Linguocognitive mechanisms of the US Anthem polycoding]. In *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki*. No. 3. Pp. 72-79. (In Russ.).
21. Borisova, S. S. (2015). Implementation of persuasive strategies in analytical genre of editorial as resource of information dominance. In *Scientific Newsletter Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Research*. No. 1 (8). Pp. 81-91.
22. Byessonova, O., Gordienko, E. (2021). Binary opposition 'us/them' in British and American media texts about conflicts. In *SKASE Journal of Theoretical Linguistics*. Vol. 18. No. 2. Pp. 91-111.
23. Pinar-Sanz, M. J. (2020). Humour and intertextuality in Steve Bell's political cartoons. In *The European Journal of Humour Research*. Vol. 8. No. 3. Pp. 16-39.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar-spravochnik* [Media Linguistics in terms and concepts: dictionary-reference]. 2nd ed. Moskva: FLINTA, 2020. [In Russ.].
2. *Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar*. [Large Encyclopedic Dictionary]. Available at: <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com>. (accessed: 24.08.2023).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Why ESG Ratings Vary So Widely. In *The Wall Street Journal*. 03.11.2022.
2. Megan Herbert on the climate debate v reality. In *The Guardian*. 15.12.2022. Available at: <https://www.theguardian.com/australia-news/gallery/2022/dec/16/war-and-waning-political-fortunes-australias-best-political-cartoons-of-2022>. (accessed: 22.08.2023).
3. The right way to fix energy crisis. In *The Economist*. 27.06.2022.
4. The world ahead 2022. In *The Economist*. 11.12.2021.

Резникова Арина Романовна – аспирант
кафедры английской филологии
(e-mail: ar.reznikova@donnu.ru),
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Донецкий государственный
университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Reznikova Arina R. – Postgraduate Student
of English Philology Department
(e-mail: ar.reznikova@donnu.ru),
Federal State Educational Institution of Higher
Education «Donetsk State University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 18 сентября 2023 г.

УДК 81-11:316.334.2:811.11

© 2023 Е. В. Трофимова, А. И. Милованова

ТРУД КАК ЦЕННОСТНАЯ ДОМИНАНТА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА*

Статья посвящена изучению ценностной доминанты ТРУД в англоязычной картине мира. Определяется важность труда в англоязычной культуре и его роль в формировании ценностных установок с помощью семантического анализа фразеологических средств репрезентации ценностной доминанты ТРУД. Представлены результаты семантической классификации фразеологизмов, вербализующих концепт ТРУД. Описаны семантические группы, репрезентирующие положительную оценку и отрицательную оценку понятия ТРУД в английской фразеологии.

Ключевые слова: *ценностная доминанта, ценность, труд, фразеологизм, языковая картина мира.*

© 2023 E. V. Trofimova, A. I. Milovanova

LABOUR AS A DOMINANT VALUE IN THE ENGLISH PHRASEOLOGICAL WORLDVIEW

The paper deals with the study of the dominant value LABOUR in the English linguistic worldview. The research highlights the importance of labour and its role in formation of value attitudes in the English culture. The results of the semantic classification of the phraseological units are presented. The semantic groups are described which represent positive and negative evaluation of the notion LABOUR in the English phraseology.

Key words: *dominant value, value, labour, phraseological unit, linguistic worldview.*

1. Введение

В рамках изучения проблемы взаимоотношения языка и культуры, которая активно разрабатывается лингвокультурологическим направлением языкознания, особого внимания заслуживает вопрос культурных ценностей, составляющих ядро национальной картины мира. В настоящее время ТРУД как ценностная доминанта выступает объектом интереса для многих исследователей в области лингвистики и лингвокультурологии (см. работы Л. В. Банковой, С. В. Колтаковой, Т. А. Островской, В. Г. Токарева, О. Е. Черновой, С. М. Юсуповой и др.). Данный интерес обусловлен тем, что ТРУД является одной из главных доминант в англоязычной картине мира и отражает совокупность представлений о труде, а также содержит в себе философию и психологию английского народа. По мнению Т. А. Островской, концепт ТРУД можно считать концептом-константой, ведь он присутствует в концептосфере народа постоянно

* Исследование проводилось по теме государственного задания (номер госрегистрации 1023031200012-7-6.2.1).

[Островская, 2005], способствуя выражению национально-специфических признаков культуры, ведь труд особенно тесным образом связан с историческими, религиозными, социальными, природно-географическими и другими условиями, влияющими на становление и динамику отношения народа к труду.

Актуальность данной работы связана, прежде всего, с ключевой значимостью понятия ТРУД в жизнедеятельности и жизнеспособности любого социума. Кроме того, актуальность обусловлена антропоцентрической направленностью современного языкознания, ориентированного на исследование особенностей отражения образа человека в языке и формирования языковой картины мира.

Цель статьи – проанализировать особенности семантики фразеологических единиц с точки зрения репрезентации в них ценностной доминанты ТРУД в англоязычной картине мира.

Объект настоящего исследования представляют фразеологизмы английского языка, репрезентирующие ценностную доминанту ТРУД. В качестве **предмета исследования** выступает семантика фразеологизмов, вербализующих концепт ТРУД в англоязычной картине мира.

Материалом исследования послужили 460 фразеологизмов, репрезентирующих концепт ТРУД в английском языке, отобранные методом сплошной выборки из фразеологических словарей английского языка. Источниками фразеологизмов послужили такие фразеологические словари, как Англо-русский фразеологический словарь под ред. А. В. Кунина [Кунин, 2006], а также Cambridge Idioms Dictionary [Cambridge Idioms Dictionary, 2006]; Longman Idioms Dictionary [Longman Idioms Dictionary, 2000]; McGraw-Hill's Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs [McGraw-Hill's Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs, 2005]; Oxford Dictionary of Idioms [Oxford Dictionary of Idioms, 2004].

2. Ценностная доминанта ТРУД и особенности её репрезентации в англоязычной картине мира

Прежде чем приступить к рассмотрению результатов исследования ценностной доминанты ТРУД, следует ознакомиться с ролью понятия «ценность» в культурологической картине мира. Ценности являются основой не только определённой культуры, но и общества. Согласно О. Л. Бессоновой, ценности занимают особое место в иерархии языковой личности, а разработка ценностных доминант – важнейшая для лингвистики задача [Бессонова, Трофимова, 2022: 210]. Д. А. Гармаш относит понятие ценность к числу таких общенаучных понятий, методологическое значение которых

особенно актуально в современном стремительно меняющемся мире [Гармаш, 2021: 68]. С точки зрения философии можно охарактеризовать ценности как смыслообразующие основания человеческого бытия, задающие направленность и мотивированность человеческой жизни [Всемирная энциклопедия: Философия, 2001: 26-29].

В. И. Карасик, изучая ценности, подчёркивает, что в ценностной картине мира отражаются наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определённый тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке [Карасик, 2002]. Т. В. Ларина утверждает, что «среди основных ценностей английской культуры исследователи чаще всего выделяют индивидуализм, рационализм, независимость, прагматизм, соревновательность, равенство, традиционализм, толерантность. Все они сказываются на образе жизни, межличностных отношениях и поведении» [Ларина, 2009: 33]. Для настоящего исследования особый интерес представляет изучение роли труда в ценностной картине мира англичан. Опираясь на проведенные исследования, можно утверждать, что англичане очень трудолюбивый народ. Их идеалом являются независимость, образованность, внутреннее самоуважение, честность и бескорыстие, такт, изящество манер, изысканная вежливость, способность пожертвовать временем и деньгами ради хорошего дела, умение руководить и подчиняться, настойчивость в достижении поставленной цели, отсутствие чванства и хвастовства [Крысько, 2002: 195].

Ввиду вышесказанного можно сделать вывод о том, что в англоязычной картине мира ценностная доминанта ТРУД является важным аспектом развития личности, общества и культуры. Трудолюбие, стремление добиться поставленной цели с помощью труда считаются неотъемлемой частью жизни и подчёркивают характер англичан.

Особенности репрезентации ценностной доминанты ТРУД связаны с обширным количеством лексем, репрезентирующих труд, таких как: *labour, work, job, toil, occupation, business, career, diligence* и прочие. Идиоматика языка наиболее чётко отражает языковую картину мира. В англоязычной фразеологической картине мира также есть большое количество фразеологизмов, отражающих доминанту ТРУД, такие как *root, hog, or die* ‘трудись как вол, иначе пропадёшь’, *to hoe a big row* ‘выполнять важную работу’, *a job of work* ‘тяжёлая работа’.

В. И. Даль описывает труд как работу, занятие, упражненье, дело; всё, что требует усилий, старанья и заботы; всякое напряженье телесных и умственных сил; всё, что утомляет [Даль].

Ценностная доминанта ТРУД имеет в основе фрейм, в центре которого находится образ человека, выполняющего напряжённую (обычно физическую) работу. Согласно В. И. Карасику, эта работа может быть тяжёлой, длительной, изнурительной, монотонной, постоянной (объективные характеристики процесса). Человек трудится по принуждению (внешнему либо внутреннему), напряжённо, умело, проявляя старательность, упорство, терпение, выносливость (субъективные характеристики). При этом работа выполняется успешно, качественно, красиво, быстро (объективные характеристики результата). Все эти характеристики могут быть выражены в виде условных шкал с положительным и отрицательным полюсом. Идея «лени» предполагает не только нежелание трудиться, но и удовольствие от праздного времяпрепровождения, пассивность как черту характера, а также сопутствующие процессы (слоняться без дела, заниматься пустяками, откладывать дела на потом, отвлекаться, медлить) [Карасик, 2002].

О. Л. Бессонова отмечает, что «во фразеологическом значении находят выражение как культурные архетипы, так и важные моменты географической, геополитической, хозяйственной, социальной, политической, религиозной, культурной реальностей» [Бессонова, 2019: 339]. Во фразеологизмах в наиболее емкой форме выражены ценностные приоритеты языкового сообщества, прослеживается связь национально-культурного своеобразия с характерными особенностями мировоззрения лингвосоциума. В. Н. Телия характеризует фразеологический состав языка как «нишу» для кумуляции мировидения языковой общности [Телия, 1996: 215]. Исследование фразеологических средств репрезентации концепта ТРУД позволяет реконструировать ценностную картину мира англичан, увидеть специфические признаки отношения к труду англичан.

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что ТРУД, как ценностная доминанта в англоязычной картине мира является отражением высокого уровня усердия англичан, их стремления достичь результатов путём преодоления любых трудностей.

3. Результаты исследования

Анализ ценностной доминанты ТРУД в англоязычной картине мира с точки зрения семантики позволил выявить два типа семантических групп, а именно: семантические группы, репрезентирующие положительную оценку понятия ТРУД в англоязычной картине мира и семантические группы, репрезентирующие отрицательную оценку понятия ТРУД в англоязычной картине мира.

3.1. К семантическим группам, репрезентирующим положительную оценку по отношению к труду в англоязычной картине мира, относятся следующие группы: *прилагаемые усилия (трудолюбие)* (130 ФЕ, 28%), *мотивация* (88 ФЕ, 19%), *экономический*

фактор труда (работа) (48 ФЕ, 10%), *достижение поставленной цели или успех* (48 ФЕ, 10%), *профессиональный аспект* (18 ФЕ, 4%), *интеллектуальный труд* (6 ФЕ, 1%).

Среди семантических групп, репрезентирующих положительную оценку понятия ТРУД, в особое место занимает группа *прилагаемые усилия (трудолюбие)*. При характеристике затрачиваемых усилий (то есть труд как деятельность) положительно может оцениваться интенсивность труда [Борщёва, 2011]. Английский народ известен своей дисциплинированностью, стремлением довести начатое дело до конца, о чем свидетельствуют следующие фразеологизмы: *to move hell* ‘стараться изо всех сил, идти на всё’, *to put it one’s best (good, lid) licks* ‘приложить максимум усилий’.

Немаловажной является группа *мотивация*. Мотивация является побудителем продуктивной деятельности человека. М. А. Еремеев подчёркивает, что мотивы или мотиваторы являют собой причины, побуждающие человека к действию, а мотивация – процесс действия мотивов при наличии доминирующего [Еремеев, 2014: 259].

Мотивация к труду у английского народа прежде всего связана со стремлением к профессиональному росту, финансовой независимости. Успех или награда за труд приходят только тем, кто приложит все усилия и преодолеет трудности. Ярким примером могут послужить фразеологизмы: *no sweet without sweat* ‘не вкусив горького, не видать сладкого’, *no pains, no gains* ‘без труда нет плода’.

Англичане знамениты своим консерватизмом. Одной из главных ценностей английского народа является материальный смысл. *Экономический фактор труда* является одним из ведущих в Великобритании. Английский народ полагает, что деньги – цель их жизни. Отражение этого можно найти в таких фразеологизмах как: *to make money* ‘зарабатывать деньги’, *to make money hand over fist* ‘грести деньги лопатой; зарабатывать много денег’, *to work the oracle* ‘разжиться деньгами, подработать’, *to run up from a shoestring* ‘разбогатеть, начав с малого, заработать состояние’. К рассматриваемой семантической группе относится и всё, что связано с карьерой. Карьера также считается важной частью жизни англичан, так как успешная карьера подчёркивает их статус: *to climb (up) the ladder* ‘делать карьеру’, *a lucrative career* ‘прибыльная карьера’. Для английской фразеологии свойственно четкое противопоставление труда как деятельности и работы как службы, источника заработка. Так, положительно оцениваются высокое положение в служебной иерархии и подъем по служебной лестнице, высокая оплата [Борщёва, 2011].

Достижение поставленной цели или успех также являются важными качествами английского народа. Англичане, как было упомянуто выше, известны стремлением

достичь высоких результатов. Об этом могут свидетельствовать такие фразеологизмы как: *to make the grade* ‘преуспеть, добиться успеха’, *to gain the upper hand* ‘добиться успеха, быть хозяином положения’, *to strike oil* ‘преуспеть, добиться успеха, сделать важное открытие’, *to go into orbit* ‘добиться большого успеха, выйти на орбиту’. Труд – это не просто физические и интеллектуальные действия, это также и духовный компонент, который проявляется в выдержке, настойчивости и терпении в нелёгком пути к успеху.

К профессиональному аспекту труда относятся знания и навыки, понимание своей профессии, мастерство. Англичане очень ценят мастерство и гордятся своей историей ремесленного искусства. Мастерство работника и результат его деятельности находят широкое отражение в английской фразеологии: *a past master* ‘знаток своего дела, непревзойдённый мастер’, *practice makes perfect* ‘дело мастера боится’, *use makes perfect* ‘дело мастера боится’, *he works best who knows his trade* ‘дело мастера боится’, *such carpenters, such chips* ‘какой плотник, таковы и щепки’.

Периферийной выступает группа *интеллектуальный труд*. Английский народ положительно оценивает интеллектуальный труд, признавая его одним из способов заработка. Примерами могут послужить следующие фразеологизмы: *to draw a pen for living* ‘зарабатывать на жизнь литературным трудом’, *to put one's mind to something* ‘приложить интеллектуальные усилия для достижения цели’, *to hit the books* ‘усиленно заниматься, с усердием взяться за учёбу’, *to work one's way through* ‘работать и учиться’, *workers by hand and brain* ‘работник физического и умственного ума’, *a bright idea* ‘блестящая идея, продукт интеллектуального труда’.

3.2. Несмотря на стремление английского народа к карьерному и профессиональному росту, англичане также оценивают некоторые аспекты труда негативно. Отрицательная оценка труда представлена следующими группами: *изнурительный труд* (76 ФЕ, 17%), *труд без перспектив* (26 ФЕ, 7%), *безделье* (20 ФЕ, 4%).

Изнурительный труд вызывает у англичан неудовлетворённость и негативные эмоции. Становление доминанты ТРУД начинается со значения «тяжёлая ноша, досада, печаль» в разных языках. По данным этимологических словарей, труд первоначально ассоциировался с заботой, бременем, тяжестью [Черных, 2001: 226]. Так, например, физическое истощение от неустанного труда передаёт фразеологизм *to work oneself (one's fingers) to the bone* ‘работать не покладая рук, не разгибая спины, до изнеможения’. Изнурительный труд так же находит отражение в фразеологизме *to burn the midnight oil* ‘работать до полуночи’. Этимология данного выражения связана с использованием масляных ламп.

К изнурительному труду также относится рабский труд. В английском языке можно

встретить большое количество фразеологизмов, связанных с каторжным трудом, рабством. Например: *to slave one's guts out* 'работать до изнеможения, работать, как вол, надрываться', *chattel slavery* 'рабский труд, рабство'.

Англичане знамениты своим эффективным подходом к работе, склонностью добиваться поставленных целей и задач. *Бесперспективный труд* может привести к негативным результатам, не приносит никакой пользы и удовольствия, что отражается в таких фразеологизмах, как: *to plough the sand(s)* 'трудиться напрасно, заниматься бесполезным делом', *a dead-end job* 'бесперспективная работа', *to beat a dead horse* 'зря тратить время, заниматься бесплодным делом'. В данной группе нами так же были выявлены примеры из мифологии и литературы. Например, фразеологизм *a Sisyphean task* 'Сизифов труд' связан с мифом о Сизифе, который был осуждён богами выполнять бесполезный труд. Фразеологизм *to fight windmills* 'сражаться с ветряными мельницами, делать бесполезную работу' пришёл в английскую фразеологию из произведения Сервантеса 'Дон Кихот'.

Малочисленная группа *безделье* отражает отрицательное качество человека, нежелательное для англичан. Примером могут послужить данные фразеологизмы: *a lazy sheep thinks its wool heavy* 'ленивой лошади и хвост в тягость', *nothing seek, nothing find* 'под лежащий камень вода не течёт'.

В современных СМИ встречаются фразеологизмы, характеризующие молодых людей, которые живут за счёт финансовых возможностей родителей, не хотят зарабатывать. Например: *a drug store cowboy* 'бездельник, праздношатающийся', *chair warmer* 'бездельник, ленивец', *no-future generation* 'поколение, которое не хочет трудиться', *kids in parents' pockets* 'молодые люди, которые не хотят работать', *boomerang children* 'молодые люди, которые не хотят работать'. Появление подобных ФЕ свидетельствует об изменении отношения молодого поколения к труду как ценности, тенденция к которому наблюдается в современном потребительском обществе во многих странах [Каримова, 2016: 93].

4. Выводы

4.1. Ценности являются основой не только определённой культуры, но и общества. Одной из важнейших ценностных доминант в англоязычной картине мира является труд. Трудолюбие и профессионализм являются ключевыми характеристиками успеха у англичан.

4.2. В ходе семантического анализа фразеологизмов как средств репрезентации ценностной доминанты ТРУД в англоязычной картине мира были выявлены семантические группы, репрезентирующие положительную оценку понятия ТРУД и

семантические группы, репрезентирующие отрицательную оценку понятия ТРУД в англоязычной картине мира.

4.3. В семантическую группу, репрезентирующую ценностную доминанту ТРУД с положительной оценкой, вошли такие группы как: *прилагаемые усилия (трудолюбие), мотивация, экономический фактор труда (работа), достижение поставленной цели или успех, профессиональный аспект, интеллектуальный труд*. Самой многочисленной является группа *прилагаемые усилия (трудолюбие)* – 130 ФЕ, 28 % от общей выборки. Группа *интеллектуальный труд* является периферийной и насчитывает 6 ФЕ, или 1% от общей выборки.

5.4. Отрицательная оценка труда представлена следующими группами: *изнурительный труд, труд без перспектив, безделье*. Анализ выявил, что многочисленной группой является *изнурительный труд* (76 ФЕ, 17%). Малочисленной группой является *безделье* (20 ФЕ, 4%).

5.5. Исходя из результатов исследования можно сделать вывод, что англичане в целом оценивают понятие ТРУД положительно. Прилагаемые усилия поощряются успехом в карьере и являются основной силой в достижении поставленных целей, в то время как безделье порицается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бессонова О. Л. Антропоморфный код во фразеологических системах разноструктурных языков // Магия ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике: сборник научных трудов. 2019. Т. 1. С. 339-344.
2. Бессонова О. Л., Трофимова Е. В. Оценочные композиты как средство актуализации стереотипов англоязычного лингвокультурного сообщества // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 4 (167). С. 207-214.
3. Борщёва О. В. Концепт труд и его репрезентанты в английском языке // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Серия Филология. Журналистика. Вып. 4. С. 6-10.
4. Гармаш Д. А. Морально-нравственные ценности во фразеологической картине мира разноструктурных языков // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2021. Т. 17. Вып. 2 (52). С. 66-80.
5. Еремеев М. А. Институциональные особенности формирования мотивации к труду в процессе профессионального роста работников организаций // Перспективы и закономерности модернизации современного общества: новый взгляд (экономические, социальные, философские, политические, правовые общенаучные аспекты). Саратов, 2014. С. 259-270.
6. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 166-205.
7. Каримова Р. Х. Средства объективации концепта «Труд» в английской фразеологии // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологи. 2016. № 3 (58). С. 89-94.
8. Крысько В. Г. Этническая психология. Москва: Издательский центр «Академия», 2002. 320 с.

9. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 507 с.

10. Островская Т. А. Концепт «Труд» в русской и американской лингвокультурах: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Краснодар, 2005. 22 с.

11. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большой англо-русский фразеологический словарь: ок. 20 000 фразеологических единиц / под ред. А. В. Кунин. 5-е изд., перераб. Москва: Русский язык – Медиа, 2006. 1210 с.

2. Всемирная энциклопедия: Философия / главн. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. Москва: АСТ; Минск: Харвест: Современный литератор, 2001. 1312 с.

3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Доступ: <https://slovardalja.net>. (дата обращения: 10.11.2023).

4. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. 4 изд. Москва: Академия, 2001. Т. 2. 266 с.

5. Cambridge Idioms Dictionary. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 505 p.

6. Longman Idioms Dictionary. Longman Ltd., 2000. 396 p.

7. Oxford Dictionary of Idioms / ed. by J. Siefring. Oxford: Oxford University Press, 2004. 340 p.

8. Spears R. A. McGraw-Hill's Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs. McGraw-Hill, 2005. 1080 p.

REFERENCES

1. Bessonova, O. L. (2019). Antropomorfnyy kod vo frazeologicheskikh sistemakh raznostrukturnykh yazykov [Anthropomorphic coding in phraseological systems of non-cognate languages]. In *Magiya INNO: integrativnye tendentsii v lingvistike i lingvodidaktike*. Moskva. Vol. 1. Pp. 339-344. (In Russ.).

2. Bessonova, O. L., Trofimova, E. V. (2022). Otsenochnye kompozity kak sredstvo aktualizatsii stereotipov angloyazychnogo lingvokulturnogo soobshchestva [Evaluative compound nouns as the means of the actualization of the stereotypes of the English-speaking linguocultural society] In *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2022. No. 4 (167). Pp. 207-214. (In Russ.).

3. Borshchyova, O. V. (2011). Kontsept trud i ego reprezentanty v angliyskom yazyke [Concept Labour and its representation in the English language]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. Vol. 11. Seriya Filologiya. Zhurnalistika. Iss. 4. Pp. 6-10. (In Russ.).

4. Garmash, D. A. (2021). Moralno-nravstvennye tsennosti vo frazeologicheskoy kartine mira raznostrukturnykh yazykov [Moral values in phraseological worldviews of multi-structural languages]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Vol. 17. Iss. 2 (52). Pp. 66-80. (In Russ.).

5. Ereemeev, M. A. (2014). Institutsionalnye osobennosti formirovaniya motivatsii k trudu v protsesse professionalnogo rosta rabotnikov organizatsiy [Institutional peculiarities of labour motivation formation in the process of staff professional growth]. In *Perspektivy i zakonomernosti modernizatsii sovremennogo obshchestva: novyy vzglyad (ekonomicheskie, sotsialnye, filosofskie, politicheskie, pravovye obshchenauchnye aspekty)*. Saratov. Pp. 259-270. (In Russ.).

6. Karasik, V. I. (2002). Kulturnye dominanty v yazyke [Cultural dominants in the language]. In *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs*. Volgograd: Peremena. Pp. 166-205. (In Russ.).

7. Karimova, R. H. (2016). Sredstva obektivatsii kontsepta «Trud» v angliyskoy frazeologii [Means of concept Labour verbalization in the English phraseology]. In *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kulturologi*. No. 3 (58). Pp. 89-94. (In Russ.).

8. Krysko, V. G. (2002). *Etnicheskaya psihologiya* [Ethnical psychology]. Moskva: Izdatelskiy tsentr «Akademiya». 320 p. (In Russ.).

9. Larina, T. V. (2009). *Kategoriya veshlivosti i stil kommunikatsii. Sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokulturnykh traditsiy* [Category of politeness and communication style. Comparison of English and Russian linguocultural traditions]. Moskva: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi. (In Russ.).

10. Ostrovskaya, T. A. (2005). *Kontsept «Trud» v russkoy i amerikanskoy lingvokulturakh* [Concept Labour in the Russian and American linguocultures]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Krasnodar. (In Russ.).

11. Teliya, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moskva: Shkola «Yazyki russkoy kultury». (In Russ.).

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Bolshoy anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar* [The Comprehensive English-Russian dictionary of idioms]: ok. 20 000 frazeologicheskikh edinit / po red. A. V. Kunina. 5-e izd., pererab. Moskva: Russkiy yazyk – Media, 2006. (In Russ.).

2. *Vsemirnaya entsiklopediya: Filosofiya* [World encyclopedia: philosophy]. In A. Gritsanov (ed.). Moskva: AST; Minsk: Harvest: Sovremennyy literator, 2001. (In Russ.).

3. Dal, V. I. *Tolkovnyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Available at: <https://slovardalja.net>. (accessed: 10.11.2023).

4. Chernykh, P. Ya. (2001). *Istoriko-etimologicheskiy slovar sovremennogo russkogo yazyka* [Historical-etymological dictionary of the modern Russian language]. 4th ed. Moskva: Akademiya. Vol. 2. (In Russ.).

5. *Cambridge Idioms Dictionary* Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

6. *Longman Idioms Dictionary* Longman Ltd, 2000.

7. *Oxford Dictionary of Idioms*. Ed. by J. Siefring. Oxford: Oxford University Press, 2004.

8. Spears, R. A. (2005). *McGraw-Hill's Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs*. McGraw-Hill.

Трофимова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии (e-mail: elenatrofimova_vl@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, ул. Университетская, 24

Милованова Анастасия Игоревна – магистрант кафедры английской филологии (e-mail: amilovanova17@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, ул. Университетская, 24

Trofimova Elena Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor of English Philology Department (e-mail: elenatrofimova_vl@mail.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24, Universitetskaya st., Donetsk, 283001

Milovanova Anastasiya I. – Undergraduate Student of English Philology Department (e-mail: amilovanova17@mail.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24, Universitetskaya st., Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 20 сентября 2023 г.

КОННОТАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ В СЕМАНТИКЕ АНТРОПОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН И АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ ПРОЗВИЩ)*

В статье представлена характеристика особенностей реализации коннотативного компонента в семантике английских личных имен и антропонимических прозвищ. Обзор теоретической литературы позволил выделить основные термины исследования. Анализ антропонимов показал преобладание положительной коннотации в семантике личных имен. Установлено преобладание прозвищ с отрицательной коннотацией в английской антропонимической системе.

Ключевые слова: антропоним, личное имя, прозвище, коннотативный компонент, семантика.

© 2023 I. V. Chechina

EVALUATIVE COMPONENT IN ANTHROPONYMS' SEMANTICS (BASED ON ENGLISH PERSONAL NAMES AND ANTHROPONYMIC NICKNAMES)

The study addresses to the analysis of the connotative component peculiarities in English personal names and nicknames' semantics. The overview of theoretical sources underlines the key terms of the study. The analysis of anthroponyms shows the prevalence of positive connotation in proper names' semantics. The predominance of negatively coloured nicknames in the English anthroponymic system is specified.

Key words: anthroponym, personal name, nickname, evaluative component, semantics.

1. Вводные замечания

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей реализации коннотативного компонента в семантике личных имен (далее – ЛИ) и антропонимических прозвищ (далее – АП), составляющих англоязычную ономастическую картину мира. Примерами анализируемых единиц могут быть представлены такие антропонимы, как:

- *Fiery Face* (James II (1430-60), king of Scotland 1437-60. James had a large red birth-mark covering one side of his face, earning him the nickname *Fiery Face* (Джеймс II (1430-60), король Шотландии (1437-60). У Джеймса было большое красное родимое пятно, которое покрывало одну сторону лица и которое заслужило ему прозвище *Огненное лицо* – перевод наш)) [Delahunty, 2006];

* Исследование проводилось по теме государственного задания (номер госрегистрации 1023031200012-7-6.2.1).

- *Pepper Pot* ('перечница'. Прозвище школьника с веснушками) [Леонович, 2017];
- *Brian* ([braiən] м Брайан, ранее Бриан /предпол. кельт. brigh – сила/. Брайан Фицпатрик – персонаж в романе Г. Филдинга «История Тома Джонса, найденыша» (1749)) [Рыбакин, 2000];
- *Elflēda* ((f.) English: Latinized form of the Old English female personal name *Æðelflæd*, composed of the elements *æðel* 'noble' + *flæd* 'beauty'. It was revived briefly in the 19th century ((ж.) английский: латинская форма древне-английского женского личного имени *Æðelflæd*, состоящего из элементов *æðel* 'знатный' + *flæd* 'красота' – перевод наши)) [Hanks, Hodges, 2006].

Собственное имя является значимым элементом в системе языка и культуры. Его семантическое пространство способствует выявлению особых ментальных и национально-культурных особенностей этноса. Содержание антропонимов может быть раскрыто, опираясь на их общезыковые и культурно-психологические коннотации в сознании народа, при этом должны учитываться фоновые знания и культурные традиции. Семантика антропонимов является потенциально важной областью исследования, как с точки зрения лингвистики, так и межкультурной коммуникации. **Актуальность** данного исследования обусловлена значимостью ЛИ и АП, которые представляют собой системное многоаспектное языковое явление и являются значительным лексически и стилистически особым пластом лексического массива языка. Так, можно говорить о неизбежном отражении состояния языка в антропонимах, что формирует постоянный научный интерес к рассматриваемой проблеме.

В качестве **объекта** настоящего исследования выступают английские ЛИ и АП, лексический фон которых содержит коннотативный компонент. **Предметом** исследования являются особенности семантики английских коннотативных антропонимов. **Цель** данной работы заключается в изучении и описании особенностей семантики английских коннотативных антропонимов.

Материалом исследования послужили 1000 английских антропонимов (700 ЛИ и 300 АП), отобранных методом репрезентативной выборки из антропонимических словарей и специализированных справочников: «A Dictionary of First Names» [Hanks, Hodges, 2006], «Словарь английских личных имен» [Рыбакин, 2000], «Словарь английских прозвищ» [Леонович, 2017], «Oxford Dictionary of Nicknames» [Delahunty, 2006], «Словарь коннотативных собственных имен» [Отин, 2004], «An Etymological Dictionary of Family and Christian Names» [Arthur, 2017], «The name book: over 10,000 names – their meanings, origins, and spiritual significance» [Astoria, 2008].

2. Обзор теоретической литературы

В данном исследовании в фокусе внимания находится коннотативная специфика семантики антропонимов. Вопросами изучения семантики ЛИ занимались многие ученые-лингвисты. Большой вклад в исследование коннотативного имени внес [Отин, 1997], который сформулировал наиболее полное определение понятия «коннотоним». Проблемы антропонимики и динамики развития именника языка в рамках антропоцентрической парадигмы современного языкознания рассматривала [Кисель, 2009]. Специфика англоязычных антропонимов представлена в работах [Ненашева, 1993] (на примере американских антропонимов), [Ковалева, 2015] (в части изучения лексикографического представления английских антропонимов).

Анализу онимной лексики посвящены работы таких ученых, как [Усова, 2019] и [Керова, 2019], которые исследовали имя собственное как феномен лингвокультуры, [Сухарева, 2014], рассмотревшей проблематику коннотативности на примере художественных онимов английского языка.

Взросший интерес лингвистов к теме оценочности, отразился в многочисленных фундаментальных исследованиях. Благодаря работам многих ученых (как лексикологов, так и фразеологов) ([Арутюнова, 1990; Вольф, 2022; Виноградов, 2007; Разинкина, 1989; Телия, 1986; Жаналина, 2015]) в языкознании наметился новый подход, который признал оценку как самостоятельную категорию языка.

3. Определение основных понятий

Понятие коннотации тесно связано с термином, который ввел в научный оборот Е. С. Отин [Отин, 1997]. Под «коннотонимом» понимается собственное имя с широкой известностью в рамках языкового коллектива, с частой воспроизводимостью в речи в определенный период развития общества, с дополнительной информативностью и социальной оценочностью, которая отражает отношение данного коллектива к разнообразным явлениям [Отин, 1997]. Ономастическая коннотация включает эмотивность и дополнительную лингвокультурологическую информацию, которая может иметь различную природу в зависимости от национально-культурного, социального и возрастного уровней говорящего [Керова, 2019: 34].

Проблема коннотации в последнее время приобретает все большую актуальность, поскольку, несмотря на существенные различия коннотаций у близких по предметно-логическому значению слов в разных языках или даже в одном языке, они играют важную роль в процессах трансформации значений в языке и импликации смыслов в речи. Вместе

с тем содержание термина «коннотация» остается довольно неопределенным в современных теориях, и под данное понятие подводятся очень неоднородные в содержательном и в функциональном аспектах явления, что во многом объясняется различным пониманием его природы [Телия, 1986: 39].

Категория оценки, оценочности становится объектом пристального внимания лингвистики в конце XX в. Особенно актуальной со второй половины XX в. является проблема оценочного смысла [Телия, 1986: 5]. Вслед за З. Х. Ибадильдиной [Ибадильдина, 1997], семантическую категорию оценки называют оценочностью, ввиду того, что данный термин обладает, во-первых, достаточной степенью абстрактности, во-вторых, нужной краткостью и, следовательно, удобством в употреблении, в-третьих, она помогает отличать оценку как семантическую категорию от логического и онтологического толкований.

Как в логико-философском, так и в лингвистическом смысле, необходимо различать оценку в широком и узком смысле слова. В широком смысле оценка – это квалификация, которая может быть определена как суждения оценщика об объекте на основе сравнения данного предмета с выбранным стандартом. В узком смысле оценка представляется, как различие по признаку «хорошо / плохо», от квалификации вообще, более широкого понятия, куда входит как собственно оценка, так и ряд других свойств, в том числе параметрических («большой / маленький», «узкий / широкий» и т. п.). Оценка в узком смысле связана со знаком «хороший / плохой», с установлением отношения ценности между субъектом и объектом. В этой работе оценка рассмотрена в ее узкой интерпретации [Кругликова, 1991: 80-85].

Традиционными коннотонимами, которые преимущественно нашли лексикографическое описание в «Словаре коннотативных собственных имен» [Отин, 1997: 24], являются имена мифологических, сказочных, литературных персонажей. В литературе по ономастике они определяются как прецедентные имена, имеющие своим источником мифы, фольклорные, литературные тексты.

Таким образом, можно говорить о том, что оценка является логической семантической категорией, коррелированной с аксиологическим масштабом «хорошо / плохо». В соответствии с этим оценка определяется как положительная и отрицательная характеристика объекта, связанная с признанием или непризнанием его значения с позиции определенных критериев стоимости. В оценочной ценности взаимодействуют два фактора: объективный и субъективный. Описательная сторона оценочной ценности коррелирует с объективным принципом представления реальности,

оценочной стороны с субъективным, так что последний лишен характера объективной истины. Оценка контрастирует с обозначением в соответствии с принципом отображения реальности: если описательное содержание отражает реальный, объективно существующий мир, то оценка является отношением между существующим миром и его идеализированной моделью.

4. Результаты исследования

4.1. Анализ коннотативных особенностей семантики английских ЛИ. В рамках исследования методом репрезентативной выборки были отобраны 700 английских ЛИ.

Анализ оценочного компонента семантики коннотативных английских ЛИ позволил получить следующие результаты. Значительная часть английских ЛИ (625 единиц; 90%) характеризуется положительной коннотацией, что обусловлено желанием родителей наделить своих детей красивыми, несущими доброе и светлое значение именами. Например, *Aphrodite* (от др.-греч. *Aphrodite* ‘рожденная из пены’; богиня любви и красоты), *Robert* (от др.-герм. *hrod* ‘слава’ + *beraht* ‘блестящий’), *Stella* (от лат. *stella* ‘звезда’), *Rose* (от англ. *rose* ‘роза’) [Hanks, Hodges, 2006].

В семантике 49 антропонимов (7%) зафиксирована нейтральная коннотация. Так, например, *Chapman* (от др.-англ. *saeran* ‘торговать дешевым товаром’ + *man* ‘человек’), *Colman* (от англ. *coal* ‘уголь’ + *man* ‘человек’) [Hanks, Hodges, 2006].

Отрицательная коннотация встречается только в 3% (26 ЛИ) исследуемого материала. К единицам данной группы можно отнести *Lancelot* (от лат. *ancillus* ‘слуга’), *Eva* (первая женщина на Земле и первый человек, который совершил грех), *Cameron* (от гаэльск. *cam* ‘кривой’ + *shorn* ‘нос’) [Hanks, Hodges, 2006].

Чтобы подобрать имя ребёнку, родители чаще всего выбирают имена с положительными ассоциациями, в частности, которые происходят от названий драгоценных камней (*Crystal*, *Gemma*, *Diamond*, *Ruby*), цветов (*Rose*, *Daisy*, *Marigold*, *Buttercup*), месяцев (*April*, *May*), библейских героев (*Elisha*, *Esther*, *Immanuel*, *Maria*), исторических деятелей (*Monroe*, *Diana*, *Austin*, *Elton*) и мифологических персонажей (*Aphrodite*, *Cadmus*, *Calliope*, *Chloris*), характеризующиеся положительными внутренними и внешними чертами. Этот факт обуславливает малое количество негативно маркированных имён [Рыбакин, 2000].

Несмотря на то, что большинство ЛИ положительно окрашены, важную роль играют имена с отрицательной коннотацией. Большинство из них изменили положительную оценку на отрицательную из-за ассоциации с историческим лицом, который запомнился

людям отрицательными действиями или поведением. Так, имя *Adolph* изначально имело положительную коннотацию, но с течением времени оно обрело негативную оценку, так как приобрело ассоциацию с человеком, общественно-политическая деятельность которого стала причиной начала Второй мировой войны. Соответственно родители стали реже называть своих детей этим именем [Hanks, Hodges, 2006].

Анализируя ЛИ с отрицательной коннотацией по историческому описанию, нельзя не упомянуть имя *Clyde*. Раньше это имя давали рабам, которые трудились на плантациях владельцев-шотландцев, хотя это имя также обрело популярность после выхода фильма «Bonnie and Clyde». Также из примеров ЛИ с отрицательной коннотации можно выделить имя *Eva*. Согласно Библии, она была первой женщиной на Земле и первым человеком, который совершил грех, нарушив главное правило Бога. Однако, несмотря на отрицательную ассоциацию этим именем до сих пор часто называют детей из-за его благозвучия и краткости. Известно, что ЛИ имеют отрицательную коннотацию не только из-за ассоциации с историческим лицом или библейским персонажем, но из-за звучания, так, например, имя *Cameron* имеет отрицательную оценку, так как с гаэльского языка переводится как «кривоносый» [Hanks, Hodges, 2006].

Говоря о ЛИ с нейтральной коннотацией, данная категория является более субъективной, так как для одного человека значение имени может быть положительным, но для другого ассоциируется с чем-то негативным. Так, например, имя *Rusty* включает в себя намёк на рыжие волосы и говорит о том, что носитель этого имени является рыжеволосым. Данный факт не передает ни положительную ни отрицательную оценку. Также к данному типу имён можно отнести имена, означающие определённый род деятельности, так, например, имя *Chapman* переводится с древнеанглийского как «мелкий торговец» [Hanks, Hodges, 2006].

Таким образом, ЛИ обладают способностью накапливать экстралингвистическую информацию, которая становится частью их семантической структуры. Под влиянием современных тенденций и экстралингвистических факторов меняется коннотация имени.

4.2. Коннотативный компонент в семантике английских АП. Английские АП, как и ЛИ, мотивированы и имеют определенное значение при именовании человека. Коннотативный компонент в семантике английских АП был проанализирован на материале 300 антропонимических единиц.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что английские АП имеют преимущественно отрицательную коннотацию (199 АП; 66,3%). В то время как положительные (55 АП; 18,3%) и нейтрально-окрашенные (46 АП; 15,3%)

антропонимические единицы составляют примерно равные пропорциональные части.

К АП с положительной коннотацией можно отнести: прозвища известных личностей: *Alphabet King* ‘Король алфавита’ – позитивная экспрессия, так как посредством этого прозвища люди признали авторитет 32-го президент США Ф. Рузвельта, который создал учреждения по управлению экономикой, т. н. «алфавитные агентства»; *American Fabius* ‘Американский Фабиус’ – первый президент США Дж. Вашингтон, тактика которого в годы Войны за независимость напоминала тактику римского полководца Квинта Фабия; *Great Communicator* ‘Великий мастер обращения’ – прозвище президента Р. Рейгана за его мастерство общения с аудиторией; прозвища, указывающие на хорошие внешние данные: *Buttercup* ‘лютик’, *Bunny* ‘зайка’, *Cookie* ‘печеньице’ (красивая девочка); прозвища, характеризующиеся субъективной положительную оценку человека: *Goo Goo* (от *goo* ‘что-то липкое и сладкое’), *Peanuts* ‘арахис’ [Delahunty, 2006; Леонович, 2017].

Нейтральной коннотацией обладают следующие виды АП: прозвища, определяющие род деятельности: *Billy* ‘(полицейская) дубинка, прозвище полицейского’; *Chips* ‘стружки, прозвище столяра’; прозвища известных личностей: *Dancing Chancellor* ‘танцующий канцлер, К. Хаттона, канцлер Англии, который получил данное прозвище за искусное умение танцевать’; *Elvis* ‘Элвис, прозвище президента США Б. Клинтона (*B. Clinton*), который был большим поклонником творчества Э. Пресли (*Elvis Presley*)’; шуточные прозвища групп людей: *Fish-eater* ‘рыбод, прозвище католиков от их привычки есть рыбу в пост’; прозвища, указывающие на особенности людей: *Lefty* ‘левша, прозвище человека, который выполняет действия левой рукой’ [Delahunty, 2006; Леонович, 2017].

К АП, содержащих негативную коннотацию относятся, прежде всего, прозвища, высмеивающие внешний вид человека: *Bag o'bones* ‘мешок с костями, школьное прозвище худого мальчика’, *Barrel* ‘бочка, прозвище толстого школьника’; прозвища, указывающие на негативные характеристики человека: *Flash Harry* ‘Бахвал Гарри, прозвище человека любящего работать напоказ’, *Gobble Gobble Girty* ‘жадина (от *gobble* ‘есть быстро, жадно и шумно’); а также некоторые прозвища известных личностей: *His Obstinacy* ‘Его упрямство, прозвище президента США Г. Кливленда (*G. Cleveland*) за частое применение права вето’; грубые прозвища групп людей: *Chink* ‘чинк, грубое прозвище китайцев’ [Delahunty, 2006; Леонович, 2017].

Таким образом, на основе данных критериев можно сделать вывод, что в семантику английских АП включен коннотативный компонент, основанный на основных или наиболее отличительных образных характеристиках представителей англоговорящего

сообщества. В отличие от ЛИ, которое подбирается исходя из предпочтений родителей с учетом предполагаемого влияния на судьбу носителя данного ЛИ, прозвище даётся обществом и подчеркивает социальные особенности индивида, уже сформировавшиеся особенности человека.

5. Выводы

Коннотация охватывает значительное количество окрасок. Таким образом, коннотативный объем семантического значения собственных имен представляется совокупностью лингвокультурологической информации, которая представлена в эмотивных, стилистических и оценочных оттенках, которые адекватно интерпретируются не только отдельными индивидами, но и языковым коллективом в целом. Коннотативное значение антропонимических единиц актуализируется в процессе имяназвания и функционирования имени в коммуникативной ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Логический анализ языка. Тождество и подобие, сравнение и идентификация. Москва: Ин-т языкознания АН СССР, 1990. 225 с.
2. Виноградов В. В. К лингвистическому пониманию ценности // Русская словесность в контексте культуры. Нижний Новгород, 2007. С. 93-97.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Москва: Наука, 2022. 278 с.
4. Жаналина Л. К. Две формы речевой деятельности: соотношение номинации и коммуникации // Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2015. № 4. С. 74-80.
5. Ибадильдина З. Х. Эмотивная лексика казахского и русского языков: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Алматы, 1997. 223 с.
6. Керова Л. В. Личные имена в английском и немецком языках: лингвокультурологический аспект: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Донецк, 2019. 266 с.
7. Кисель О. В. Коннотативные аспекты семантики личных имен: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Челябинск, 2009. 183 с.
8. Ковалева М. С. Английские антропонимы и их лексикографическое представление: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Самара, 2015. 187 с.
9. Кругликова Г. Г. К семантике количественной оценки // Языковые единицы в речевой коммуникации. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1991. С. 80-93.
10. Ненашева Т. А. Специфика коннотативного значения американских антропонимов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород, 1993. 16 с.
11. Отин Е. С. Избранные работы. Донецк: Донеччина, 1997. 470 с.
12. Сухарева О. В. Коннотативность художественных онимов английского языка: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Воронеж, 2014. 273 с.
13. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики языковых единиц. Москва: Наука, 1986. 141 с.
14. Усова Н. В. Имя собственное как феномен лингвокультуры: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.04. Донецк, 2019. 442 с.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Леонович О. А. Словарь английских прозвищ. Москва: КДУ, Университетская книга, 2017. 145 с.
2. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк: Юго-Восток, 2004. 412 с.
3. Рыбакин А. И. Словарь английских личных имен. Москва: Астрель, АСТ, 2000. 224 с.
4. Arthur W. An Etymological Dictionary of Family and Christian Names. New York: Sheldon, Blackeman & Co, 2017. 300 p.
5. Astoria D. The name book: over 10,000 names – their meanings, origins, and spiritual significance. Minneapolis: Bethany House publishers, 2008. 320 p.
6. Delahunty A. Oxford Dictionary of Nicknames. Oxford: OUP, 2006. 229 p.
7. Hanks P., Hodges F. A Dictionary of First Names. Oxford, New York: OUP, 2006. 434 p.

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1990). *Logicheskiy analiz yazyka. Tozhdestvo i podobie, sravnenie i identifikatsiya* [Logical analysis of the language. Identity and similarity, comparison and identification]. Moskva: Institute of linguistics of AoS USSR. (In Russ.).
2. Vinogradov, V. V. (2007). K lingvisticheskomu ponimaniyu tsennosti [To linguistic understanding of value]. In *Russkaya slovesnost v kontekste kultury*. Pp. 93-97. (In Russ.).
3. Volf, E. M. (2022). *Funktsionalnaya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
4. Zhanalina L. K. (2015). *Dve formy rechevoy deyatel'nosti: sootnoshenie nominatsii i kommunikatsii* [Two forms of speech activity: correlation between nomination and communication]. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4. Pp. 74-80. (In Russ.).
5. Ibadildina, Z. H. (1997). *Emotivnaya leksika kazakhskogo i russkogo yazykov* [Emotive vocabulary of Kazakh and Russian languages]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Almaty. (In Russ.).
6. Kerova, L. V. (2019). *Lichnye imena v angliyskom i nemetskom yazykakh: lingvokulturologicheskiy aspekt* [Personal names in English and German: linguocultural aspect]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Donetsk. (In Russ.).
7. Kisel, O. V. (2009). *Konnotativnye aspekty semantiki lichnykh imen* [Connotative aspects of proper names' semantics]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Chelyabinsk. (In Russ.).
8. Kovaleva, M. S. (2015). *Angliyskie antroponimy i ikh leksikograficheskoe predstavlenie* [English anthroponyms and their lexicographic reference]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Samara. (In Russ.).
9. Kruglikova, G. G. (1991). K semantike kolichestvennoy otsenki [To semantics of qualitative evaluation]. In *Yazykovye edinit'si v rechevoy kommunikatsii*. Leningrad. Pp. 80-93. (In Russ.).
10. Nenasheva, T. A. (1993). *Spetsifika konnotativnogo znacheniya amerikanskikh antroponimov* [Specifics of American anthroponyms' connotative meaning]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Nizhniy Novgorod. (In Russ.).
11. Otin, Ye. S. (1997). *Izbrannye raboty* [Selectas]. Donetsk: Donechchina. (In Russ.).

12. Sukhareva, O. V. (2014). *Konnotativnost khudozhestvennykh onimov angliyskogo yazyka* [Connotation of English literary onyms]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Voronezh. (In Russ.).
13. Teliya, V. N. (1986). *Konnotativnyy aspekt semantiki yazykovykh edinit* [Connotative aspect of linguistic units' semantics]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
14. Usova, N. V. (2019). *Imya sobstvennoe kak fenomen lingvokultury* [Proper name as linguocultural phenomenon]: diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01, 10.02.04. Donetsk. (In Russ.).

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Leonovich, O. A. (2017). *Slovar angliyskikh prozvisch* [Dictionary of English nicknames]. Moskva: KDU, Universitetskaya kniga. (In Russ.)
2. Otin, Ye. S. (2004). *Slovar konnotativnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of connotative proper names]. Donetsk: Yugo-Vostok. (In Russ.)
3. Rybakin, A. I. (2000). *Slovar angliyskikh lichnykh imen* [The dictionary of English personal names]. 3rd ed., rev. Moskva: Astrel, AST. (In Russ.).
4. Arthur, W. (2017). *An Etymological Dictionary of Family and Christian Names*. New York: Sheldon, Blackeman & Co.
5. Astoria, D. (2008). *The name book: over 10,000 names – their meanings, origins, and spiritual significance*. Minneapolis: Bethany House publishers.
6. Delahunty, A. (2006). *Oxford Dictionary of Nicknames*. Oxford: OUP.
7. Hanks, P., Hodges, F. (2006). *A Dictionary of First Names*. Oxford, New York: OUP.

Чечина Ирина Васильевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии (e-mail: i.v.chechina@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Chechina Irina V. – Candidate of Philology, Senior Lecturer of English Philology Department (e-mail: i.v.chechina@mail.ru), Federal State Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 18 сентября 2023 г.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81'42:81'27

© 2023 А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова, Г. Е. Попова, И. Г. Тамразова

БИМОДАЛЬНОСТЬ РЕЧЕВЫХ РЕФЛЕКСОВ ФРАНЦУЗСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

В статье рассматривается взаимодействие нескольких условных дихотомий внутри нераздельно функционирующей системы языка-речи: осознанных и подсознательных речезыковых действий, нормы и узуса речи, вербальных и невербальных средств экспрессивной и конативной функций речевой интеракции, жеста и жестикуляции. Авторы ставят под вопрос универсальность кодовой модели коммуникации в преломлении к полимодальному речевому узусу, предлагая расширенную модель интеракционального дейксиса. Анализ исследуемого материала французской речи предшествует краткий экскурс в историю изучения полимодальной коммуникации.

Ключевые слова: речевой узус, полимодальность, жесты и жестикуляция, вербальные и невербальные фразеорефлексы, бимодальность французского речевого узуса.

© 2023 A. V. Alferov, E. Y. Kustova, G. E. Popova, I. G. Tamrazova

THE BIMODALITY OF THE SPEECH REFLEXES OF FRENCH COLLOQUIAL SPEECH

The article examines the interaction of several conditional dichotomies within an inseparably functioning language-speech system: conscious and subconscious speech-language actions, norms and usage of speech, verbal and nonverbal means of expressive and conative functions of speech interaction, gesture and gesticulation. The authors question the universality of the code model of communication in relation to the polymodal speech usage, offering an extended model of interactive deixis. The analysis of the studied material of the French speech is preceded by a brief excursion into the history of the study of polymodal communication.

Key words: speech usage, polymodality, gestures and gesticulation, verbal and nonverbal phrase reflexes, bimodality of French speech usage.

Введение. Исследования жестового языка и жестового узуса разговорной речи в различных лингвокультурах множатся день ото дня. Больших успехов достигла отечественная школа паравербалики [Крейдлин, Григорьева, Григорьев, 2001], или мультиканальной коммуникации, на материале русского языка [Кибрик, 2018], разработка жестового корпуса русского языка [Гришина, 2008]. Появляются актуальные исследования жестов иностранных лингвокультур отечественными учеными, в частности, учеными межвузовского научно-исследовательского центра интеракциональной

лингвистики* (Пятигорск, Москва, Астрахань) [Алферов, Кустова, 2022; Алферов, Попова, 2017; Тамразова, 2021].

Первые исследования жестов относятся к античности, и связаны с рассмотрением жестов как риторического средства воздействия. Жестам были посвящены штудии известного античного философа Квинтилиана (Quintilien), который включил в свои записки по риторическому искусству (*Institution oratoire*) рассмотрение **риторического жеста** как средства театрализации ораторской речи [Kida, 2005]. Так, он предлагал подкреплять определенные словесные выражения жестами рук: например, жест для вступления в речь (*Exhortatio*) направлен на привлечение внимания аудитории, демонстрировал открытость и честность оратора, его желание сообщить нечто важное и имеющее статус «истины в последней инстанции».

Кроме того, он имел функцию возвышения оратора над аудиторией, присвоение им особого права на высказывание, обладание властью, знак выражения своей компетентности и высокого речевого статуса (*ethos*).

Квинтилиан обращал внимание на скорость движения руки, конфигурацию пальцев. Конфигурация пальцев соответствовала определенному риторическому действию (речевому акту) в ходе выступления, например, жест для аргументации и выражения возражения оппоненту и т. д.: жест, сопровождающий аргументацию, отражал сосредоточенность оратора на каком-то важном вопросе, фрагменте его «картины мира», служащем аргументом в доказательстве (*argumentatio*); жест, сопровождающий повествование, рассказ, процесс передачи важного сообщения, помогал оратору «держаться» повествование (*narratio*); жест, сопровождающий последовательность логического доказательства, опираясь на сокращенный силлогизм – энтимему (*enthymème*) [Kida, 2005: 33].

В Средние века и в эпоху Возрождения происходила дальнейшая театрализация риторического искусства, породившая не только канонизацию жестов оратора, но и особый канон движений и перемещений в пространстве, сравнимый с танцем или балетом [Kendon, 1982]. Однако наибольший интерес для нашего исследования представляет история сравнительного исследования жестикуляции, связанная с межкультурными контактами и этнологическими исследованиями. Так, в 1832 году появляется исследование Андреа де Джорио (*Andrea de Jorio*) *La mimica degli antichi investigata nel gestire napoletano*, посвященное системному описанию итальянских жестов, которая считается

* Научно-исследовательский Центр интеракциональной лингвистики и институционально-правовой коммуникации. Доступ: https://pgu.ru/information/structure/centers/detail.php?ELEMENT_ID=11553.

первым этнографическим исследованием жестикуляции [Kendon, 1995] (рис. 1):

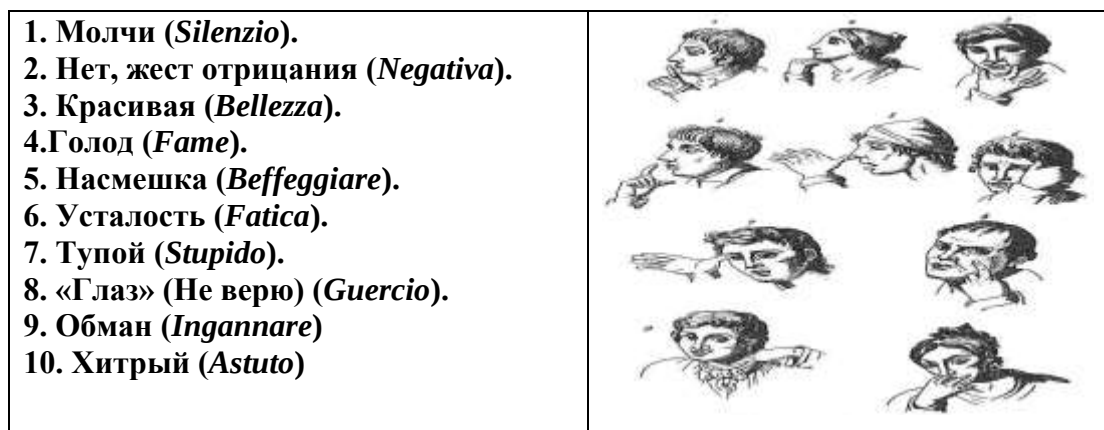

Рис. 1. Этнография итальянского жеста Андреа де Джорио (1832 г.)

Важность изучения жестовой коммуникации приобрела особую значимость в эпоху завоевания «диких народов», аборигенов, не только не имевших ничего общего с фонетическим строем европейских языков, но и с гораздо более развитой системой жестовой коммуникации внутри национальной лингвокультуры. Изучение семантики жестов племенных языковых культур дало возможность вступать с ними в коммуникацию, осуществлять речевое и неречевое взаимодействие.

Гораздо позднее появились первые научные издания, описывающие системы жестовых языков исконных народов Северной Америки и аборигенов Австралии. Одним из самых известных исследований стала книга Уильяма Томкинза (*William Tomkins*) о жестовом языке североамериканских индейцев «*Universal Indian Sign Language of The Plains Indians of North America*» (1929) [Kida, 2005: 72].

Следуя утверждению известного исследователя жестовой коммуникации Адама Кендона [Kendon, 1982], жестовый язык аборигенов Австралии изменялся по мере его исследования на протяжении нескольких периодов его изучения в течение почти 100 лет (1897–1988), но эти изменения происходили с разной скоростью в зависимости от географических факторов: в отдаленных и труднодоступных местах основные жесты никак не изменились за все это время [Kendon, 1982: 60] (рис. 2):

Рис. 2. Жесты аборигенов Австралии (по Адаму Кендону)

В новейших исследованиях (вторая половина XX – начало XXI века) дескриптивный и сопоставительный методы уступили дорогу семиотическим исследованиям, рассматривающим жесты в перспективе универсальной типологии знаков. Самой популярной типологией в семиотике становится логико-прагматическая классификация знаков Ч. С. Пирса, с которой берет начало семиотико-интерпретационный период в изучении жестового языка [Петренко, Алферов, 2007; Кустова, 2010: 117] (рис. 3):

	синтактика Знак как форма «репрезентативен»	семантика Знак как отражение объекта	прагматика Знак как функция
первичность	Квалисигнум	Икона	Рема
вторичность	Синсигнум	Индекс	Динсигнум
третичность	Легисигнум	Символ	Аргумент

Рис. 3. Типология знаков в семиотической системе Ч. С. Пирса

Исходя из этой типологии предлагается универсальная классификация жестовых, мимических и других паравербальных знаков, основываясь на главном свойстве знака (по Пирсу) – способности быть интерпретируемым [Алферов, Попова, 2017]. Такая классификация универсальна, но достаточно сложна в силу своей абстрактности и обобщенности: общее представление о семиотической природе невербального поведения коммуниканта не позволяет с уверенностью сказать, какой именно жест стал носителем (триггером) той или иной интерпретации в аутентичном (реальном) речевом взаимодействии (диалоге) [Алферов, Кустова, 2022; Тамразова, 2021; Попова, 2023].

Поэтому чаще исследователи предпочитают базироваться на функционально-кинестетическом (дескриптивном) принципе классификации жестов [Гришина, 2008]. Одной из самых ёмких (редуцированных) классификаций невербальных речевых действий многие ученые считают функционально-семиотическую классификацию движений и жестов (кинестетическая паравербалика), которая принадлежит П. Экману и У. Фризену [Ekman, Friesen, 2009 (1969)], выделившим 5 функциональных кинестетических (кинетических) групп: **эмблемы** (эквиваленты слов, заменяющие слова), **иллюстраторы** (дублирующие речь, сопровождая ее), **регуляторы** (парцеллирующие речевой поток и предоставляющие слово собеседнику), **аффективы** (проявления эмоций) и **адаптеры** (направленные на уход за собой). Семиотическая классификация, во многом опирающаяся на семиотику Пирса, была предложена М. Нейлом (McNeill) в 1992 году.

Типология Д. Мак Нейла выделяет 4 типа невербальных знаков [McNeill, 1992]:

1) жест иконический (изобразительный); 2) жест метафорический; 3) жест дейктический (указательный); 4) жест «батонический» (от фр. *baton* – ‘палочка’ (дирижера) и англ. *to beat* – ‘бить’).

Иконические жесты служат иллюстрацией сказанного, например, разведение рук в стороны («жест рыбака») при выражении семантики «большой», или поднятии руки – «высокий». **Метафорические жесты** в большей степени конвенциональны и имеют выраженную внутреннюю форму, построенную на метафоре. Так, французский жест «зануда» – *gaseur* (тыльной стороной руки проводят снизу лица от подбородка к уху) связан с метафорой «бритья», когда приходится терпеть эту неприятную процедуру от кого-то (ср. рис. 1). В речи эта семантика закрепляется в разговорном клише (фразорефлексе – см. ниже) «*Tu me gasses!*» – «Надоел / Достал» (досл. «Ты меня бреешь»). **Дейктические жесты**, соответствующие языковым дейктическим словам (я / ты / он – здесь / там – сейчас / тогда), – указывают на направления, на предмет, указание на себя и собеседника, жест пальцем в сторону вправо – будущее время, а влево или за спину – прошедшее и т. д. **Жесты «дирижерской палочки»** – это ритмические движения рукой, которые могут выражать решимость, действие или угрозу («показать кулак», «замахнуться»).

В отечественной науке семиотико-кинетические классификации уточняют и модифицируют функционально-семиотический принцип классификации. Такая, близкая к пирсовой типологии, классификация принадлежит исследователям Л. А. Капанадзе, Е. В. Красильниковой, разделяющим речевые жесты на знаковые (указательные, изобразительные, символические) и незнаковые (ритмические, эмоционально-экспрессивные) [Капанадзе, Красильникова, 1973].

Е. А. Гришина определяет жест в «трех измерениях»: 1) тип жеста – объединяет однотипные по функции жесты; 2) значение жеста – включает различные характеристики: цель жеста (показать «обстановку», «время», «внутреннее состояние»); семиотика жеста (указательные / изобразительные / регулирующие), отношение к собеседнику (уничижительные), корпоративные, коммуникативные; 3) название жеста – наименование жеста, дающее описание движения или жеста обычно в устойчивых номинациях (вскинуть голову, опустить плечи, погрозить кулаком / пальцем, показать на дверь) и т. д. Однако в классификации заметна размытость значения описательных номинаций жеста или телесного движения, хотя многие из них имеют определенную закрепившуюся прагматическую семантику: «погрозить кулаком» – сильная угроза, «погрозить пальцем» – слабая угроза или

упрек; «указать на дверь» – выгнать вон и т. д. Такие номинации уже в гораздо большей степени принадлежат языку, его фразеологическому полю, отражают «языковую картину мира» этноса, связаны с национальной культурой, в частности, культурой и узусом (привычным употреблением) невербальных действий (ср. [Крейдлин, 2001]).

В современных исследованиях классификации и типологии жестов заменяются рассмотрением жестикуляции, которая представляется как непрерывный процесс, неотрывно связанный с актом коммуникации [Кибрик, 2018]. Результатом этих исследований становится достаточно полная концепция полимодального дискурса, то есть концепция языка-речи, сфокусированная на человеке – говорящем субъекте, его комплексном, полимодальном (мультиканальном) поведении, направленном на выражение мысли и участие в коммуникации.

Когнитивные исследования показывают, что при вступлении в коммуникацию в сознании и психике человека возникает смешенная – модульная – система восприятия и выражения [Fodor, 1994]. Разделение жеста и жестикуляции оправдано, как минимум, по двум основаниям: 1) жестикуляция это не только процесс, но и определенная система со своей структурой и функциями, в которой жест является единицей; 2) жест как знаковая единица наделяется значением, и, следовательно, жест есть осмысленное семиотическое действие. Жестикуляция, в целом, подсознательна, она должна изучаться в междисциплинарном аспекте в паралингвистике, когнитивной лингвистике, психолингвистике. Жест можно сравнить со словом или речевым актом, жестикуляция – это **парадискурс**.

Постановка проблемы. Подводя итог краткому обзору исследований невербального поведения, можно отметить важное для нашего исследования противопоставление, которое так или иначе, прямо или косвенно отмечается во всех классификациях. Это деление жестов на **осознанные** и **неосознанные**. Первые могут сопровождать речевое действие (высказывание), заменять собой речевое действие или быть замененными речевым действием (слово вместо жеста). Вторые – спонтанные – осуществляются неосознанно, и неразрывно связаны с процессом речи, дополняя его. В связи с этим представляется необходимым подчеркнуть различие между двумя категориями маркеров-регуляторов речевого взаимодействия – осознанных – рефлексивов и интуитивных – рефлексов, функционирующих в интеракционном пространстве коммуникативного социума [Алферов, Кустова, 2022]. Этими маркерами могут быть как вербальные, так и невербальные средства. К вербальным относятся так называемые фразеорефлексы [Гак, 1995], восклицания и междометия [Кустова, 2010]. К невербальным – мимика, жесты

и кинесика (телодвижения).

Еще одно деление важно для рассмотрения проблемы жестов. Это их этническая закреплённость или незакреплённость в категории «национальные жесты» (см. выше рис. 1). Первый разряд жестов можно назвать конвенциональными, второй – неконвенциональными жестами. К конвенциональным можно отнести большинство рефлексивных, осмысленных жестов, понятных всем носителям данной лингвокультуры или нескольким лингвокультурам (интернациональные жесты). К неконвенциональным жестам относятся не устоявшиеся в употреблении и узусе движения или спонтанные проявления эмоций или психосоматических состояний человека. Такие психо-когнитивные реакции влияют на мыслительную и интерпретативную деятельность коммуниканта. В результате при восприятии информации происходит два типа смыслообразования (инференции) – рефлексивная (осознанная) и интуитивная (спонтанная, подсознательная), которые имеют различные характеристики в ходе речевого взаимодействия [Mercier, 2009].

Таким образом, **наша классификация жестов**, которая становится аналитической матрицей для исследуемого материала, приобретает вид следующей схемы (рис. 4):

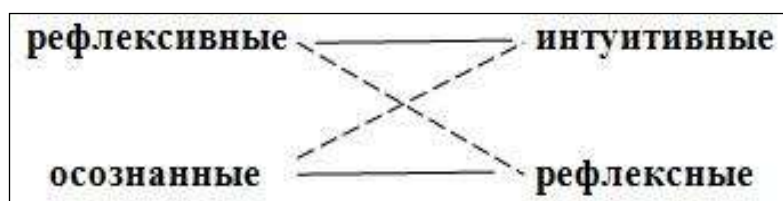

Рис. 4. Два варианта речегестовых маркеров речевого взаимодействия и их манифестации

Два типа жестов – рефлексивные, осознанные VS интуитивные, рефлексные – обозначают основное деление жестов на намеренные и спонтанные, сознательные и подсознательные.

Оба варианта отражают 4 различных проявления речевой и жестовой практики в коммуникации человека. Различие между ними лежит в области соотношения понятий **нормы** и **узуса** в языке и речи. Применяя эту схему к **жестовой практике**, мы отмечаем, что норма всегда конвенциональна («по договоренности») и осознанна. Она, как правило, рефлексивна, так как её исполнение определяет социальный статус и речевой этос индивида, а также его функции в институциональной коммуникации [Тамразова, 2021].

В категорию конвенциональных, нормативных (рефлексивных) жестов попадают такие, как рукопожатие *при встрече*, *отдание чести военными*, **кодовые жестовые языки** (морская сигнализация, язык глухонемых и т. п.), *условные жестовые знаки*

в профессиональной области (на производстве, стройке и проч.). Они универсальны, но также имеют национальную специфику.

Этнические конвенциональные жесты не могут войти в норму **языка**, так как не предписаны **языковыми правилами**, имеющими силу обязательности, закона. Употребление их осознанно и конвенционально на уровне речевого узуса. Даже речевые жесты, такие, как междометия, являясь фондом языковой системы, не являются нормативными и располагаются между семантикой и прагматикой, между языковой и **речевой нормой – узусом** [Кустова, 2010].

Междометия – это такие же речевые рефлексy, своего рода жесты «указывающие на», а не называющие определенные психологические состояния человека, о которых он «сообщает» окружающим. На метауровне этот разряд «вербальных» и квазивербальных жестов имеет свои номинации: «крякнуть», «ойкнуть», «шикнуть», «хихикать», «цыкнуть», «рyавкнуть» и т. п. – фр.: *ricaner, caqueter, faire aïe, grogner, rugir*, etc. **Междометия**, или **речевые жесты**, наполняют речь человека, они также имеют функцию не только выражать эмоции, но и в ёмкой форме поддерживать коммуникацию. Наряду с жестами, междометия составляют категорию прототипического **интеракционного дейксиса** [Алферов], вводящего любое высказывание в коммуникативное состояние речевого взаимодействия (ср. [Дымарский, 2017]). Вслед за В. Г. Гаком мы называем вербальные жесты речевыми рефлексами [Алферов, 2001; Гак, 1995]. **Бимодальность коммуникации** заключается в дискурсивном движении между речевыми вербальными и невербальными квантами устного высказывания, которые могут относиться и к конвенциональным осознанным формам (жестам), и к спонтанной и часто неосознанной жестикуляции (междометной рефлексности).

Ход и результаты исследования. Материалом исследования послужили видеоматериалы, фиксирующие речевые жестовые узусы, а также речезестовое поведение французских политиков. Фиксация мультимодальных контекстов жестикуляции осуществлялась при помощи программы ATLAS.ti 8 Windows, позволяющей совмещать видеоряд с транскрипцией анализируемого контента и кодировать отдельные значения речевого вербального и миможестового ряда. В ходе исследования были выявлены корреляции между модусными элементами высказывания и паравербальными средствами выражения (мануальные жесты: движения рук, кистей, пальцев, плеч; цефалические жесты, т. е. движения головы). Следуя разработанной программе исследования модели интеракционного дейксиса [Алферов, 2001a], мы рассматриваем три степени конвенциональности французской жестикуляции

[Тамразова, 2021]: 1) конвенциональные – их значение понятно только франкоговорящей лингвокультуре; 2) псевдоконвенциональные – их значение понятно по ситуации и проявляемой эмоции, характерной в различных лингвокультурах; 3) неконвенциональные жесты (жестикуляция) – их значение интуитивно, это жестовые рефлексy, жестикуляционные автоматизмы. К **конвенциональным французским жестам** относятся бимодальные фразеорефлексы – жесты и сопровождающие и/или замещающие их фразеорефлексы: *Mon oeil!* (Врешь ты всё); *Ras le bol!*; *Les boules!* (Достало все!); *La barbe!* (Занудство) (рис. 5):

Рис. 5. Конвенциональные жесты французского речевого узуса

Псевдоконвенциональные жесты французского речевого узуса «... имеют также характерную национальную двигательную рефлекторность. Однако их значение более прозрачно для интерпретации: их хореография приближается к спонтанной эмоциональной жестикуляции, имеющей, тем не менее, идиотнические особенности» [Тамразова, 2021: 308]. Другими словами, эти жесты могут совпадать с жестами других лингвокультур и/или быть понятными по ситуации (контексту) без слов (рис. 6):

Рис. 6. «Вот видите» и «Сомнений быть не может!»

Неконвенциональные жесты следует называть жестикуляцией, то есть динамической партитурой последовательностей жестов, кинетических автоматизмов, неосознанных и подсознательных. Особенность этих жестов в том, что их «знаковость» теряется, и они фактически не интерпретируются сознательно (рефлексивно) ни самим говорящим, ни его собеседником.

Это «иллюстраторы» – движения параллельные речи, «регуляторы», усиливающие и регулирующие речевой поток, а также «аффективы» – жестовые проявления эмоционального состояния говорящего (см. выше).

Однако в исследованиях спонтанной жестикуляции можно отметить некоторые закономерности когнитивного типа, дублирующие семантический план речевого взаимодействия. Очевидно, что при формулировке фразы жестикуляция, состоящая в обыденной спонтанной речи в основном из «батонических» (дирижерских) жестов, направлена на **визуализацию семантики** – лексики и грамматики – по параметрам «**форма** – направление, интенсивность (скорость) и **характер движения** – **временная ориентация**» [Алферов, Кустова, 2022].

Таким образом, в обыденной речи жесты выполняют функцию синтаксических **фасилитаторов** – прототипических **дейктических средств предикации**, то есть превращения мысли в вербальное высказывание [Алферов, 2001а; Дымарский, 2017]. Так, фраза:

Je voudrais demander ///parce que/// il y a/// le meilleur vin, –

представляет собой усеченное, эллиптическое высказывание, которое восстанавливается из контекста (ситуации):

Я хотел бы попросить ... потому что /// <здесь такие изысканные блюда> /// лучшее вино.

Паравербальная запись этого высказывания следующая [Kida, 2005] (рис. 7):

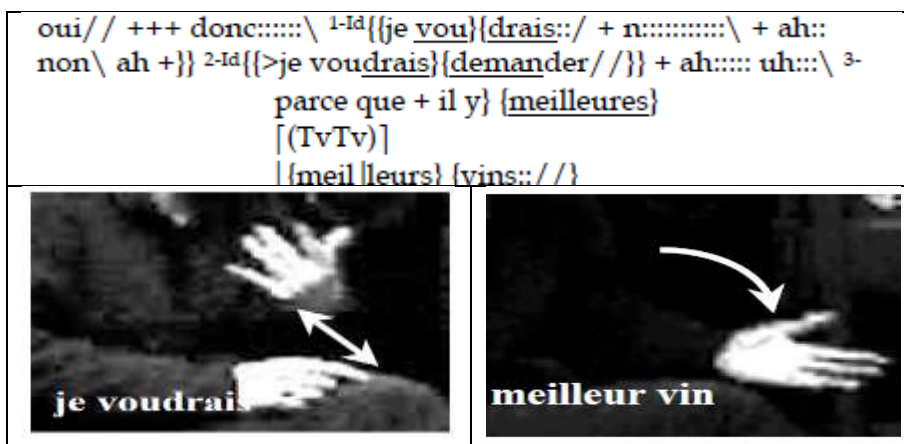

Рис. 7. «Je voudrais demander le meilleur vin»

Движение руки (1) с разведенными пальцами (2) снизу вверх, (3) направленное на говорящего, имеет три лексико-грамматических корреляции: (1) **разведенные пальцы** – вежливая (открытость) форма условного наклонения (неуверенность), выражающая просьбу («пристройка снизу»); (2) **снизу вверх** – обращенность на собеседника и выражение пожелания; (3) **направленность на себя** – корреляция с личным местоимением Je (Я).

Эти примеры достаточно схематично раскрывают механизмы работы жестикуляции и алгоритмы их описания и анализа в современной полимодальной лингвистике [Алферов, Кустова, 2022; Кибрик, 2018; Kida, 2005].

В нашем исследовании **французскую неконвенциональную жестикуляцию** мы попытались выявить и описать на примере речевого узуса политических деятелей во время их выступлений, зафиксированных на видео. Мы попытались определить, как **жестикуляция оратора**, направленная на формирование публичного высказывания, связана с планом содержания их речи; как можно трактовать то или иное движение рук (мануальные жесты) в связи с семантическим содержанием дискурса. Так, полимодальное высказывание бывшего президента Франции Франсуа Олланда «*Quand on est une démocratie aussi fatiguée, aussi usée, comment vous pouvez porter une ambition à l'échelle du monde*» («Когда мы представляем собой такую дряхлую и усталую демократию, как можно донести до мира наши амбиции...») [Contrepoints, 12.05.2016] может быть прокомментирована следующим образом (рис. 8):

Рис. 8. «*Quand on est une démocratie aussi fatiguée, aussi usée*»

Фраза разбивается на четыре жестовых фрагмента, каждый из которых передает определенную семантическую значимость. Первый фрагмент: рука приподнимается, пальцы собраны в «щепотку», взгляд направлен «в себя» и передает концентрацию формулирования мысли: *Quand on est une démocratie...* Второй фрагмент: рука с собранными пальцами поднимается вверх к лицу подчеркивая уровень важности дальнейших эпитетов: *aussi fatiguée, aussi usée...* Можно предположить, что жест

«щепотка» в когнитивном представлении означает нечто малое и незначительное, ущербное. Эта семантика соответствует прилагательным *fatiguée* (усталая) и *usée* (изношенная). Конечно, такая интерпретация требует дальнейшего подтверждения на более обширном материале.

Высказывание продолжается, и выражаемое содержание сопровождается движением правой руки (рис. 9):

Рис. 9. «*Comment vous pouvez porter une ambition à l'échelle du monde*»

Третий фрагмент: рука отводится в сторону, отмечая, что дальнейшие слова будут противоречить уже сказанному. При этом пальцы раздвигаются в традиционном для французов движении, сопровождающем вопрос: ***comment vous pouvez porter...***

Четвертый фрагмент: рука с разведенными пальцами поднимается вверх с поворотом кисти, характерном для французского **эмоционального риторического вопроса**, и устремляется еще выше, подчеркивая пафос произносимых слов: ***porter une ambition à l'échelle du monde!!!***

Фраза, которая выражает риторический эмоциональный вопрос, совмещает в себе семантические элементы риторического пафоса и прототипические рефлексы, связанные с *эмбодиментом* (embodiment) [Fodor, 1994; Johnson, 1988] – жестовом описанием семантических квантов (примитивов) [Кибрик, 2018], выражающих смысл высказывания. Проведенный анализ жестикуляции французских политических деятелей говорит о двуединой сущности политического ораторского жеста: с одной стороны, жестикуляция направлена на визуализацию семантики говорения, с другой, – на риторическую образность и усиление аргументативного и воздействующего влияния на собеседника и широкую публичную медийную аудиторию. В ходе исследования выявлены корреляции между вербальными и невербальными жестами, между семантическими элементами высказывания и паравербальными средствами выражения (мануальные жесты: движения рук, кистей, ладоней, пальцев и т. д.). Анализ дал множество корреляций между рассуждениями оратора и его жестикуляцией, применяемой в риторических целях воздействия на аудиторию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алферов А. В. К теории речевого взаимодействия, речевые единицы языка // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 4. С. 192-197.
2. Алферов А. В. Интеракциональный дейксис. Пятигорск: ПГУ, 2001а. 300 с.
3. Алферов А. В., Кустова Е. Ю. Квантовые единицы речевого взаимодействия: сопоставительный аспект // Вестник Пятигорского государственного университета. 2022. № 1. С. 83-87.
4. Алферов А. В., Попова Г. Е. Некоторые лингвокогнитивные аспекты художественного перевода // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2017. № 1. С. 69-71.
5. Алферов А. В., Шамугия Л. Г. Репликативный дискурс парламентских дебатов (на материале скриптов заседаний французского парламента) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 3. С. 109-112.
6. Гак В. Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1995. № 4. С. 47-55.
7. Гришина Е. А. Корпус звучащей русской речи в составе Национального корпуса русского языка. Проект // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2008. С. 125-132.
8. Дымарский М. Я. Протодейксис, предикация и состав предикативных категорий высказывания // Проблемы функциональной грамматики. Предикативные категории в высказывании и целостном тексте. Москва: Издательский Дом ЯСК, 2017. С. 57-85.
9. Капанадзе Л. А., Красильникова Е. В. Роль жеста в разговорной речи // Русская разговорная речь. Москва: Наука, 1973. С. 464-472.
10. Кибрик А. А. Русский мультимедийный дискурс. Ч. 1. Постановка проблемы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 70-80.
11. Крейдлин Г. Е., Григорьева С. А., Григорьев Н. В. Словарь языка русских жестов. Москва-Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 2001. 256 с.
12. Кустова Е. Ю. Французское междометие: лексико-грамматические аспекты, семиогенез и интеракциональные функции: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.05. Воронеж. 2010. 360 с.
13. Петренко Т. Ф., Алферов А. В. Проблемы семиотики. Хрестоматия: в 2-х ч. Пятигорск, 2007. Ч. 1. Знак. Система. Коммуникация. 406 с.
14. Попова Г. Е. Концептуализация релевантности в когнитивно-семиотической модели коммуникативной интеракции. Пятигорск, 2023. 242 с.
15. Тамразова И. Г. Эристические речевые практики: опыт дискурсивной риторики. Кросс-культурное исследование речевой агональности и языковой трансгрессии. Москва: Московский Политех, 2021. 442 с.
16. Ekman P., Friesen W. V. The Repertoire or Nonverbal Behavior: Categories, Origins, Usage and Coding // Semiotica. 2009 (1969). Vol. 1. Iss. 1. P. 49-98.
17. Fodor J. A. The mind-body problem // The mind-body problem: a guide to the current debate. Cambridge, Mass.: Blackwell, 1994. P. 24-40.
18. Johnson M. The body in the mind: the bodily basis of reason and imagination. Chicago: University of Chicago Press, 1988. 233 p.
19. Kendon A. The study of gesture: some observations on its history. Recherches sémiotiques // Semiotic Enquiry. 1982. 2. P. 45-62.
20. Kendon A. Gestures as illocutionary and discourse structure markers in Southern Italian conversation // Journal of pragmatics. 1995. 23 (3). P. 247-279.

21. Kida T. Appropriation du geste par les étrangers: le cas d'étudiants japonais apprenant le français. Linguistique. Université de Provence-Aix-Marseille I, 2005. 467 p.
22. McNeill D. What Gestures Reveal About Thought Hand and Mind. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1992. 428 p.
23. Mercier H. Intuitive and Reflective Inferences // Two minds: dual processes and beyond. Oxford University Press, April 2009. P. 21-35.

ИСТОЧНИК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Claude Robert. François Hollande, symbole d'une démocratie fatiguée // Contrepoints. 12.05.2016. Доступ: <https://www.contrepoints.org/2016/05/12/252584-252584>. (дата обращения: 10.09.2023).

REFERENCES

1. Alferov, A. V. (2001). K teorii rechevogo vzaimodeystviya, rechevye edinitsy yazyka [On the theory of speech interaction, speech units of language]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. No. 4. Pp. 192-197. (In Russ.).
2. Alferov, A. V. (2001a). *Interaktsionalnyy deysis* [Interactive deixis]. Pyatigorsk: PGU. (In Russ.).
3. Alferov, A. V., Kustova, E. Yu. (2022). Kvantovye edinitsy rechevogo vzaimodeystviya: sopostavitelnyy aspekt [Quantum units of speech interaction: the comparative aspect]. In *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1. Pp. 83-87. (In Russ.).
4. Alferov, A. V., Popova, G. E. (2017). Nekotorye lingvokognitivnye aspekty khudozhestvennogo perevoda [Some linguocognitive aspects of literary translation]. In *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 1. Pp. 69-71. (In Russ.).
5. Alferov, A. V., Shamugiya, L. G. (2013). Replikativnyy diskurs parlamentskikh debatov (na materiale skriptov zasedaniy frantsuzskogo parlamenta) [Replicative discourse of parliamentary debates (based on scripts of meetings of the French parliament)]. In *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 3. Pp. 109-112. (In Russ.).
6. Gak, V. G. (1995). Frazerefleksy v etnokulturnom aspekte [Phraseoreflexions in an ethnocultural aspect]. In *Nauchnye doklady vysshey shkoly. Filologicheskie nauki*. No. 4. Pp. 47-55. (In Russ.).
7. Grishina, E. A. (2008). Korpus zvuchashchey russkoy rechi v sostave Natsionalnogo korpusa russkogo yazyka. Proekt [The corpus of sounding Russian speech. The project]. In *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii*. Pp. 125-132. (In Russ.).
8. Dymarskiy, M. Ya. (2017). Protodeysis, predikatsiya i sostav predikativnykh kategoriy vyskazyvaniya [Protodeixis, predication and composition of predicative categories of utterance]. In *Problemy funktsionalnoy grammatiki. Predikativnye kategorii v vyskazyvanii i tselostnom tekste*. Moskva: Izdatelskiy Dom YaSK. Pp. 57-85. (In Russ.).
9. Kapanadze, L. A., Krasilnikova, E. V. (1973). Rol zhesta v razgovornoy rechi [The role of gesture in colloquial speech]. In *Russkaya razgovornaya rech*. Moskva: Nauka. Pp. 464-472. (In Russ.).
10. Kibrik, A. A. (2018). Russkiy multikanalnyy diskurs. Ch. 1. Postanovka problemy [Russian multichannel discourse. Part 1. Statement of the problem]. In *Psihologicheskii zhurnal*. Vol. 39. № 1. Pp. 70-80. (In Russ.).
11. Kreydlin, G. E., Grigoreva, S. A., Grigorev, N. V. (2001). *Slovar yazyka russkikh zhestov* [Dictionary of the Russian sign language]. Moskva-Vena: Yazyki russkoy kultury; Venskiy slavisticheskii almanakh. (In Russ.).
12. Kustova, E. Yu. (2010). *Frantsuzskoe mezhdometie: leksiko-grammaticheskie aspekty, semiogenez i interaktsionalnye funktsii* [French interjection: lexical and grammatical aspects, semiogenesis and interactive functions]: diss. ... d-ra filol. nauk: 10.05.05. Voronezh. (In Russ.).

13. Petrenko, T. F., Alferov, A. V. (2007). *Problemy semiotiki. Khrestomatiya* [Problems of semiotics. Anthology]. Pyatigorsk. Ch. 1. Znak. Sistema. Kommunikatsiya (In Russ.).
14. Popova, G. E. (2023). *Kontseptualizatsiya relevantnosti v kognitivno-semioticheskoy modeli kommunikativnoy interaktsii* [Conceptualization of relevance in the cognitive-semiotic model of communicative interaction]. Pyatigorsk. (In Russ.).
15. Tamrazova, I. G. (2021). *Eristicheskie rechevye praktiki: opyt diskursivnoy ritoriki. Kross-kulturnoe issledovanie rechevoy agonalnosti i yazykovoy transgressii* [Eristic speech practices: the experience of discursive rhetoric. A cross-cultural study of speech agonality and linguistic transgression]. Moskva: Moskovskiy Politekh. (In Russ.).
16. Ekman, P. Friesen, W.V. (2009 / 1969). The Repertoire or Nonverbal Behavior: Categories, Origins, Usage and Coding. In *Semiotica*. Vol. 1. Iss. 1. Pp. 49-98.
17. Fodor, J. A. (1994). The mind-body problem. In *The mind-body problem: a guide to the current debate*. Cambridge, Mass.: Blackwel. Pp. 24-40.
18. Johnson, M. (1988). *The body in the mind: the bodily basis of reason and imagination*. Chicago: University of Chicago Press.
19. Kendon, A. (1982). The study of gesture: some observations on its history. *Recherchessémiotiques*. In *Semiotic Enquiry*. 2. Pp. 45-62.
20. Kendon, A. (1995). Gestures as illocutionary and discourse structure markers in SouthernItalian conversation. In *Journal of pragmatics*. 23 (3). Pp. 247-279.
21. Kida, T. (2005). *Appropriation du geste par les étrangers: le cas d'étudiants japonais apprenant le français. Linguistique*. Université de Provence-Aix-MarseilleI.
22. McNeill, D. (1992). *What Gestures Reveal About Thought Hand and Mind*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
23. Mercier, H. (2009). Intuitive and Reflective Inferences. In *Two minds: dual processes and beyond*. Oxford University Press. April. Pp. 21-35.

SOURCE OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

Claude Robert. François Hollande, symbole d'une démocratie fatiguée. In *Contrepoints*. 12.05.2016. Available at: <https://www.contrepoints.org/2016/05/12/252584-252584>. (accessed: 10.09.2023).

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации (e-mail: ale-alfyorov@yandex.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет»
357532, Пятигорск, пр. Калинина, 9

Alferov Aleksandr V. – Doctor of Philology, Professor of French Philology and International Communication Department (e-mail: ale-alfyorov@yandex.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University»
9, Kalinina av., Pyatigorsk, 357532

Кустова Елена Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации (e-mail: lenakustov@yandex.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет»
357532, Пятигорск, пр. Калинина, 9

Kustova Elena Yu. – Doctor of Philology, Professor of French Philology and International Communication Department (e-mail: lenakustov@yandex.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University»
9, Kalinina av., Pyatigorsk, 357532

Попова Галина Евгеньевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки» (e-mail: gepopova@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Астраханский государственный технический университет» 414056, Астрахань, ул. Татищева, 16

Тамразова Илона Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки» (e-mail: ilona999@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» 107023, Москва, ул. Большая Семеновская, 38

Popova Galina E. – Doctor of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Foreign Languages Department (e-mail: gepopova@mail.ru), Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Astrakhan State Technical University» 16 Tatichsheva str., Astrakhan, 414056

Tamrazova Ilona G. – Doctor of Philology, Associate Professor of Foreign Language Department (e-mail: ilona999@mail.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Moscow State Technical University» 38, Bolshaya Semenovskaya st., 107023

Поступила в редакцию 03 октября 2023 г.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'373.21(476+470+571)

© 2023 А. М. Мезенко

УРБАНОНИМНЫЙ КОНТИНУУМ – ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ: РОЛЬ, УСТОЙЧИВОСТЬ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ

В статье на материале урбанонимикона одного из древнейших городов Восточной Европы анализируется соотношение между урбанонимным континуумом и географическими терминами, устанавливаются место, роль, уровень устойчивости и исторической изменчивости последних; фокусируется внимание на функциях, выполняемых географическими терминами. Подчеркивается, что урбанонимный континуум включает непрерывный ряд постепенно изменяющихся обязательных структурных компонентов наименований, обусловленный природными, историческими, культурными, религиозными традициями жителей конкретного города.

Ключевые слова: *апеллятив, оним, ономастика, проприальная часть, географический термин, урбаноним, урбанонимикон, урбанонимный континуум.*

© 2023 А. М. Mezenko

URBANONYMIC CONTINUUM – GEOGRAPHICAL TERMS: ROLE, STABILITY AND HISTORICAL VARIABILITY

Based on the material of the urbanonymicon of one of the oldest cities in Eastern Europe, the article analyzes the relationship between the urbanonymic continuum and geographical terms, establishes the place, role, level of stability and historical variability of the latter; focuses on the functions performed by geographical terms. It is emphasized that the urbanonymic continuum includes a continuous series of gradually changing mandatory structural components of names, due to the natural, historical, cultural, and religious traditions of the inhabitants of a particular city.

Key words: *appellative, onym, onomastica, propria, geographical term, urbanonym, urbanonymicon, urbanonymic continuum.*

1. Введение. Являясь динамично развивающейся частью ономастической лексики современная урбанонимия все активнее вовлекаются в круг актуальных проблем, среди которых особое место занимает проблема формирования и функционирования ономастического, в частности урбанонимного континуума. Особое место в нем продолжают занимать географические термины.

До настоящего времени отсутствуют труды, рассматривающие соотношение этих понятий, хотя в истории ономастики многие ученые занимались проблемами, связанными с изучением ономастического континуума и набора географических терминов: предпринимались попытки описания топонимического континуума как семантического пространства [Березович, 2000: 74; Мезенко, 2023], обращалось внимание на различия в

использовании географических терминов, обозначающих различные типы внутригородских объектов [Суперанская, 1983: 136; Мадиева, Супрун, 2015: 94], составлялись словари ономастической терминологии [Подольская, 1988], искались границы дробления и перспективы интеграции ономастической, в том числе урбанонимической терминологии [De Stefani, 2004; Супрун, 2011], определялась структура городского ономастикона [Шмелева, 2023: 12-17], анализировалась терминологическая деятельность ученых разных стран и намечались перспективы дальнейшего развития работы [Gałkowski, 2020: 2-11; Mezenko, 2019: 149-156; Суперанская, Подольская, Васильева, 2014: 5].

Актуальность изучения соотношения урбанонимного континуума и географических терминов мы связываем с задачами общетеоретического и прикладного характера. И хотя «терминологическая работа осуществляется в последние десятилетия в столь широких масштабах, что, казалось бы, трудно сказать в этой области новое слово» [Суперанская, Подольская, Васильева, 2014: 18], до сих пор нередко отсутствует единое понимание основополагающих терминов. Все это свидетельствует о развитии данной отрасли знания, о незаконченности формирования ее метаязыка.

Термин *континуум* (от лат. *continuum* – ‘непрерывное, сплошное’), обозначающий непрерывную совокупность; объект, обладающий определенными свойствами непрерывности; непрерывность при многообразии элементов [Стариченок, 2008: 263], используется в математике, физике, естествознании, философии, музыке. Под урбанонимным континуумом в данной работе понимается упорядоченное семантическое пространство, включающее непрерывный неоднородный ряд постепенно изменяющихся названий внутригородских объектов. Как мы уже отмечали, «данное понятие предполагает плавную дифференциацию урбанонимного материала в пространстве и непрерывность и последовательность языковых изменений во времени» [Мезенко, 2023: 7].

Географический термин (апеллятив) – обязательный компонент каждого урбанонима, выполняющий конструктивную роль, но не превращающийся в собственное имя. Он чаще словесно выражен (*Дом-музей Марка Шагала в Витебске находится на Покровской улице*), но может быть материально и не представлен (ср.: *«Лялька» ожидает гостей*. Полная форма этого урбанонима *театр «Лялька»*, но в живой речи позиция географического термина не замещена, хотя и сохраняется). Кроме именования географическими терминами, для апеллятивов в составе урбанонимов предлагались и другие названия: *родовой термин, стержневое слово, термин-идентификатор, термин-классификатор, географический апеллятив, номенклатурный термин*.

Цель данного исследования состоит в определении места, роли, уровня

устойчивости и исторической изменчивости набора географических терминов в урбанонимном континууме.

В качестве **материала** использован урбанонимный континуум Полоцка, одного из древнейших городов Восточной Европы, в частности, данные белорусских, российских архивов, других исторических источников, Государственного кадастрового агентства Республики Беларусь, интернет-источников.

Высокая культурная, историческая, социальная обусловленность анализируемого материала определили использование лингвокультурологической, социолингвистической, а также комплексной исследовательской методики, включающей элементы исторического анализа, предполагающих изучение урбанонимов со стороны их связей с историей, культурой, социальной реальностью. Для описания и систематизации урбанонимного континуума применялись элементы статистического метода.

2. Результаты и их обсуждение. Полоцкий урбанонимный континуум формировался на протяжении более полутора тысяч лет: «первое письменное упоминание в русских источниках о Полоцке обнаружено в имеющей северо-восточное происхождение Лаврентьевской летописи XIV века – под 862 годом в Повести временных лет упомянут Полотеск [Дук, 2010: 4].

Поскольку наиболее значимыми объектами древних городов были культовые сооружения, то и первыми зафиксированными памятниками письменности урбанонимными географическими апеллятивами оказались **собор, церковь, монастырь**. Так, между 1030–1060 гг. на левом берегу реки Полоты в центре Верхнего города был построен *Софийский собор*, один из самых ранних храмов Древней Руси [Полоцкие грамоты, ч. 1: № 3]. В Археографическом сборнике документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, и других документах находим сведения о существовании в городе в разные времена, кроме *собора Святой Софии*, также *церквей Святого Пророка Ильи* [Археографический сборник, т. 1, док. № 59: 170], *Святых Космы и Дамиана* [Там же: 174]; *Великого Иоанна Предтечи на Острове* [Полоцкие грамоты, ч. 3]; *церкви Св. Богородицы* [Дук, 2023] и мн. др.

Определенное место в урбанонимиконе Полоцка занимали названия **монастырей**. Преобразованный стараниями игуменьи Евфросинии в XII в. в крупнейшую православную обитель Древней Руси *Спасо-Евфросиниевский женский монастырь*, по предположению известного историка г. Полоцка Д. В. Дука, основан в XI веке [Дук, 2010: 38]. В полоцкой грамоте, датированной 1507 г., находим упоминание *монастыря Святого Иоанна Предтечи* [Полоцкие грамоты, ч. 3: 17-18] и мн. др.

Урбанонимию древних городов невозможно представить без названий отдельных значимых некультовых объектов, выполнявших в том числе оборонительные функции, – *замков, дворов, веж, крепостей, брам*, – благодаря которым пополнялся набор географических терминов.

Слово *замок* имело значение ‘крепость, укрепленное рвом, стенами, башнями здание, а также дворец или обширный дом’ [Даль, 1978, т. 1: 604]. В одном из документов, датированном 1588 г., упоминается *Вышний замок* [Археографический сборник, т. 1, № 59: 167]; в Полоцких грамотах XIII–XVI вв. – также *Нижний замок* и *замок на Полуняте* [Полоцкие грамоты, т. 3: 38].

Апеллятив *двор* имел много значений. В качестве географического термина в урбанонимии он закрепился в значении ‘место под жилым домом с ухажми, оградой, забором, а также пространство между всеми строениями одного хозяйства’ [Даль, 1978, т. 1: 422]: «... што ж он и з женою своею и з детьми записал *двор* свои и з землею, на имя *Безумовскии*, подле церкви пречистое Богоматери в Полоцку ...» [Полоцкие грамоты, ч. 2: 148].

Слово *вежа* – старый русский термин, означавший крепостную башню. Иногда вежей называли крепость, а также дозорную вышку. В урбанонимиконе г. Полоцка 1552 г. приводится девять веж, в том числе *Устейская вежа, Михайловская вежа, Богородицкая вежа, Софийская вежа* и др. [Полоцкая ревизия].

Термин *крепость*, известный в письменных памятниках в значении ‘инженерное фортификационное сооружение, укрепленный оборонительный пункт’, в урбанонимии закрепляется со значением ‘постройка, предназначенная для укрытого размещения и наиболее эффективного применения оружия, военной техники, пунктов управления, а также для защиты войск, населения и объектов тыла государства от воздействия средств противника’. В VI томе «Полного собрания законов Российской империи» (СПб., 1838) в период 1574–1578 гг. упоминаются две полоцкие крепости: *Верхняя крепость* и *Стрелецкая крепость*.

Обычно в цепь оборонительных стен включались и *брамы*, под которыми понимались плотные, двуполые, крытые ворота, закрывающие главный въезд на территорию города, замка, двора или отдельного здания. В памятниках письменности, имеющих отношение к истории Полоцка, сохранились сведения о полоцких *Лезной бране* в Нижнем замке и *Замковой бране* [Замки Полоцка]. К числу элементов военной фортификации причисляют и *вал* ‘высокую земляную насыпь’ (*вал Ивана Грозного*, возведенный по приказу Ивана Грозного в 1563–1564 гг. вокруг Нижнего (Стрелецкого) замка).

Помимо названий отдельных, или точечных, объектов, урбанонимия древних городов включала в свой состав наименования территориальных объектов, частей, на которые делилось поселение. К их числу в исследуемый период можно отнести *посады, слободы, земли (пляцы)*, расширявшие набор географических терминов. В Северо-Восточной Руси термин *посад* закрепляется в XII–XIII вв. Первоначально он обозначал «населённую посадскими людьми (ремесленниками и торговцами) территорию за пределами укрепленного княжеского, боярского или церковного поселения – кремля, детинца, монастыря» [Мурзаев, 1999: 143]. В «Полоцкой ревизии» 1552 г. приводятся названия шести *посадов*: *Великий посад* (с. 15), *Заполоцкий посад* (с. 23), *Кривцов посад* (с. 148), *Островский посад* (с. 27), *Слобоцкий посад* (с. 27), *Экиманский посад* (с. 26). Посады, население которых находилось на государственной службе, назывались *слободами*. В частности, в Полоцке существовала *Бѣлицкая слобода* [Спрогис, 1905, т. XI: 138].

В значении «надел земли под поселение, усадьбу» имел хождение термин *пляц* (*пляць*). Широко использовался и апеллятив *земля* в различных значениях, в том числе «определенная территория с сельскохозяйственными угодьями, земельная собственность»: *земля Урод* («Земля в Полоцку на Уроде» [Литовская метрика, т. XX: 150]).

Что касается термина *конец*, служившего для обозначения административно-территориальной единицы определенных древнерусских и белорусских городов, в частности, Могилева, Бреста, Минска, то в его наличии в урбанонимике Полоцка нет полной уверенности. И. Д. Беляев считал, что «Полоцк, подобно Новгороду и Пскову, делился на *концы* и *улицы*, и каждый *конец* и каждая *улица* составляли отдельную в своем внутреннем управлении самостоятельную общину, со своими выборными старостами и со своим уличанским и кончанским вечем, подчиненным вечу целого города Полоцка. Таким образом, Полоцк, подобно Новгороду, составлял союз уличанских и кончанских общин» [Беляев, 2017: 2].

По мнению профессора Д. В. Дука, «Кончанская социальная и территориальная структура в Полоцке не сложилась. На полоцких посадах преобладало землевладение городских общинников – ремесленников и торговцев. В Полоцке мещанская община была выделена из состава земли-волости только после введения Магдебургского права (1498 г.)» [Дук, 2023]. Имеющийся в нашем распоряжении урбанонимный материал Полоцка XIV–XVII вв. не содержит сведений о названиях концов, как и самого термина *конец*.

Изложенное позволяет заключить, что 1) особо значимыми названия отдельных, точечных культовых и некультовых, а также территориальных объектов в

урбанонимиконе Полоцка оставались до конца XIV в., пока город занимал относительно небольшие территории; 2) в начальный период формирования внутригородских названий было задействовано 12 географических терминов (приводятся по убыванию частоты представленности в документах): *церковь, монастырь, вежа, посад, замок, двор, крепость, земля (пляц), брама, вал, слобода*.

В XV в. наблюдаются изменения в планировке городов. Центром города становится не замок, а торговая площадь с ратушей, вокруг которой образовывались новые посады. Основные улицы города были по сути дела продолжением дорог, которые связывали его с другими населенными пунктами. С XVI в., особенно со второй его половины, начинается заметный территориальный рост города, увеличение числа жителей, что обусловило интенсивное обогащение его урбанонимикона. Вызванное экстралингвистическими факторами, в том числе объединением Великого Княжества Литовского с Польшей в единую Речь Посполитую, и необходимостью профессиональных земельных описаний областей первого из них различные ревизии, люстрации, описи областей, в том числе Полоцка, способствовали расширению и совершенствованию набора урбанонимных терминов, прежде всего терминов, входящих в состав названий **линейных** объектов. Ими в XVI в. стали *улица* – термин, просуществовавший без изменений до настоящего времени – и *заулок*, испытавший преобразования и замены в русскоязычной урбанонимии. Первый из них возник в результате терминологизации одного из трех существующих значений слова *улица* ‘два ряда домов и пространство между ними для прохода и проезда, а также само это пространство’. В соответствии с данными Полоцкой ревизии, в 1552 г. в городе было 5 улиц: *Великая ул., Илинская ул., Подолная ул., Пятъницкая ул., Бѣлицкая ул.* [Полоцкая ревизия]. Несмотря на постоянный характер использования данного термина в урбанонимах русских и белорусских городов, частота использования его в разные века разнится. Так, если на протяжении XVI–XX вв. количество названий внутригородских объектов с этим термином активно нарастало, то в XXI в. этот процесс замедлился, что вызвано заметным расширением набора географических терминов, входящих в состав названий линейных и других внутригородских объектов.

Второй географический апеллятив *заулок* ‘небольшая улица, расположенная за более крупной улицей’ (белорусск. *завулак*, польск. *zaulek*) в структуре названий линейных объектов белорусских городов появился в XVI в., в частности в Полоцке было два заулка – *Вознесенский заулок, Ондронов заулок мещанский*. В конце XVIII – начале XIX в. активно начал использоваться соответствовавший данному русскоязычный термин *переулок*, незначительно отличавшийся своим значением ‘небольшая улица, являющаяся

обычно поперечным соединением двух других улиц’. В отдельных городах, в частности в Пинске, вместо термина *переулок* применялся *проулок* (*Солдатский проулок, проулок за кладбищами* – 1839 г.), в современном русском языке квалифицируемый как разговорный. Со второй половины XIX в. и до настоящего времени доля названий с географическим апеллятивом *переулок* заметно выросла и продолжает расти. К репрезентантам исторических периодов развития урбанонимии XVII–XIX вв. могут быть отнесены термины *большак* и *тракт*, появившиеся в составе названий внутригородских объектов в течение указанного времени. Особенность их состоит в том, что они обозначают дорогу от одного населенного пункта к другому, встраивающуюся во внутригородское пространство лишь своей незначительной частью. Первый из указанных – *большак* – по происхождению является областным и толкуется в словарях как ‘широкая, наезженная столбовая (почтовая или торговая) дорога, тракт’. В Полоцке *Туровлянский большак* упоминается с конца XIX в. Имеется он и в урбанонимиконах города 1925 и 1970 гг. Однако в своде названий 2014 г. географический термин *большак* уже отсутствует: как и слово, данный термин устарел.

Слово *тракт*, пришедшее в русский и белорусский языки в XVIII в., является устаревшим термином для обозначения транспортной дороги, улучшенной грунтовой дороги, а также вообще большой наезженной дороги (*большака*), соединяющей важные населённые пункты (в отличие от просёлочной, соединяющей сёла и деревни) [СЭС, 1979: 1357]. Получается, наличие трактов – своеобразный показатель важности населенного пункта. В полоцких урбанонимиконах 1925 и 1970 гг. зафиксированы два названия трактов – *Невельский тракт* и *Себежский тракт*, не нашедшие места в своде годонимов 2014 г.

На протяжении XX в. набор урбанонимных терминов прирос за счет ряда географических апеллятивов. В полоцкой урбанонимной системе начали функционировать *шоссе, проспект, проезд, площадь*; в других белорусских и российских городах также *аллея, бульвар, кольцо, линия, магистраль, набережная, спуск, тупик*.

Слово *шоссе* заимствовано из французского (*chaussée*) в конце XVIII в. со значением ‘первоклассная дорога’. Как термин в значении ‘широкая скоростная дорога с твёрдым искусственным покрытием поверх грунтового основания и с канавами для стока дождевой воды по обочинам’ применяется с начала XIX в. С 50-х годов XX в. под *шоссе* понимают автомобильную дорогу между населёнными пунктами с многослойным дорожным покрытием [СЭС, 1979: 1533]. В Полоцке в 1925 г. географический термин *шоссе* содержал годоним *Интендантское шоссе*, в 1970 г. зафиксировано два годонима с этим

географическим апеллятивом: *Ветринское шоссе, Рижское шоссе*; в 2014 г. – одно название с данным термином – *Вильнюсское шоссе*.

Начиная с XX в. в белорусских городах наиболее протяженные и благоустроенные линейные объекты именуются **проспектами**. Слово *проспект* появилось в русском языке в XVIII в. в значении ‘прямая, длинная и широкая улица’ [СИС, 2014]. В урбанонимной системе г. Полоцка географический термин *проспект* появляется лишь во второй половине XX в. – *проспект Карла Маркса* (1970 г.). В результате улучшения городской инфраструктуры количество линейных объектов, включающих в свой состав термин *проспект*, быстро увеличивалось, достигнув в 2014 г. 10-ти единиц: *просп. Азина, просп. Бабушкина, просп. Гагарина* и др.

Своеобразным хронологическим индикатором принадлежности внутригородского названия к урбанонимии XX в. оказался и географический апеллятив *проезд*, который начал часто входить в состав урбанонимов именно в указанном веке. Это относительно молодой термин, толкуемый как ‘улица или переулок, соединяющий параллельные улицы’. Используется преимущественно в крупных городах. Так, в Минске существует более 50 проездов, в Гомеле – больше 40, в Полоцке – 12: *Замковый проезд, Ленинградский проезд, проезд Янки Купалы* и др.

3. Выводы. Приведенные количественные данные подчеркивают, что доля участия географических терминов в названиях внутригородских объектов крупных, ставших центрами просвещения, искусства, науки и небольших городов, с одной стороны, древних и относительно новых – с другой, различна. Достаточно сравнить континуумы наиболее крупного белорусского города Минска (на 01.07.2023 г. численность населения 1 949 070 чел.), включающего более трех десятков географических терминов (*брама, большак, вал, двор, замок, крепость, конец, слобода, церковь, костел, монастырь, тракт, рынок, спуск, улица, переулок, проспект, набережная, площадь, линия, бульвар, проезд, кольцо, магистраль, тупик, шоссе* и др.), и российского г. Стародуб (на 01.07.2023 г. население 18 156 чел.), в урбанонимиконе которого насчитывается лишь 4 географических термина (*улица, переулок, проезд, площадь*).

Фреквентативно плохо соотносимы по использованию географических терминов, входящих в состав урбанонимов, и своды названий древних и новых поселений. Показательны в этом отношении данные г. Полоцка (впервые упоминается в 862 г.) и г. Новополоцка (впервые упоминается в 1958 г.). В урбанонимном континууме первого из них зафиксировано 22 географических термина (*посад, улица, заул, крепость, церковь, монастырь, костел, земля, пляц, вежа, замок, двор, слобода, брама, вал,*

переулок, тракт, площадь, шоссе, большак, проезд, проспект), в то время как в континууме второго – лишь 3 (*улица, переулок, набережная*).

Географические термины как обязательные компоненты урбанонима присущи каждому внутригородскому названию, но набор их различен в зависимости от исторических, культурных, религиозных традиций, лежащих в основе жизненного уклада жителей того или иного города.

Интересен факт, что в древних городах главными стимуляторами номинативных стратегий выступали новые военные тактики. С изобретением новых видов вооружения и применением новых тактик ведения боя значимость замков, крепостей, вей, валов как основных оборонительных пунктов ослабла и на смену главенствовавшим названиям отдельных зданий и строений пришли и стали важными в условиях значительного расширения территории города названия линейных объектов. Акцент на линейных объектах вместо точечных в целях называния городских объектов иллюстрирует направление изменений языкового сознания и форм освоения мира в языке. Иными словами, в номинативной деятельности горожанина оформляются предпочтения в использовании определенных географических терминов, во многом определяющие и формирующие то, что связано, с одной стороны, с региональным, с данной культурой и данным социумом, с другой – с универсальным. В этом случае возникают возможности констатировать появление новых терминологических элементов, в которых актуализируется региональный компонент урбанонима.

При этом следует отметить, что вся совокупность формирующих урбанонимный континуум терминов подразделяется на *сквозные*, участвовавшие в зарождении и использовавшиеся на протяжении всех периодов развития континуума (*храм, церковь, монастырь, костел*), благодаря которым поддерживается его стабильность, и *связанные с определенным периодом функционирования* (IX–XV вв.: *брама, вал, вежа, крепость, замок, конец, земля, пляц, слобода, фольварок, посад, двор*; XVI–XIX вв.: *улица, заулок, проулок, полать, перья, площадь, переулок, большак, тракт, аллея, бульвар, набережная, спуск*; XX–XXI вв.: *проезд, тупик, шоссе, проспект, магистраль, кольцо*) – термины, обеспечивавшие его изменчивость.

Говоря о месте и роли урбанонимных географических терминов, следует подчеркнуть, что это своеобразные остоны урбанонимикона, выполняющие разнообразные функции: *различительную* (урбанонимы, имеющие одну и ту же проприальную часть, различаются исключительно благодаря географическим терминам,

ср.: проезд Масюковицина, проспект Масюковицина, улица Масюковицина, переулок Масюковицина – г. Минск); **ориентирующую** (по географическому термину можно приблизительно определить местонахождение внутригородского объекта: *улица* – ряд домов и пространство между ними, *проспект* – не любая, а широкая, просторная, благоустроенная улица, *проезд* – улица или переулок, соединяющий параллельные улицы, и т. д.); **хронологическую** (*квартира* ‘четырёхугольник, регулярный участок около рынка’ – термин, отсылающий к XVI–XVII вв. – времени его функционирования в городах западной части современной Беларуси; наоборот, географический термин *кольцо* ориентирует на XX в., когда в связи с резким увеличением городов появилась потребность в обводных транспортных артериях); **статусную** (наличие в городе *тракта* свидетельствовало о том, что это важный город, в направлении которого осуществлялись регулярные перевозки пассажиров, грузов и почты); **параметрическую** (функционирование в городе *шоссе* и *колец* – явный признак крупного населенного пункта).

Суммируя изложенное, отметим, что изучение набора географических терминов, используемых в составе урбанонимов, позволяет квалифицировать их как обязательный компонент урбанонима, выполняющий различительную, ориентирующую, хронологическую, статусную, параметрическую функции, и рассматривать урбанонимный континуум как упорядоченное пространство, включающее непрерывный неоднородный ряд постепенно изменяющихся наименований внутригородских объектов, в том числе географических терминов, обусловленных природными, историческими, культурными, религиозными традициями жителей конкретного города, и обеспечивающих необходимый уровень его (урбанонимного континуума) устойчивости и исторической изменчивости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляев И. Д. История Полоцка и Северо-Западной Руси. Москва: Вече, 2017. 351 с.
2. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 532 с.
3. Дук Д. В. История Полоцка. Доступ: https://studylib.ru/doc/4407815/duk-d.v._istoriya-polocka_uchebnyj-material2. (дата обращения: 17.06.2023).
4. Дук Д. У. Полацк і палачане (IX–XVIII стст.). Наваполацк: ПДУ, 2010. 180 с.
5. Замки Полоцка. Доступ: https://library.by/portalus/modules/belarus/readme.php?subaction=showfull&id=1289552318&archive=&start_from=&ucat=&. (дата обращения: 02.07.2023).
6. Мадиева Г. Б., Супрун В. И. Теория и практика ономастики. Алматы: Казак университеті; Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. 199 с.
7. Мезенко А. М. Урбанонимный континуум как упорядоченное семантическое пространство: содержание, особенности организации // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2023. С. 7-14.

8. Суперанская А. В. Урбанонимы как отражение внутригородских реалий // Acta facultatis paedagogicae ostraviensis. Series D-19. Ostrava, 1983. S. 235-238.
9. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: терминологическая деятельность. 4-е изд. Москва: URSS, 2014. 288 с.
10. Супрун В. И. Размышления над ономастической терминологией // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2011. № 8. С. 133-138.
11. Шмелева Т. В. Ономастикон российского города. Saarbrücken, Deutschland: Lap Lambert Academic Publishing, 2014. 137 p.
12. De Stefani E. La terminologia nell'onomastica // Rivista Italiana di Onomastica. 2004. X. 1. S. 53-71.
13. Galkowski A. Feminine urbanonymy in Polish and Italian linguistic landscapes // Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow. The journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava. Trnava: University of SS Cyril and Methodius in Trnava, 2020. V (1). P. 2-53.
14. Mezenko A. Names of Topographic Objects within Settlements as a Unit of Belarusian Toponymic Terminology: Problems of Splitting and Integration // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio: Filologiae. 2019. Vol. 37. S. 149-156.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа: в 14-ти т. Вильна, 1867-1904.
2. Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Москва: Русский язык, 1978. Т. 1. 699 с.; 1980. Т. 3. 555 с.
3. Лаппо И. И. Полоцкая ревизия 1552 г. Москва, 1905. 273 с.
4. Литовская метрика // Русская историческая библиотека: в 39-ти т. Петербург, 1903. Т. XX. 1119 с.
5. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов: в 2-х т. 2-е изд. Москва: Картгеоцентр – Геодезиздат, 1999. Т. 2: Справочник. 354 с.
6. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. Москва: Наука, 1988. 192 с.
7. Полоцкие грамоты XIII – нач. XVI в. / сост. А. Л. Хорошкевич. Москва, 1980. Вып. 3. 520 с.
8. Словарь иностранных слов современного русского языка / сост. Т. В. Егорова. Москва: Аделант, 2014. 800с.
9. Советский энциклопедический словарь. Москва: Советская Энциклопедия, 1979. 1600 с.
10. Спрогис И. Я. Подробный алфавитный указатель к I–XIII томам Археографического сборника, издаваемого при Виленском учебном округе. Вильна, 1905. 334 с.
11. Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь. Ростов на Дону: Феникс, 2008. 811 с.

REFERENCES

1. Belyaev, I. D. (2017). *Istoriya Polotska i Severo-Zapadnoy Rusi* [History of Polotsk and North-Western Rus]. Moskva: Veche. (In Russ.).
2. Berezovich, E. L. (2000). *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte* [Russian toponymy in the ethnolinguistic aspect]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. (In Russ.).

3. Duk, D. V. (2023) *Istoriya Polotska* [History of Polotsk]. Available at: https://studylib.ru/doc/4407815/duk-d.v._istoriya-polocka_uchebnyj-material2. (accessed: 17.06.2023). (In Russ.).
4. Duk, D. U. (2010) *Polatsk i palachane (IX–XVIII stst.)* [Polotsk and its citizens (IX–XVIII centuries)]. Navapolatsk: PDU. (In Russ.).
5. *Zamki Polotska* [Castles of Polotsk]. Available at: https://library.by/portalus/modules/belarus/readme.php?subaction=showfull&id=1289552318&archive=&start_from=&ucat=&. (accessed: 02.07.2023). (In Russ.).
6. Madieva, G. B., Suprun, V. I. (2015). *Teoriya i praktika onomastiki* [Theory and practice of onomastics]. Almaty: Kazak universiteti; Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena». (In Russ.).
7. Mezenko, A. M. (2023). Urbanonimnyy kontinuum kak uporyadochennoe semanticheskoe prostranstvo: sodержanie, osobennosti organizatsii [Urbanonymic continuum as an ordered semantic space: content, organization features]. In *Regionalnaya onomastika: problemy i perspektivy issledovaniya*. Vitebsk: VGU imeni P. M. Masherova. Pp. 7-14. (In Russ.).
8. Superanskaya, A. V. (1983). Urbanonimy kak otrazhenie vnutrigorodskikh realiy [Urbanonyms as a reflection of intracity realities]. In *Acta facultatis paedagogicae ostraviensis*. Series D-19. Ostrava. Pp. 235-238. (In Russ.).
9. Superanskaya, A. V., Podolskaya, N. V., Vasileva, N. V. (2014). *Obshchaya terminologiya: terminologicheskaya deyatelnost* [General terminology: terminological activity]. 4th ed. Moskva: URSS. (In Russ.).
10. Suprun, V. I. (2011). Razmyshleniya nad onomasticheskoy terminologiyey [Reflections on onomastic terminology]. In *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 8. Pp. 133-138. (In Russ.).
11. Shmeleva, T. V. (2014). *Onomastikon rossiyskogo goroda* [Onomasticon of a Russian city]. Saarbrücken, Deutschland: Lap Lambert Academic Publishing. (In Russ.).
12. De Stefani, E. (2004). La terminologia nell'onomastica [Terminology in onomastics]. In *Rivista Italiana di Onomastica*. X. 1. Pp. 53-71.
13. Gałkowski, A. (2020). Feminine urbanonymy in Polish and Italian linguistic landscapes. In *Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow. The journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava*. Trnava: University of SS Cyril and Methodius in Trnava. V (1). Pp. 2-53.
14. Mezenko, A. (2019). Names of Topographic Objects within Settlements as a Unit of Belarusian Toponymic Terminology: Problems of Splitting and Integration. In *Annales Universitatis Mariae Curie -Skłodowska. Sectio: Filologiae*. Vol. 37. Pp. 149-156.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Arkheograficheskiy sbornik dokumentov, otnosyashisya k istorii Severo-Zapadnoy Rusi, izdavaemyy pri Upravlenii Vilenskogo uchebnogo okruga* [Archaeographic collection of documents related to the history of North-Western Rus', published under the Administration of the Vilna educational district]. In 14 vol. Vilna, 1867-1904. (In Russ.).
2. Dal, Vladimir. (1978). *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moskva: Russkiy yazyk. Vol. 1. (In Russ.).
3. Lappo I. I. (1905). *Polockaya reviziya 1552 g.* [Polotsk revision of 1552]. Moskva.
4. Litovskaya metrika [Lithuanian metrics]. In *Russkaya istoricheskaya biblioteka*. Peterburg, 1903. Vol. XX.
5. Murzaev, E. M. (1999). *Slovar narodnykh geograficheskikh terminov* [Dictionary of folk geographical terms]. 2nd ed. Moskva: Kartgeotsentr – Geodezizdat. Vol. 2: Spravochnik. (In Russ.).
6. Podolskaya, N. V. (1988). *Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

7. *Polotskie gramoty XIII – nach. XVI v.* [Letters of Polotsk XIII – early. XVIth century]. In A. L. Khoroshkevich (ed.). Moskva, 1980. Iss. 3.

8. *Slovar inostrannykh slov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of foreign words of the modern Russian language]. In T. V. Egorova (ed.). Moskva: Adelant, 2014. (In Russ.).

9. *Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Soviet encyclopedic dictionary]. Moskva, 1979. (In Russ.).

10. Sprogis, I. Ya. (1905). *Podrobnyy alfavitnyy ukazatel k I–XIII tomam Arkheograficheskogo sbornika, izdavaemogo pri Vilenskom uchebnom okruge* [Detailed alphabetical index to volumes I–XIII of the Archeographic collection published under the Vilna educational district]. Vilna. (In Russ.).

11. Starichonok, V. D. (2008). *Bolshoy lingvisticheskiy slovar* [Large linguistic dictionary]. (In Russ.).

Мезенко Анна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, почетный профессор кафедры языкознания (e-mail: mezenka1@yandex.ru), Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова» 210038, Витебск, Московский проспект, 33

Mezenko Anna M. – Doctor of Philology, Professor, Emeritus Professor of Linguistics Department (e-mail: mezenka1@yandex.ru), Educational Institution «Vitebsk State University named after P. M. Masherova» 33, Moskovsky ave., Vitebsk, 210038

Поступила в редакцию 28 августа 2023 г.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.111:81'373.6

© 2023 Ш. Р. Басыров

ФОРМАЛЬНЫЕ ТИПЫ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫХ КОНТАМИНАНТОВ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ*

В статье рассматриваются производные слова, возникшие путем слияния двух укороченных основ или слияния полной основы с укороченной основой. Данные слова именуются контаминантами и включают в себя полностью или частично значение всех входящих в него структурных компонентов. В работе устанавливаются структурные типы контаминантов в немецком и русском языках и определяется степень их продуктивности.

Ключевые слова: контаминант, структурный тип, сегмент, усечение, композит, базовый компонент, продуктивность.

© 2023 Sh. R. Basyrov

FORMAL TYPES OF EMOTIONAL-EVALUTION BLENDS IN GERMAN AND RUSSIAN

The article delves into derivatives that are formed through merging two shortened stems or a full stem with a shortened one. These words are called blends and have fully or partially the meaning of all their structural constituents. The structural types of blends have been coined in German and Russian and their productivity degree has been identified.

Key words: blend, structural type, segment, clipping, compound, base component, productivity.

1. Введение. В современной лингвистической литературе до сих пор нет логичного и последовательного подхода к вопросам статуса, структуры и семантики контаминированных единиц (КЕ) [Де Болт, 1998; Ройзензон, Абрамец, 1970; Algeo, 1977; Bergstrom, 1906; Fauconnier, Turner, 1996; Soudek, 1978; Wentworth, 1934]. В результате нечеткости существующих теоретических положений в работах по лингвистике и словарях данные языковые единицы определяются как сложные слова, аббревиатуры, аффиксальные производные, а также производные с аффиксоидами [Воронин, 2007; Митурска-Бояновска, 2021; Fleischer, Barz, 1995; Müller, Friedrich, 2003]. Обращение к КЕ продиктовано также появлением и развитием лексики коронавирусного периода, в которой наблюдается их немалое количество [Словарь русского языка коронавирусной эпохи, 2021; Васильева, 2020]. Ковидная лексика стала изучаться в различных аспектах – семантическом, функциональном, прагматическом, словообразовательном и др. Процессы

* Исследование проводилось по теме государственного задания (номер госрегистрации 1023031200012-7-6.2.1).

словообразования и словотворчества короновиральной лексики особенно активно протекают с привлечением оценочной контаминации и языковой игры «как формы психологического катарсиса, которая позволяет преодолеть состояние шока, психоза, истерии, паники, страха» [Митурска-Бояновска, 2021: 11]. В настоящей работе контаминация понимается как слияние двух укороченных основ или слияние полной основы с укороченной основой, в результате которого образуется новое слово (контаминант), полностью или частично включающее в себя значение всех входящих в него структурных компонентов.

Эмпирическим материалом послужили в настоящей статье словари [Словарь русского языка короновиральной эпохи, 2021; DWDS-Themenglossar zur Covid-19-Pandemie, 2020], интернет-источники [Wörterbuch der deutschen Umgangssprache und Spaß an Umgangssprache und Sprichwörtern] и специальные работы [Де Болт, 1998; Васильева, 2020; Митурска-Бояновска, 2021; Klose-Kückelhaus, 2022]. Общий объем проанализированных контаминантов составил в немецком языке 154 ед., а в русском – 121 ед.

2. Структурные типы немецких оценочных контаминантов. В немецком языке контаминация происходит по следующим структурным типам:

2.1. N1 + N2 усеч. нач. В данный структурный тип вошли КЕ с сохранением первого компонента (N1) и усечением начального сегмента у второго компонента (**N2 усеч. нач.**), например:

(1) Bereits für drei Wochen ist der Salon «**Haarmonie**» (← Haar + [Har]monie)) am Bahnhof durchgehend mit Arbeit versorgt.

В немецком языке по данной модели построено 36 единиц, подавляющее количество которых являются субстантивами (31 ед.), ср. также следующие КЕ данной модели:

(2) *Restgeld* (← best + [Fest]geld);

(3) *Viellarmonie* (← viel + [Phil]armonie).

Реже производные контаминанты анализируемой модели являются именами прилагательными и глаголами:

(4) *bierologisch* (← Bier + [bi]ologisch);

(5) *tschibofonieren* (← Tschibo + [tele]fonieren).

Первыми компонентами контаминантов чаще выступают исконные имена существительные (см. (3), (4)) (25 ед.), реже – заимствованные существительные, преимущественно из английского языка (11 ед.) типа:

(6) *Frutade* (← fruit + [Limon]ade);

(7) *Powerade* (← power + [Limon]ade).

Отсекаемые сегменты второго компонента являются либо частью корневой морфемы, либо совпадают с основой слова. Так, в австрийском варианте немецкого разговорного языка в период пандемии появилась шутливая КЕ *Babyfant* (← Baby + [Ele]fant), признанная словом 2020 года, которая напоминала окружающим сохранять минимальную социальную дистанцию в один метр во избежание заражения коронавирусной инфекцией:

(8) «**Babyelefant**» ist bei unseren Nachbarn in Österreich das Wort des Jahres 2020. Natürlich hat das auch mit Corona zu tun, dem Begriff liegt ein ziemlich lustiges Video der österreichischen Bundesregierung zugrunde. Seither sagt der Österreicher: «Einen **Babyelefant** Abstand bitte», und das ist natürlich weitaus lustiger als alles andere zu diesem Thema.

Ср. другой контаминант, возникший по аналогичной модели:

(9) *Bass-Kontrolle* (← Bass + [Pass]kontrolle).

2.2. N1 усеч. финал. + N 2 усеч. нач. Второй структурный тип КЕ характеризуется усечением финальной части первого компонента (**N1 усеч. финал.**) и усечением начального сегмента второго компонента (**N 2 усеч. нач.**), например:

(10) Verdammt, der Zapfhahn von unserem *Alkomaten* (← Alko[hol] + [Auto]mat) ist kaputt; Bei ihr zeigte der *Alkomat* 2,6 Promille an.

Контаминанты рассматриваемого типа охватывают в немецком языке 53 ед., подавляющее большинство которых являются именами существительными (40 ед.):

(11) *Westalgie* (← Wes[ten] + [Nos]talgie);

(12) *Birnane* (← Bir[ne] + [Ba]nane).

Отмечен также контаминант, возникший на базе антропонимов:

(13) *Cornsula* (← Corn[elia] + [Ur]sula).

Реже анализируемые КЕ являются глаголами (8 ед.) и прилагательными (5 ед.):

(14) *fahlaxen* (← fah[ren] + [re]laxen);

(15) *schnoppen* (← schn[ell] + [st]oppen);

(16) *saurig* (← sau[er] + [trau]rig);

(17) *kompaumig* (← kompa[kt] + [gerä]umig).

В большинстве случаев (свыше 90%) в деривации рассматриваемых КЕ участвуют заимствованные слова из *греческого* (Nostalgie, Dynamik, Katalog, Museum, Europa, Barbar и др.), *латинского* (Advent, August, flexibel, Rektion и др.), *английского* (relaxed, hipster, Disco), *французского* (Antilope, kompakt, Büro), *арабского* (Alkohol, Giraffe, Magazin), *персидского* (Limonade), *португальского* (Banane), *итальянского* (lavare) языков.

2.3. N1 усеч. фин. + N2. Третий структурный тип контаминантов охватывает производные, образовавшиеся путем усечения финального сегмента первого компонента (**N1 усеч. фин.**) и сохранением второго компонента (47 ед.). В качестве отсекаемого финального сегмента первого компонента могут выступать:

1) окончание:

(18) *Jenoptik* (← *Jen[a]* + *Optik*);

2) основа слова:

(19) Als «*Schwiegermonster*» (← *Schwieger[mutter]* + *Monster*) kann man eine unmögliche Schwiegermutter bezeichnen;

(20) *abscheußlich* (← *ab[scheulich]* + *scheußlich*);

3) суффикс:

(21) *Löfffertig* (← *Löff[el]* + *fertig*).

Большинство КЕ являются именами существительными (37 ед.) (см. (18), (19)), реже – прилагательными (8 ед.) (см. (20)) и глаголами (2 ед.):

(22) *philosophaseln* (← *Philoso[phie]* + *faseln*).

Мотивирующими компонентами анализируемых КЕ часто выступают слова иностранного происхождения, в частности из *английского* (*peer, card, talk, team, handy, air*), *латинского* (*super, agil, exorbitant*), *испанского* (*Romanze*) и *французского* (*Tour*).

2.4. N1 + N2. Контаминанты данной модели характеризуются наличием в финальной части первого компонента и в начальной части второго компонента одинаковых сегментов, накладываемых друг на друга, без каких-либо усечений (18 ед.), например:

(23) *Amtsschimmelpilz* (← *Amtsschimmel* + *Schimmelpilz*);

(24) *Arbeitslosgewinn* (← *arbeitslos* + *Losgewinn*);

(25) *Mausbeutung* (← *Maus* + *Ausbeutung*).

Большинство дериватов данной модели являются также существительными (17 ед.), лишь в одном случае отмечено образование прилагательного:

(26) Das Thema ist einfach *elefantastisch* (d.h. toll, großartig) (← *Elephant* + *fantastisch*).

3. Структурные типы русских оценочных контаминантов. С точки зрения образования оценочных КЕ в русском языке выделяются 6 структурных типов.

3.1. Наиболее многочисленными оказались КЕ (71 ед.), образованные по модели **N1 + N2 усеч. нач.**, где **N1** – первый компонент, полностью входящий в структуру производного слова, а начало второго компонента (**N2 усеч. нач.**) является усеченным. В качестве усеченного сегмента второго компонента выступают:

1) *начало корневой морфемы*. Так, шутливо-ироничное наименование алкогольного напитка *вакцина* как возможное средство излечения от короновирусной инфекции, возникло от имени собственного *Вакх* (бог вина и виноделия в древнегреческой мифологии) и усечения начального сегмента медицинского препарата **[вак]**цина, обеспечивающего организму появление приобретённого иммунитета к конкретному антигену:

(27) шутл. Сомелье и энологи предлагают народу *вакцину* и вакцинацию (предупреждаем вместе с Минздравом: избыток алкоголя вредит вашему здоровью). *Вакцину* из Инстаграма принесла в популярный «Словарь перемен» Юлия Донскова;

2) *вся корневая морфема*:

(28) шутл. Если в день Святого Валентина люди обмениваются «валентинками» и целуются, то сейчас в пикку легкомысленным поступкам пришло время для обмена «*карантинками*» (← карантин + **[картин]**ка) – открытками с его глубокомысленными афоризмами, вроде такого: «Чтобы завтра иметь возможность сблизиться, сегодня надо держаться друг от друга подальше»;

3) в ряде случаев второй компонент КЕ совпадает с базовым компонентом исходного композита:

(29) шутл. Продюсер пошутил, что если бы в условиях, когда отменяются экономические форумы и футбольные чемпионаты, остался всего один конкурс, его можно было бы назвать «*Коронавидением*» (← корона + **[Евро]**видение (международный музыкальный конкурс).

Львиная доля контаминантов рассматриваемого структурного типа являются существительными (63 ед.) (см. (27)-(29)), реже – прилагательными (3 ед.) (см. (30)), наречиями (2 ед.) (см. (31)) и глаголами (3 ед.) (см. (32)):

(30) *вирусокопный* 'Опасный и несчастливый год, в котором подобно высокосному году по народным суевериям, увеличивается количество смертей' (← вирус + **[выс]**окопный);

(31) шутл. Тех, кто был особо боек, Прикрутили к спинкам коек – Бился в пене параноик, Как ведьмак на шабаше: «Развяжите полотенцы, Иноверы, изуверцы, – Нам корономоторно на сердце И *ковидно* (т. е. плохо, тяжело из-за пандемии) на душе!» (← ковид + **[обид]**но);

(32) *зумерничать* 'Проводить конференцию в сумерках' (← зум + **[сум]**ерничать).

Добавим, что контаминанты, оканчивающиеся на *-изм*, *-ист*, *-ец*, характеризуются неединичной структурной мотивацией второго производящего компонента и относятся обычно к сниженной оценочной лексике:

(33) пренебр. *Ковидизм* (т. е. некритическое отношение к официальной информации о короновирусной инфекции) (← ковид + [коммун]изм / [социал]изм и т. п) приобретает характер религиозного убеждения, где высшей ценностью объявляется здоровье (в ущерб свободе), коронавирус превращается во всепроникающую «инфернальную силу», единственным препятствием на пути которого оказывается играющая роль церкви медицина;

(34) пренебр. Теперь любой *ковидист* (или *ковидаст*) (т. е. тот, кто некритично относится к официальной информации о короновирусной инфекции и послушно соблюдает все противоэпидемические меры) (← ковид + [коммун]ист / [пофиг]ист) получил моральное право накричать на тех, кто без маски, нахамить, отказать в услугах и даже не попросить, а потребовать удалиться подальше;

(35) разг.-сниж. На планете Земля уже четвертый месяц творится отъявленный *коронавирусец* (т. е. о крайне тяжелых последствиях короновирусной инфекции) (← коронавирус + (кап)ец / (кон)ец / (трынд)ец) миллионы зараженных, под две сотни тысяч погибших, бесконечные и вездесущие карантин и локдауны – кажется, будто наступил апокалипсис.

Особенно высокую активность при деривации рассматриваемого структурного типа обнаруживают производные с первыми компонентами *ковид* (22 ед.), *карантин* (12 ед.) и *корона* (11 ед.), которые полностью входят в структуру контаминанта (см. (33), (34), (35)) либо с опущением своего финального гласного или согласного звука:

(36) *карантикулы* шутл. ‘О периоде самоизоляции, объявленном официально нерабочими днями в марте-апреле 2020 года’ (← карантин(н) + (кани)кулы);

(37) *ковигист* разг. ‘О том, кто отрицает существование короновирусной инфекции и игнорирует профилактические меры, предпринимаемые для ограничения ее распространения’ (← кови(д) + (поф)игист);

(38) *коронасомния* ‘Так в соцсетях называют расстройство сна / бессонницу, возникшую на базе пандемии короновируса’ (← корон(а) + о + (ин)сомния).

3.2. Следующий структурный тип КЕ характеризуется одновременным усечением первого и второго производящих компонентов (**N1 усеч. фин. + N2 усеч. нач.**) (24 ед.), при этом у первого компонента опускается финальная часть – чаще конечный гласный или согласный звук (10 ед.), а у второго – начальный сегмент, представляющий обычно корневую морфему (18 ед.):

(39) неодобр. Такие напуганные *короноики* (т. е. те, кто боится заразиться короновирусной инфекцией, чрезмерно соблюдает профилактические меры)

(← корон(а) + (паран)оик) стоит им только что-то возразить против «масочного режима», тут же ссылаются на неких своих знакомых, которые якобы едва не умерли в больнице от этой самой «ковидной пневмонии».

Большая часть КЕ являются субстантивными эмоционально-оценочными дериватами (20 ед.), значительно реже – глаголами (4 ед.):

(40) разг. шутл. Внезапно этот хулиган В людском сознании вырос. Среди собратьев разных стран *Короновался* (т. е. стал главным, важным) вирус. Внаглянку это естество Гуляет по планете И не боится никого, Как вор в авторитете (← корон(а) + (корон)оваться).

3.3. Относительно высокую продуктивность (20 ед.) в русском языке проявляют КЕ, образованные путем усечения финального сегмента у первого компонента и сохранением второго компонента (**N1 усеч. фин. + N2**). Первым компонентом анализируемых контаминантов чаще выступает лексема *ковид* (8 ед.), реже – *корона* (3 ед.), *пандемия* (2 ед.), *карантин* (2 ед.), *самоизоляция* (2 ед.), например:

(41) пренебр. *Ковидиотами* (← ков(ид) + идиот) называют тех, кто намеренно игнорирует правила изоляции, способствует распространению вируса или наводит панику;

(42) шутл. Короноики ругаются с ковид-диссидентами, *карантинейджеры* (т. е. юноши или девушки, чей переходный возраст совпал с периодом пандемии) (← каран(тин) + тинейджер) творят коронарт, а ковидиоты жалуются на локдаун.

подавляющее большинство контаминантов являются существительными (17 ед.), часто с иронично-шутливой окраской, в трех случаях отмечены глагольные дериваты:

(43) *ковидеть* разг. шутл. ‘видеть, показывать то, что связано с темой короновирусной инфекции’ (← ко(вид) + видеть);

(44) *ковидеться* шутл. ‘видеться, казаться (в период пандемии)’ (← ко(вид) + видиться) (речь медиков) т. е. ‘работать с ковидными пациентами’.

3.4. Прочие структурные типы КЕ. Сюда вошли единичные контаминанты с двойным усечением структуры первого компонента (начального / срединного и финального сегментов) и отсечением срединной части, которая заменяется созвучным сегментом:

3.4.1. N1 усеч. нач. и фин. + N2 усеч. нач.:

(45) *наруженосец* разг. шутл. ‘о том, кто носит защитную маску, спустив с носа’ (← (с)наруж(ный) + (оруж)еносец): *Наруженосцев* надо призвать к ответственности, чтобы они свои носы тоже прятали под маской.

3.4.2. N1 усеч. сред. и фин. + N2 усеч. нач.:

(46) *ковироучер* шутл. ‘о лекторе, который преподает в период пандемии удаленно’ (← ко(роно)вир(усный) + (к)оучер): «*Ковироучеры*» – люди, которые вели бесплатные

онлайн-семинары, мастер-классы.

3.4.3. N1 усеч. сред. + N2:

(47) *инфейкция* шутл. ‘о недостоверной информации о коронавирусной инфекции’
(← ин(фек)ция) + фейк).

4. Выводы

4.1. Контаминация является самостоятельным и продуктивным способом словообразования в немецком и русском языках, основанном на слиянии двух производящих слов с отсечением и/или возможным наложением у них определенной части (букв, звуков, морфем); вложением одного компонента или его части в другой, при этом производная КЕ представлена определенным образом начальным и конечным сегментами исходных мотивирующих слов.

4.2. В структурном плане контаминация в немецком и русском языках наиболее активно происходит в номинативной сфере, порождая большое количество субстантивных образований (свыше 90% в каждом языке).

4.3. Субстантивные контаминанты продуктивно образуются в сопоставляемых языках по двум моделям: 1) N1 усеч. фин. + N2 усеч. нач. (нем. – 40 ед.; рус. – 24 ед.); 2) N1 усеч. фин. + N2 (нем. – 37 ед.; рус. – 20 ед.). В русском языке особенно многочисленными являются контаминанты модели N1 + N2 усеч. нач. (71 ед.).

4.4. В деривации немецких и русских КЕ активно участвуют заимствованные слова, особенно из английского языка. В немецком языке в качестве мотивирующих основ выступают также заимствования из греческого, латинского, французского, арабского, персидского, португальского и итальянского языков.

4.5. Контаминанты немецкого и русского являются стилистически маркированными языковыми единицами и характеризуется широким регистром (разговорные, фамильярные, ироничные, шутливые, пренебрежительные, грубые). Среди оценочных контаминантов в сопоставляемых языках часто встречаются лексемы с негативной и положительной коннотацией, с преобладанием первых над вторыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Де Болт А. А. Теоретические и практические аспекты контаминации на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Орел: Орловский гос. ун-т, 1998. 24 с.
2. Васильева Е. В. Пандемия коронавируса обогатила языки новыми словами и выражениями // Новый день. 04.04.2020. Доступ: <https://newdaynews.ru/coronavirus-covid-19/688292.html>. (дата обращения: 13.03.2022).
3. Воронин С. В. Пограничные явления словообразования и фонетики (образование

гаплогических слов-слитков и композитов). Москва: КомКнига, 2007. 150 с.

4. Митурска-Бояновска Й. Пандемийные контаминанты // Русский язык короновирусной эпохи: коллективная монография. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. С. 406-418.

5. Ройзензон Л. И., Абрамцев И. В. О разных типах контаминации // Труды Самаркандского государственного университета им. Навои. Новая Серия. Самарканд, 1970. 253 с.

6. Algeo J. Blends, a structural and systemic view // *American Speech*. Durham, North Carolina: Duke University Press, 1977. No. 52. P. 47-64

7. Bergstrom G.A. On Blendings of Synonymous or Cognate Expressions in English. London: Longman, 1906. 79 p.

8. Fauconnier G., Turner M. Blending as a Central Process of Grammar // *Conceptual Structure, Discourse and Language*. Stanford: CSLI Publications, 1996. P. 113-130.

9. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1995. 381 S.

10. Klose-Kückelhaus A. Neue Wörter in der Coronakrise – von Social-Distancing und Gabenzaun. 2/2020. Доступ: <https://pub.ids-mannheim.de/laufend/sprachreport>. (дата обращения: 13.03.2022).

11. Müller Peter O., Friedrich C. Kontamination // *Wortbildung im Deutschen zwischen Sprachsystem und Sprachgebrauch*. 2003. S. 121-131.

12. Soudek L. I. The Relation of Blending to English Word-Formation: Theory, Structure and Typological Attempts // *Proceedings of the Twelfth International Congress of Linguistics*. Vienna August 28 September 2. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1978. P. 462-466.

13. Wentworth H. Blend-Words in English: Abstract of a Thesis. New York, 1934. 314 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОНИКОВ

1. Словарь русского языка короновирусной эпохи / состав.: Х. Вальтер, Е. С. Громенко, А. Ю. Кожевников и др. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с.

2. DWDS-Themenglossar zur Covid-19-Pandemie. Доступ: <https://www.dwds.de>. (дата обращения: 13.03.2022).

3. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache und Spaß an Umgangssprache und Sprichwörtern. Доступ: <https://mundmische.de>. (дата обращения: 13.03.2022). [Wörterbuch].

REFERENCES

1. De Bolt, A. A. (1998). *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty kontaminatsii na materiale russkogo i angliyskogo yazykov* [Theoretical and practical aspects on contamination based on Russian and English]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Orel: Orlovskii gos. un-t. (In Russ.).

2. Vasileva, E. V. (2020). *Pandemiya koronavirusa obogatila yazyki novymi slovami i vyrazheniyami* [Coronavirus pandemic enlarged the language with new words and collocations]. In *Novyy den*. 04.04.2020. Available at: <https://newdaynews.ru/coronavirus-covid-19/688292.html>. (accessed: 13.03.2022). (In Russ.).

3. Voronin, S. V. (2007). *Pogranichnye yavleniya slovoobrazovaniya i fonetiki (obrazovanie gaplologicheskikh slov-slitkov i kompozitov)* [Borderline phenomena of word-building and phonetics (formation of haplological words-ingots and composites)]. Moskva: KomKniga. (In Russ.).

4. Miturska-Boyanovska, I. (2021). *Pandemiynye kontaminanty* [Pandemic blends]. In *Russkiy yazyk koronavirusnoy epokhi*. Sankt-Peterburg: Institut lingvisticheskikh issledovaniy

RAN. Pp. 406-418. (In Russ.).

5. Royzenzon, L. I., Abramets, I. V. (1970). O raznykh tipakh kontaminatsii [On different types of blends]. In *Trudy Samarkandskogo gosudarstvennogo universiteta im. Navoi. Novaya Seriya*. Samarkand. (In Russ.).

6. Algeo, J. (1977). Blends, a structural and systemic view. In *American Speech*. Durham, North Carolina: Duke University Press. No. 52. Pp. 47-64

7. Bergstrom, G. A. (1906). *On Blendings of Synonymous or Cognate Expressions in English*. London: Longman.

8. Fauconnier, G., Turner, M. (1996). Blending as a Central Process of Grammar. In *Conceptual Structure, Discourse and Language*. Stanford: CSLI Publications. Pp. 113-130.

9. Fleischer, W., Barz, I. (1995). *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.

10. Klose-Kückelhaus, A. (2020). *Neue Wörter in der Coronakrise – von Social-Distancing und Gabenzaun*. 2/2020. Available at: <https://pub.ids-mannheim.de/laufend/sprachreport>. (accessed: 13.03.2022).

11. Müller, Peter O., Friedrich, C. (2003). Kontamination. In *Wortbildung im Deutschen zwischen Sprachsystem und Sprachgebrauch*. S. 121-131.

12. Soudek, L. I. (1978). The Relation of Blending to English Word-Formation: Theory, Structure and Typological Attempts. In *Proceedings of the Twelfth International Congress of Linguistics*. Vienna August 28 September 2. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck. Pp. 462-466.

13. Wentworth, H. (1934). *Blend-Words in English: Abstract of a Thesis*. New York.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Slovar russkogo yazyka koronavirusnoy epokhi* [Dictionary of the Russian language of coronavirus perion]. In Kh. Valter, E. S. Gromenko, A. Yu. Kozhevnikov et al (eds.). Sankt-Peterburg: Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN, 2021. (In Russ.).

2. *DWDS-Themenglossar zur Covid-19-Pandemie*. Available at: <https://www.dwds.de>. (accessed: 13.03.2022).

3. *Wörterbuch der deutschen Umgangssprache und Spaß an Umgangssprache und Sprichwörtern*. Available at: <https://mundmische.de>. (accessed: 13.03.2022).

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schambar@yandex.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schambar@yandex.ru), Federal State Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 08 октября 2023 г.

УДК 81'276.6

© 2023 А. А. Горжая

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕНОСЫ, ЛЕЖАЩИЕ В ОСНОВЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОЛОРАТИВОВ В КАЧЕСТВЕ ТЕРМИНОЭЛЕМЕНТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ БОТАНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

Статья посвящена анализу семантических переносов, лежащих в основе использования колоративов в качестве терминологических элементов в рамках русско- и англоязычных ботанических терминов. На материале терминологических наименований растений, произрастающих в России, рассматриваются конкретные терминоэлементы-колоративы и определяется их частотность. Автор делает вывод об активных семантических процессах метафоризации при значительно меньшем объеме метонимизации, а также достаточном разнообразии используемых цветов и оттенков.

Ключевые слова: колоратив, номинация, растение, цвет, термин, терминологический элемент.

© 2023 A. A. Gorzhaya

SEMANTIC TRANSFERS UNDERLYING THE USE OF COLOURATIVES AS TERMINOLOGICAL ELEMENTS (BASED ON THE RUSSIAN- AND ENGLISH-LANGUAGE BOTANICAL TERMINOLOGY)

The article deals with the analysis of semantic transfers of meaning underlying the use of colouratives as terminological elements in Russian and English botanical terms. Drawing on the material of terminological names of plants growing in the Russian Federation, certain terminological elements-colouratives are considered and counted. The author concludes about active semantic processes of metaphORIZATION and less frequent processes of metonymization, as well as a certain variety of colours and shades used.

Key words: colourative, nomination, plant, colour, term, terminological element.

Сфера ботаники является одной из значимых областей человеческой деятельности, с которой мы сталкиваемся практически каждый день. Мы тем или иным образом называем окружающие нас растения, часто именуемые «зелеными друзьями», потому мы окружены ими практически повсеместно, используем для украшения наших домов снаружи и внутри; многие растения используются в пищу, в качестве источников различных лекарственных или ароматических субстанций, для других целей.

В основу номинации растительных объектов зачастую могут быть положены их внешние признаки и/или свойства, на которые человек в первую очередь обращает внимание. С лингвистической точки зрения, концептуализация и последующая категоризация салиентных свойств растений могут воплощаться в разного рода семантических переносах [Алимурадов, Лату, 2006; Алимурадов, Чурсин, 2010; Раздубев, 2017; Раздубев, Щерба, Ягаева, 2021; Горбунова, Арчаков, Ахтаева, 2020; Горбунова, Багиян, Докуто, Раздубев, 2017 и др.] –

в метафорах и метонимиях, лежащих в основе выбора субъектом номинации тех или иных лексических единиц (отдельных терминов и терминологических элементов). Одними из значимых с точки зрения номинативных процессов терминологических элементов выступают колоративы (цветообозначения), т. е. лексемы, обозначающие какой-либо цвет или оттенок. В качестве основного материала в рамках настоящего исследования рассматривается русско- и англоязычная ботаническая терминология, в частности, терминологические (номенклатурные) наименования растений.

Объектом исследования послужили терминологические единицы ботанической сферы, содержащие в себе терминологические элементы-колоративы (цветообозначения) с переносным значением, в современных русском и английском языках.

Предмет исследования составляют особенности переноса значения (проявляющегося в виде метафоризации и метонимизации) русско- и англоязычных терминологических элементов-колоративов в терминологических единицах ботанической сферы – наименованиях растений.

Целью исследования является количественный и качественный анализ специфики семантических (метафорических и метонимических) переносов, лежащих в основе использования колоративов в виде терминологических элементов в рамках русско- и англоязычных ботанических терминов – наименований растений. Ни для кого не секрет, что одним из значимых мотивационно-номинативных признаков является «цвет». В ходе работы методом сплошной выборки был отобран эмпирический материал общим объемом более 150 единиц в виде русских и английских (латинского происхождения) официальных терминологических наименований объектов растительного мира, репрезентирующих в рамках отдельных терминологических единиц параметрический признак, как цвет. Таким образом, анализу подверглись официальные терминологические (номенклатурные) наименования растений, в которых явно прослеживалось обращение к цвету как номинативному параметрическому признаку, однако из исследования были исключены терминологические элементы с прямым значением. Мы рассмотрим все разнообразие цветов, используемых при номинации растений, – от светлых до темных, а также определим частотность тех или иных терминологических элементов-колоративов, имеющих переносное значение. Кроме того, в ходе работы предполагается выявить наиболее и наименее частотные модели (типы) переноса значения – метафоризации и метонимизации.

В качестве источников терминологических наименований растений с колоративами послужили: Перечень объектов растительного мира, занесенных в Красную книгу

Российской Федерации [Красная книга] и Список растений России [Список растений]. Методологическая база исследования основывается на работах отечественных и зарубежных ученых, изучающих цветообозначения с различных позиций, а также особенности метафоризации и метонимизации как процессов переноса значения в лексике, в том числе терминологической.

Цветообозначения или колоративы в целом изучаются в рамках отечественной и зарубежной лингвистики уже не одно десятилетие. Среди российских ученых, занимающихся вопросами семантической структуры и функционирования колоративов, можно назвать Б. А. Базыму [см. Базыма, 2005]; Н. Б. Бахилина [Бахилин, 1975], С. Д. Канцельсона [Канцельсон, 1987], Р. М. Фрумкиной [Фрумкина, 1984], Р. В. Алимпиевой [Алимпиева, 1986] и др. Среди ключевых зарубежных фигур в данной области выделяют Б. Берлин и П. Кэй [Berlin, Kay, 1969], Дж. Герта (работа по «примитивным» цветам [Gert, 2017]), Д. Дедрика (цветонаименования и их связь с культурой) [Dedrick, 1998], А. Вежбицкой (семантика цветообозначений) [Wierzbicka, 1990], И. Петерсоном (словарь колоративов) [Peterson, 2003] и др. В плане переноса семантики и, в частности, метафорических моделей (типов метафор) исследование базируется на работах А. П. Чудинова [Чудинов, 2003], выделяющего четыре типа метафор в политической сфере (антропоморфные, социоморфные, природоморфные и артефактные), которые могут быть применены к другим областям человеческого знания. Первый тип метафор непосредственно связан с человеком («человек как мера всех вещей»), второй – с обществом и его законами, нормами и порядками, третий – с природой (флорой и фауной, растениями и животными), а четвертый – с искусственно созданными человеком объектами – артефактами.

В ходе анализа отобранного материала было определено, что среди ключевых цветов, выраженных русско- и англоязычными терминоэлементами-колоративами, можно назвать: белый, красный, желтый, серый (серебристый) и др. и их оттенки, а также встречаются репрезентанты сочетаний по крайней мере двух разных цветов (полосатый, пятнистый, мраморный и др.). Сразу оговоримся, что под колоративом мы понимаем терминоэлемент, имеющий в своей семантике прямое или, как в нашем случае, переносное обозначение цвета как ключевого номинативного параметрического признака.

Начнем с **белого цвета** и его оттенков как одного из самых частотных, используемых при номинации. Приведем некоторые примеры: *Аконит белоустный* / *Борец белоустный* – *Aconitum leucostomum* (Семейство Лютиковые – Ranunculaceae) (антропоморфная метафора); *Одуванчик белоязычковый* – *Taraxacum leucoglossum* (Семейство Сложноцветные – Asteraceae) (антропоморфная метафора); *Полынь беловойлочная* – *Artemisia hololeuca*

(Семейство Сложноцветные – Asteraceae) (артефактная метафора); *Брейния снежная* – *Breynia nivosa* (Семейство Молочайные – Euphorbiaceae) (природоморфная метафора); *Галантус (бело)снежный* / *Подснежник (бело)снежный* – *Galanthus nivalis* (Семейство Амариллисовые – Amaryllidaceae) (природоморфная метафора); *Кувшинка белоснежная* – *Nymphaea alba* (Семейство Кувшинковые – Nymphaeaceae) (природоморфная метафора, однако в русскоязычном варианте есть семантический перенос, а в английском – нет); *Маммиллярия белоснежная* – *Mammillaria candida* (Семейство Кактусовые – Cactaceae) (природоморфная метафора, однако в русскоязычном варианте есть семантический перенос, а в английском – нет); *Остролодочник белоснежный* – *Oxytropis nivea* (Семейство Бобовые – Fabaceae (Leguminosae)) (природоморфная метафора); *Ожика снежная* / *Ожика снежно-белая* – *Luzula nivea* (Семейство Ситниковые – Juncaceae) (природоморфная метафора); *Пролеска снежная* – *Scilla bifolia* (Семейство Спаржевые – Asparagaceae) (природоморфная метафора, однако в русскоязычном варианте есть семантический перенос, а в английском – нет); *Войтия снежная* – *Voitia nivalis* (Семейство Спыховые – Splachnaceae) (природоморфная метафора); *Снежная ягода* / *Снежноягодник* / *Снежник* – *Symphoricarpos* (*snowberry* / *ghostberry*) (Семейство Жимолостные – Caprifoliaceae) (природоморфная метафора, антропоморфная метафора); *Снежноцвет* (*хионантус*) – *Chionanthus* (Семейство Маслиновые – Oleaceae) (природоморфная метафора); *Камнеломка молочная* – *Saxifraga lactea* (Семейство Камнеломковые – Saxifragaceae) (природоморфная метафора, зооморфная метафора); *Колокольчик молочноцветковый* – *Campanula lactiflora* (Семейство Колокольчиковые – Campanulaceae) (природоморфная метафора, зооморфная метафора); *Пион молочноцветковый* – *Paeonia lactiflora* (Семейство Пионовые – Paeoniaceae) (природоморфная метафора, зооморфная метафора); *Эхинацея бледная* – *Echinacea pallida* (Семейство Астровые – Asteraceae) (антропоморфная метафора); *Ятрышник бледный* – *Orchis pallens* (Семейство Орхидные – Orchidaceae) (антропоморфная метафора); *Рябчик бледноцветный* / *Рябчик бледноцветковый* – *Fritillaria pallidiflora* (Семейство Лилейные – Liliaceae) (антропоморфная метафора); *Анафалис жемчужный* – *Anaphalis margaritacea* (Семейство Астровые – Asteraceae) (природоморфная метафора) [Красная книга; Multitran; Список растений] и др. Следует отметить, что частотными русскоязычными терминологическими-колоративами с семантическим переносом выступают: *снежный*, *белоснежный*, *молочный*, *молочноцветковый*, *бледный* и др.

Не менее частотным выступает **красный цвет** (с разными оттенками). Приведем и проанализируем некоторые примеры: *Алоказия медно-красная* – *Alocasia cuprea*

(Семейство Ароидные (Аронниковые) – Araceae) (природоморфная метафора, цвет металла); *Пираканта кровавая* – *Pyracantha coccinea* (Семейство Розовые – Rosaceae) (антропоморфная метафора); *Щавель кровавый* – *Rumex sanguineus* (Семейство Гречишные – Polygonaceae) (антропоморфная метафора); *Дерен кровавый* / *Дерен кроваво-красный* / *Кизил кроваво-красный* / *Свидина кроваво-красная* – *Cornus sanguinea* / *Swida sanguinea* (Семейство Кизиловые – Cornaceae) (антропоморфная метафора); *Боярышник кроваво-красный* / *Боярышник кроваво-красный* – *Crataegus sanguinea* (Семейство Розовые – Rosaceae) (антропоморфная метафора); *Гейхера кроваво-красная* – *Heuchera sanguinea* (Семейство Камнеломковые – Saxifragaceae) (антропоморфная метафора); *Герань кроваво-красная* – *Geranium sanguineum* (Семейство Гераниевые – Geraniaceae) (антропоморфная метафора); *Ирис кроваво-красный* / *Касатик кроваво-красный* – *Iris sanguinea* (Семейство Ирисовые (Касатиковые) – Iridaceae) (антропоморфная метафора); *Лобелия кроваво-красная* – *Lobelia cardinalis* (Семейство Колокольчиковые – Campanulaceae) (антропоморфная метафора); *Смородина кроваво-красная* – *Ribes sanguineum* (Семейство Крыжовниковые – Grossulariaceae) (антропоморфная метафора); *Холмскиолдия кроваво-красная* / *Холмшелдия кроваво-красная* – *Holmskioldia sanguinea* (Семейство Яснотковые – Lamiaceae) (антропоморфная метафора); *Ваточник мясо-красный* – *Asclepias incarnata* (Семейство Кутровые – Arosynaceae) (природоморфная метафора, зооморфная метафора); *Пальчатокоренник мясо-красный* – *Dactylorhiza incarnata* (Семейство Орхидные – Orchidaceae) (природоморфная метафора, зооморфная метафора); *Горец мясо(-)красный* / *Змеевик мясо(-)красный* – *Persicaria bistorta* / *Bistorta carnea* (Семейство Гречишные – Polygonaceae) (природоморфная метафора, зооморфная метафора); *Эрика мясо-красная* – *Erica carnea* (Семейство Вересковые (Эриковые) – Ericaceae) (природоморфная метафора, зооморфная метафора); *Ипомея огненно-красная* / *Квамokit огненно-красный* – *Ipomoea coccinea* (Семейство Вьюнковые – Convolvulaceae) (природоморфная метафора); *Фасоль огненно-красная* – *Phaseolus coccineus* (Семейство Бобовые – Fabaceae) (природоморфная метафора); *Рододендрон ржавый* / *Рододендрон ржавчинный* / *Рододендрон ржаволиственный* – *Rhododendron ferrugineum* (Семейство Вересковые – Ericaceae) (природоморфная метафора); *Схенус ржавый* – *Schoenus ferrugineus* (Семейство Осоковые – Surgraceae) (природоморфная метафора); *Бегония коралловая* – *Begonia corallina* (Семейство Бегониевые – Begoniaceae) (природоморфная метафора); *Кочедыжник красноногий* – *Athyrium sinense* (Семейство Кочедыжниковые – Athyriaceae) (антропоморфная метафора, однако в англоязычном (латинском) варианте отсутствует упоминание цвета); *Манжетка*

красноногая / *Манжетка красночерешковая* – *Alchemilla erythropoda* (Семейство Розовые – Rosaceae) (антропоморфная метафора); *Коккокарпия краснотростниковая* – *Coccocarpia erythroxylis* (Семейство Коккокарпиевые – Coccocarpiaceae) (природоморфная метафора); *Осока пурпурноцветковая* – *Carex erythrobasis* (Семейство Осоковые – Cyperaceae) (антропоморфная метафора); *Перечный гриб рубиновый* – *Chalciporus rubinus* [Rubinoboletus rubinus] (Семейство Болетовые – Boletaceae) (природоморфная метафора) [Красная книга; Multitran; Список растений] и др. Следует отметить, что частотными русскоязычными терминологическими элементами-колоративами с переносом значения являются следующие: *кровавый*, *кроваво-красный* / *кроваво-красный*, *мясо-красный*, *огненно-красный*, *красноногий*, *ржавый* и др.

Весьма популярным в рамках номинационных процессов выступает **желтый цвет**, точнее, **золотой** / **золотистый**, например: *Смородина золотая* / *Смородина золотистая* – *Ribes aureum* (Семейство Крыжовниковые – Grossulariaceae) (природоморфная метафора); *Золотая розга* / *Золотарник обыкновенный* – *Solidago virgaurea* (Семейство Астровые – Asteraceae) (природоморфная метафора); *Золотое дерево (Аукуба)* – *Aucuba* (Семейство Гарриевые – Garryaceae) (природоморфная метафора); *Золотой ландыш (Сандерсония)* – *Sandersonia* (Семейство Лилейные – Liliaceae) (природоморфная метафора) (англоязычный вариант с цветовым компонентом отсутствует); *Лук золотой* – *Allium flavum* (Семейство Амариллисовые – Amaryllidaceae) (природоморфная метафора); *Бутень золотистый* – *Chaerophyllum aureum* (Семейство Зонтичные – Apiaceae) (природоморфная метафора); *Водосбор золотистый* – *Aquilegia aurea* (Семейство Лютиковые – Ranunculaceae) (природоморфная метафора); *Гребенник золотистый* / *Гребневик золотистый* / *Ламаркия золотистая* – *Cynosurus aureus* / *Lamarckia aurea* (Семейство Злаки (Злаковые) / Мятликовые – Gramineae / Poaceae) (природоморфная метафора); *Жимолость золотистая* / *Жимолость золотистоцветковая* – *Lonicera chrysantha* (Семейство Жимолостные (Жимолостевые) – Caprifoliaceae) (природоморфная метафора); *Крокус золотистый* / *Шафран золотистый* / *Крокус золотистоцветковый* – *Crocus chrysanthus* (Семейство Ирисовые – Iridaceae) (природоморфная метафора); *Сциндапус золотистый* – *Scindapsus aureus* (Семейство – Ароидные (Аронниковые) – Araceae) (природоморфная метафора); *Флебодиум золотой* / *Флебодиум золотистый* – *Phlebodium aureum* (Семейство Многоножковые – Polypodiaceae) (природоморфная метафора); *Эхинопсис золотистый* – *Echinopsis aurea* (Семейство Кактусовые – Cactaceae) (природоморфная метафора); *Аурипория золотистая* – *Auriporia aurulenta*

(Семейство Аурипориевые – Auriporiaceae) (природоморфная метафора); *Водосбор золотистоцветковый* / *Аквилегия золотистоцветковая* – *Aquilegia chrysantha* (Семейство Лютиковые – Ranunculaceae) (природоморфная метафора); *Селеницереус золотистоцветковый* / *Селеницереус Золотое Сердце* – *Selenicereus chrysocardium* (Семейство Кактусовые – Cactaceae) (природоморфная метафора, антропоморфная метафора); *Золототысячник зонтичный* – *Centaureum erythraea* (Семейство Горечавковые – Gentianaceae) (природоморфная метафора); *Ирис золотисторасписной* – *Iris chrysographes* (Семейство Касатиковые (Ирисовые) – Iridaceae) (природоморфная метафора; антропоморфная метафора); *Телосхистес золотистоглазый* – *Teloschistes chrysophthalmus* (Семейство Телосхистовые – Teloschistaceae) (природоморфная метафора, антропоморфная метафора); *Лилейник лимонно-желтый* – *Heimerocallis citrina* (Семейство Ксанторреевые – Xanthorrhoeaceae) (природоморфная метафора); *Котовник лимонный* – *Nepeta cataria* (Семейство Яснотковые – Lamiaceae) (природоморфная метафора); *Калатея шафранная* / *Гонпертия шафранная* – *Calathea crocata* (Семейство Марантовые – Marantaceae) (природоморфная метафора); *Аурантипорус шафранно-желтый* – *Aurantiporus croceus* (Семейство Мерулиевые – Meruliaceae) (природоморфная метафора); *Клевер бледно-желтый* – *Trifolium ochroleucon* (Семейство Бобовые – Fabaceae) (антропоморфная метафора); *Мокруха желтоножковая* – *Gomphidius flavipes* [*Chroogomphus flavipes*] (Семейство Мокруховые – Gomphidiaceae) (антропоморфная метафора) [Красная книга; Multitran; Список растений] и др. Следует отметить, что частотными русскоязычными терминологическими-колоративами с переносом значения являются: *золотой, золотистый, золотистоцветковый* и др.

Примерно в таком же количестве представлен **серый (серебряный) цвет**. Приведем некоторые примеры: *Галимодендрон серебристый* / *Чингиль серебристый* – *Halimodendron halodendron* (Семейство Бобовые – Fabaceae) (природоморфная метафора); *Джидда серебристая* / *Лох серебристый* – *Elaeagnus commutata* (Семейство Лоховые – Elaeagnaceae) (природоморфная метафора); *Дихондра серебристая* – *Dichondra argentea* (Семейство Вьюнковые – Convolvulaceae) (природоморфная метафора); *Ива серебристая* / *Ива серебристо-белая* – *Salix alba* (Семейство Ивовые – Salicaceae) (природоморфная метафора) (в англоязычном варианте отсутствует компонент с переносом значения и обозначением серебристого цвета); *Краекучник серебристый* / *Алевроптерис серебристый* – *Gheilanthes argentea* / *Aleuritopteris argentea* (Семейство Птерисовые – Pteridaceae) (природоморфная метафора); *Луна серебристая* – *Tilia tomentosa* (Семейство Мальвовые – Malvaceae) (природоморфная метафора) (в англоязычном термине

отсутствует терминоэлемент-колоратив); *Пеперомия серебристая* / *Пеперомия мунлайт* – *Peperomia argyrea* / *Peperomia argentea* / *Peperomia Moonlight* (Семейство Перечные – *Peperomiaceae*) (природоморфная метафора); *Плектрантус серебристый* – *Plectranthus argentatus* (Семейство Яснотковые – *Lamiaceae*) (природоморфная метафора); *Шалфей серебристый* / *Сальвия серебристая* – *Salvia argentea* (Семейство Яснотковые – *Lamiaceae*) (природоморфная метафора); *Шпороцветник серебристый* – *Plectranthus argentatus* (Семейство Яснотковые – *Lamiaceae*) (природоморфная метафора); *Пектения свинцово-серая* / *Дегелия свинцово-серая* / *Пармелиелла свинцово-серая* – *Pectenia plumbea* (Семейство Паннариевые – *Pannariaceae*) (природоморфная метафора); *Копеечник седоватый* – *Hedysarum candidum* (Семейство Бобовые – *Fabaceae* (*Leguminosae*)) (антропоморфная метафора); *Крестовник непельный* – *Senecio cineraria* (Семейство Астровые – *Asteraceae*) (природоморфная метафора / артефактная метафора); *Спирея непельная* – *Spiraea* × *cinerea* (Семейство Розовые – *Rosaceae*) (природоморфная метафора / артефактная метафора) [Красная книга; Multitran; Список растений] и др. Среди частотных русскоязычных терминоэлементов-колоративов с переносом значения можно назвать следующие: *серебристый*, *непельный* и др.

В рамках сочетаний темных и светлых цветов, которые используются при терминологической номинации растений, выделяются, в частности, следующие примеры с терминоэлементами, маркированными переносом значения: *Бертолония мраморная* – *Bertolonia marmorata* (Семейство Меластомовые – *Melastomataceae*) (природоморфная метафора); *Клен мраморный* – *Acer pictum* (Семейство Сапиндовые – *Sapindaceae*) (природоморфная метафора) (в англоязычном варианте нет терминоэлемента-колоратива); *Лилия тигровая* – *Lilium lancifolium* (Семейство Лилейные – *Liliaceae*) (природоморфная метафора, зооморфная метафора) (в англоязычном варианте нет терминоэлемента-колоратива); *Бромелия тигровая* / *Вриезия тигровая* – *Vriesea carinata* (Семейство Бромелиевые – *Bromeliaceae*) (природоморфная метафора, зооморфная метафора); *Касатик тигровый* – *Iris tigridia* (Семейство Касатиковые (Ирисовые) – *Iridaceae*) (природоморфная метафора, зооморфная метафора); *Лилия ложнотигровая* – *Lilium pseudotigrinum* (Семейство Лилейные – *Liliaceae*) (природоморфная метафора, зооморфная метафора); *Подорожник перистый* – *Plantago coronopus* (Семейство Подорожниковые – *Plantaginaceae*) (природоморфная метафора, зооморфная метафора); *Рябчик шахматный* – *Fritillaria meleagris* (Семейство Лилейные – *Liliaceae*) (артефактная метафора); *Рябчик шахматовидный* – *Fritillaria meleagroides* (Семейство Лилейные –

Liliaceae) (артефактная метафора) [Красная книга; Multitran; Список растений] и др. Относительно частотно встречаются терминологические элементы *мраморный* и *тигровый*.

Таким образом, проанализировав эмпирический материал в виде терминологических наименований растений, произрастающих на территории Российской Федерации, мы приходим к выводу о том, что данная терминология, относящаяся к ботанической сфере, в русском и английском языках характеризуется наличием терминологических-колоративов (содержащих мотивационно-номинативный признак «цвет»), имеющих разные виды семантического переноса – в подавляющем числе случаев метафоризацию. Основные цвета, применяемые при номинации растений с переносом значения, включают: белый, красный, желтый, серый (серебристый) и др. и их оттенки. Помимо этого встречается сочетание по крайней мере двух цветов, светлого и темного в разных вариациях: *полосатый, пятнистый, мраморный* и др. В ходе работы выделены конкретные частотные русскоязычные терминологические-колоративы (в разных родовых формах): *снежный, белоснежный, молочный, молочнотычинный, бледный; кровавый, кроваво-красный / кроваво-красный, мясо-красный, огненно-красный, красногубый, ржавый; золотой, золотистый, золототычинный; серебристый, пепельный; мраморный, тигровый* и др. При этом англоязычные варианты имеют латинское происхождение и более диверсифицированы. В целом, наблюдается достаточное разнообразие используемых при номинации цветов и оттенков. Изученные в ходе исследования терминологические элементы не всегда учитывают изначальный англоязычный (латинский) вариант ботанического термина, т. е. при возможном сохранении цвета в обоих языках, в русском языке могут появляться семантические переносы и более сложные в структурном плане (образованные в результате словосложения) терминологические элементы. Преобладают природоморфные метафоры, может происходить сочетание двух типов метафор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алимпиева Р. В. Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы: на материале прилагательных-цветообозначений русского языка. Ленинград: ЛГУ, 1986. 177 с.
2. Алимуратов О. А., Лату М. Н. Метафоричность термина как переводческая проблема // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2006. № 4. С. 24-27.
3. Алимуратов О. А., Чурсин О. В. Когнитивная музыкальная метафора и ее место в современном англоязычном публицистическом тексте // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2010. № 1. С. 380-386.
4. Базыма Б. А. Психология цвета. Теория и практика. Москва: Речь, 2005. 205 с.
5. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. Москва: Наука, 1975. 288 с.

6. Горбунова Н. Н., Арчаков Р. А., Ахтаева Л. А. Метафоризация как основа для транслитерализации в сфере предметных терминологий // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 3. С. 92-109.
7. Горбунова Н. Н., Багрян А. Ю., Докучаев Б. Б., Раздужев А. В. Некоторые структурно-семантические особенности англоязычных терминов сферы финансового менеджмента // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2017. № 3. С. 29-38.
8. Кацнельсон С. Д. К понятию типов валентности // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 20-32.
9. Раздужев А. В. Метафоризация и метонимизация в англоязычной терминологии сферы нанотехнологий: антропоцентрический аспект // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2 (51). С. 70-77.
10. Раздужев А. В., Щерба С. О., Ягаева С. Б. Некоторые этимологические особенности наименований комнатных растений (на материале обозначений суккулентов в современном английском языке) // Вестник Пятигорского государственного университета. 2021. № 1. С. 119-125.
11. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа: монография. Москва: Наука, 1984. 175 с.
12. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. Екатеринбург: УрГПУ, 2003. 248 с.
13. Berlin B., Kay P. Basic color terms: their universality and evolution. Berkeley – Los Angeles: The University of California Press, 1969. 178 p.
14. Dedrick D. Naming the Rainbow. Colour Language, Colour Science, and Culture. London: Springer-Science+Business Media, B.V., 1998. 274 p.
15. Gert J. Primitive Colors. A Case Study in Neo-pragmatist Metaphysics and Philosophy of Perception. Oxford: Oxford University Press, 2017. 248 p.
16. Peterson I. A lexicon of the language of colour. A dictionary of colour. London: Thorogood Publishing Ltd., 2003. 528 p.
17. Wierzbicka A. The meaning of color terms: semantics, culture, and cognition // Cognitive Linguistics. 1990. № 1(1). Pp. 99-150.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Multitran. Доступ: <https://www.multitran.com>. (дата обращения: 01.11.2023).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Перечень объектов растительного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации. Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации № 320 от 23 мая 2023 г. Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/1301909451?marker=6560IO>. (дата обращения: 01.11.2023). [Красная книга].
2. Список растений России. Доступ: <https://kupidonia.ru/spisok/spisok-rastenij-rossii>. (дата обращения: 01.11.2023). [Список растений].

REFERENCES

1. Alimpiyeva, R. V. (1986). *Semanticheskaya znachimost slova i struktura leksiko-semanticheskoy gruppy: na materiale prilagatelnykh-tsvetooboznacheniy russkogo yazyka* [Semantic significance of the word and the structure of lexical-semantic group: based on Russian adjectives-colouratives]. Leningrad: LGU. (In Russ.).
2. Alimuradov, O. A., Latu, M. N. (2006). Metaforichnost termina kak perevodcheskaya problema [Metaphorical nature of the term as a translation problem]. In *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 4. Pp. 24-27. (In Russ.).

3. Alimuradov, O. A., Chursin, O. V. (2010). Kognitivnaya muzykalnaya metafora i ee mesto v sovremennom angloyazychnom publitsisticheskom tekste [Cognitive musical metaphor and its place in modern English-language journalistic text]. In *Interpretatsiya teksta: lingvisticheskiy, literaturovedcheskiy i metodicheskiy aspekty*. No. 1. Pp. 380-386. (In Russ.).
4. Bazyma, B. A. (2005). *Psikhologiya tsveta. Teoriya i praktika* [Psychology of colour. Theory and Practice]. Moskva: Rech. (In Russ.).
5. Bakhilina, N. B. (1975). *Istoriya tsvetooboznacheniy v russkom yazyke* [The history of colouratives in the Russian language]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
6. Gorbunova, N. N., Archakov, R. A., Akhtayeva, L. A. (2020). Metaforizatsiya kak osnova dlya transterminologizatsii v sfere predmetnykh terminonominatsiy [Metaphorization as basis for transterminologization in the field of subject terminology]. In *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. No. 3. Pp. 92-109. (In Russ.).
7. Gorbunova, N. N., Bagiyani, A. Yu., Dokuto, B. B., Razduyev, A.V. (2017). Nekotorye strukturno-semanticheskie osobennosti angloyazychnykh terminov sfery finansovogo menedzhmenta [Some structural and semantic features of the English-language financial management terms]. In *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly*. No. 3. Pp. 29-38. (In Russ.).
8. Katsnelson, S. D. (1987). K ponyatiyu tipov valentnosti [To the notion of valency types]. In *Voprosy yazykoznaniya*. No. 3. Pp. 20-32. (In Russ.).
9. Razduyev, A. V. (2017). Metaforizatsiya i metonimizatsiya v angloyazychnoy terminologii sfery nanotekhnologii: antropotsentricheskii aspekt [Metaphorization and metonymization in the English nanotechnology terminology: an anthropocentric aspect]. In *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. No. 2 (51). Pp. 70-77. (In Russ.).
10. Razduyev, A. V., Shcherba, S. O., Yagayeva, S. B. (2021). Nekotorye etimologicheskie osobennosti naimenovaniy komnatnykh rasteniy (na materiale oboznacheniy sukkulentov v sovremennom angliyskom yazyke) [Some etymological features of the names of indoor plants (based on the names of succulents in the modern English language)]. In *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1. Pp. 119-125. (In Russ.).
11. Frumkina, R. M. (1984). *Tsvet, smysl, skhodstvo. Aspekty psikholingvisticheskogo analiza* [Colour, Sense, Similarity. Some aspects of psycholinguistic analysis]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
12. Chudinov, A. P. (2003). *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii* [Metaphorical puzzle in modern political communication]. Ekaterinburg: UrGPU. (In Russ.).
13. Berlin, B., Kay, P. (1969). *Basic color terms: their universality and evolution*. Berkeley – Los Angeles: The University of California Press.
14. Dedrick, D. (1998). *Naming the Rainbow. Colour Language, Colour Science, and Culture*. London: Springer-Science+Business Media, B. V.
15. Gert, J. (2017). *Primitive Colors. A Case Study in Neo-pragmatist Metaphysics and Philosophy of Perception*. Oxford: Oxford University Press.
16. Peterson, I. (2003). *A lexicon of the language of colour. A dictionary of colour*. London: Thorogood Publishing Ltd.
17. Wierzbicka, A. (1990). The meaning of color terms: semantics, culture, and cognition. In *Cognitive Linguistics*. No. 1(1). Pp. 99-150.

LEXICOGRAPHIC SOURCE

Multitran. Available at: <https://www.multitran.com>. (accessed: 01.11.2023).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Perechen obyektov rastitel'nogo mira, zanesennykh v Krasnuyu knigu Rossiyskoy Federatsii. Prikaz Ministerstva prirodnnykh resursov i ekologii Rossiyskoy Federatsii No. 320*

от 23 мая 2023 г. [The list of flora listed in the Red Book of the Russian Federation. Order of the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation No. 320 dated May 23, 2023]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1301909451?marker=6560IO>. (accessed: 11.01.2023). (In Russ.).

2. *Spisok rasteniy Rossii* [List of plants of Russia]. Available at: <https://kupidonia.ru/spisok/spisok-rastenij-rossii>. (accessed: 11.01.2023). (In Russ.).

Горжая Алеся Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода (e-mail: alesya_gorzhaya@mail.ru), Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет» 355009, Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1

Gorzhaya Alesya A. – Candidate of Philology, Associate Professor of Theory and Practice of Translation Department (e-mail: alesya_gorzhaya@mail.ru), Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «North-Caucasus Federal University» 1 Pushkin Street, Stavropol, 355009

Поступила в редакцию 12 сентября 2023 г.

УДК 81'373.612:811.111.112.2.161.1

© 2023 И. А. Махненко

ПЕРЕНОСНЫЕ ОЦЕНОЧНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ПАРАМЕТРИЧЕСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ «БОЛЬШОЙ-МАЛЕНЬКИЙ» В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ*

Статья посвящена исследованию аксиологических особенностей параметрических прилагательных. Выявлены и сопоставлены переносные оценочные значения имён прилагательных «большой-маленький» на основании их лексической сочетаемости с именами существительными в английском, немецком и русском языках.

Ключевые слова: имя прилагательное, параметрические прилагательные, семантика, полисемия, лексическая сочетаемость, аксиология, языковая оценка.

© 2023 I. A. Makhnenko

FIGURATIVE EVALUATIVE MEANINGS OF PARAMETRIC ADJECTIVES «BIG-SMALL» IN A COMPARATIVE ASPECT

The paper studies axiological features of parametric adjectives. The figurative evaluative meanings of the adjectives «big-small» are revealed and compared on the basis of their lexical compatibility with nouns in English, German and Russian languages.

Key words: adjective, parametric adjectives, semantics, polysemy, lexical combinability, axiology, linguistic evaluation.

1. Вводные замечания

Ценностно-мерная картина мира является объектом аксиологии, учения о ценностях. Аксиологические (ценностные) понятия отражают представления отдельного человека или общества о том, что такое хорошо или плохо, достойно или недостойно, справедливо или несправедливо, прилично или неприлично и т. д. [Авазбакиева, 2012: 240-243].

В каждом языке существует широкий набор лексем, позволяющих передавать тончайшие нюансы в выражении оценки. К лексическим средствам оценки относятся, прежде всего, имущественные прилагательные с общей семантикой типа 'очень хорошо' или 'очень плохо' [Dalmas, Dobrovol'skij, Goldhahn et al., 2015: 12].

Оценивание основано на единстве ассоциативного мышления всех членов общества. Таким образом, этнокультурная специфика языка, его концептуализация отражает не только мировоззрение различных лингвокультурных общностей, но и способ оценивания окружающей среды, который может различаться в разных языках.

Целью данного исследования является выявление аксиологических особенностей параметрических прилагательных (далее ПП) в английском, немецком и русском языках,

* Исследование проводилось по теме государственного задания (номер госрегистрации 1023031200012-7-6.2.1).

которые ввиду антропоцентрического характера, а также отсутствия симметрии в семантике и языковом поведении, представляют особый интерес в сопоставительном аспекте.

ПП играют важную роль в процессе категоризации и оценивания человеком окружающего мира, в частности его размерных характеристик. Взаимодействие человека с объектом, который обладает определенными параметрами, такими как вес, размер, возможность перемещения и др., оказывает влияние на его эмоционально-оценочное состояние и способствует формированию у субъекта определенного отношения к данным характеристикам [Григорьева, 2015].

Своеобразие аксиологических особенностей прилагательных изучали Н. Д. Арутюнова [Арутюнова, 1988], Е. М. Вольф [Вольф, 1985; 1986: 98-106], Е. В. Рахилина [Рахилина, 2008], Е. Ф. Серебренникова [Серебренникова, 2011: 27-41], С. Ханстон [Hunston, 2019] и др.

Для описания оценочности ПП использовались лингвистические методы анализа: метод лексико-семантического анализа, описательный, сопоставительный методы.

Рассмотрение аксиологических особенностей функционирования ПП позволит приблизиться к пониманию этнокультурной специфики языков, а также оценочной концептуализации, которая может различаться в разных языках.

2. Оценочность параметрических прилагательных

ПП являются экспериенциальными, что означает, что антропоцентричность заложена уже в исходном, основном значении, поскольку они обозначают такие свойства предмета, которые действуют на человека и вызывают у него определенное ощущение, реакцию.

Таким образом, основой для формирования переносных значений ПП является прямое значение, которое содержится в дефинициях словарных статей. Прямое значение отражает признаки определённых предметов, характерных им параметров, позволяющих определить формы и размеры объектов, а также их место в пространстве и времени. Хотя само определение не всегда объективно, но вместе с тем, отображает сложившиеся в обществе представления о норме.

Под языковой нормой понимается естественное для данной ситуации положение вещей, сформированное под воздействием определенного жизненного и культурного опыта, социального статуса, уровня грамотности, а также индивидуальных характеристик говорящего, которое воспринимается участниками коммуникативного процесса как должное и наиболее вероятное [Апресян, 1995: 74]. Таким образом, норма носит субъективно-оценочный характер, включающий параметр и обстоятельства оценки: город

будет *маленьким* для одного говорящего и не будет таковым для другого, при этом размер и определение того, что представляет собой *маленький город*, будет существенно варьироваться в разных частях мира [Махненко, 2022: 36].

Структуру языковой оценки принято разделять на компоненты. К ним относятся: субъект оценки; объект оценки; оценочное отношение (или оценочный предикат) – та оценочная характеристика, которая приписывается объекту оценки. Интерпретация каждого из компонентов оценки контекстуально обусловлена и по мнению Т. В. Маркеловой, вне контекста оценивание некорректно [Маркелова, 1996].

Вместе с тем, большинство прилагательных могут давать оценку через первичное значение, которое содержится в дефинициях словарных статей [Усманов, 2009]. Например, словосочетание *высокая ветка* указывает не на размер предмета, а на его отдалённость от земли или говорящего, *глубокий якорь* обозначает предмет, брошенный на большую глубину [Рахилина, 2008].

Ярче всего оценка проявляется в переносных значениях ПП. Например, при описании своих ощущений от восприятия разных аспектов жизни человек передает эмоциональную оценку: *легкий* – «вызывающий положительные эмоции, приятный» (*Пусть ваш сегодняшний день будет лёгким, радостным и пронизанным лучами солнечного света*); *тяжелый* – «вызывающий отрицательные эмоции, неприятный» (*Все молчали. В комнате царила тяжёлая, отвратительная тишина*) [Григорьева, 2015].

Анализ оценочных значений в контекстах с ПП «*большой-маленький*» позволяет выделить признаки оценки и соотнести их с классификацией оценочных значений, предложенной Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1988]. В отдельную группу следует выделить количественную оценку, которая в классификации Н.Д. Арутюновой отсутствует. Вместе с тем, существует также остаточная группа имен собственных, которая не несет эмоциональной окраски. Например, англ. *No, I have never seen Big Ben at all* [BNC] ‘Нет, я вообще никогда не видел Биг-Бен’; рус. ... и в *Большом толковом словаре русского языка под ред...* [НКРЯ].

3. Аксиологические особенности параметрического прилагательного «большой» в английском, немецком и русском языках

3.1. В трех языках в прямом значении «Значительный по величине, размерам» физическая нормативная оценка предметов, а также частично эстетическая будут проявляться в сочетаниях ПП «*большой*»:

– с конкретными неодушевлёнными существительными, обозначающими предметы реального мира, например, рус. *Что представляли собой первые книги? (это были*

большие толстые книги, которые писались от руки и переписывались со временем другим летописцем) [НКРЯ];

– с существительными, обозначающими части пространственно-территориальное деление, например, нем. *In der großen Küche saßen schon alle am Tisch beim Frühstück, als Hawa eintrat...* [DeReKo] ‘В большой кухне все уже завтракали за столом, когда вошла Хава’;

– с существительными, обозначающими части тела человека или животного: нем. *Neben mir steht ein blonder Typ mit einer schönen großen Nase, den ich unauffällig mustere...* [DeReKo] ‘Рядом со мной стоит светловолосый парень с красивым большим носом, которого я незаметно разглядываю’.

В данных текстовых фрагментах «большой» выражает различную степень оценки, которая, если укладывается в рамки антропоцентрической нормы, будет иметь положительную коннотацию: англ. *Then we got the big fridge in the kitchen for all the foods like we use every day* [BNC] ‘Затем у нас появился большой холодильник на кухне для всех продуктов, которые мы ежедневно используем’.

3.2. Эмоциональная оценка выражается во всех языках в переносном значении «Значительный по интенсивности, силе воздействия, степени проявления» в сочетаниях с абстрактными существительными, обозначающими чувства и эмоциональные состояния человека: рус. *И однажды случилась в его жизни большая любовь* [НКРЯ]. Следует отметить, что в русском и английском языках наиболее частотными были сочетания, имеющие положительную коннотацию, например, рус. *Большое спасибо!* [НКРЯ], англ. *Quality control checker Kerrie Ratcliffe would like to say a big thank you to employees at Tuscan who donated hundreds of tins of dog food...* [BNC] ‘Специалист по контролю качества Керри Рэтклифф выражает огромную благодарность сотрудникам компании Tuscan, которые пожертвовали сотни банок корма для собак’ в отличие от немецкого языка, в котором преобладали словосочетания с отрицательной коннотацией, например: нем. *Irgend etwas passiert mit der, sie mache sich größte Sorge* [DeReKo] ‘С ней что-то происходило, она была в высшей степени озабочена’.

3.3. Интеллектуальные оценки проявляются в сочетаниях с абстрактными существительными, выражающими результаты деятельности человека: англ. *Producer Nigel Lythgoe is confident it will be a big success* [BNC] ‘Продюсер Найджел Литгоу уверен, что успех будет большим’.

3.4. Телеологические оценки, связанные с практической деятельностью человека,

выявлены только в английском и русском языках в сочетаниях с одушевлёнными существительными, характеризующими человека по его свойствам, способностям. Например, англ. *He just listened... this big star, the famous comedian, who was ready to try to understand all the...* [BNC] 'Он просто слушал... эту большую звезду, знаменитого комика'. В русском языке теологическая оценка проявляется в значении «Занимающий высокое общественное или служебное положение; главный, влиятельный»: *Надо было просто снова Норигтона приглашать на пост режиссера, хотя после LXG большие шишки наверняка подумали, что переоценил способности Стивена* [НКРЯ].

3.5. В трёх языках количественная оценка имеет положительную коннотацию и проявляется в значении «Значительный по количеству, многочисленный» в сочетаниях с конкретными существительными, обозначающими собирательные понятия: рус. *На селе выше доля семей, состоящих из одного и двух человек – 26,8% против 22% в городе, в то же время значительной была доля больших семей (из пяти и более человек) – 14,1% против 10,5% в городе* [НКРЯ].

3.6. Сенсорно-вкусовые оценки в исследуемых текстовых фрагментах выявлены только в немецком языке: *Lisa Saremba hatte sich eine Zigarette angezündet, blies den Rauch über den Tisch und Anne-Catherines Teller, die aufhörte zu essen und einen großen Schluck Wein trank und sagte: «Also ...!»* [DeReKo] 'Лиза Саремба зажгла сигарету, выпустила дым над столом и тарелкой Анны-Катерины, которая перестала есть, сделала большой глоток вина и сказала: «Итак...!»'.

3.7. Утилитарные оценки, характеризующие полезность, у прилагательного «большой» не выявлены ни в одном из исследуемых языков.

4. Аксиологические особенности параметрического прилагательного «маленький» в английском, немецком и русском языках

4.1. В трёх языках у ПП «маленький» проявляется физическая нормативная оценка предметов, а также частично эстетическая:

– в сочетаниях с нарицательными неодушевлёнными существительными, обозначающими конкретные предметы реального мира: нем. *Sie setzte sich ihm gegenüber an den kleinen Tisch* [DeReKo] 'Она села напротив него за маленький столик';

– с существительными, обозначающими части пространственно-территориального деления, например, рус. *К сожалению, городские квартиры были маленькие и приходилось использовать каждый сантиметр свободного пространства не только на полу, но и на стенах* [НКРЯ];

– в сочетаниях с одушевлёнными существительными в значениях «Небольшой по возрасту; малолетний»; «Маленького роста, невысокий, низкорослый»: нем. *Der kleine Mann sieht mich erstaunt an* [DeReKo] ‘Невысокий мужчина изумлённо смотрит на меня’; рус. *Когда ее Маринка принесла с улицы брошенного кем-то котика, он оказался маленькой, невесомой, в чем душа держится, кошечкой* [НКРЯ];

– с существительными, обозначающими части тела человека или животного: *Anabelle's small eyes grew big and round.* [BNC] ‘Маленькие глаза Анабель расширились и округлились’.

4.2. Эмоциональные оценки во всех языках проявляются в сочетаниях с абстрактными существительными, обозначающими чувства и эмоциональные состояния человека, в переносном значении: рус. «Небольшой по силе, по степени проявления, по воздействию; незначительный»: *На работе мы проводим большую часть своего времени и почему тогда именно там и не строить нам и свою личную жизнь. Место маленьких и больших личных трагедий* [НКРЯ].

4.3. Интеллектуальные оценки характерны для словосочетаний с абстрактными существительными, выражающими результаты деятельности человека: англ. *felt was due to my lack of true religion, and was like the small change of the exalted pessimism of our faith* [BNC] ‘Казалось, что это было вызвано отсутствием у меня истинной религии, и было похоже на небольшое изменение чрезмерного пессимизма нашей веры’.

4.4. В трёх языках количественная оценка выявлена в сочетаниях с неодушевлёнными конкретными существительными, обозначающими собирательные понятия, в значениях «Небольшой по количеству, немногочисленный»: англ. *With the exception of a small group of public schools, there is the apparently simple distinction between state schools and ...* [BNC] ‘За исключением небольшой группы государственных школ, существует простое на первый взгляд различие между государственными школами и...’; «Небольшой по сумме (о средствах, деньгах): англ. *And you're set to lose a small fortune if you forget to pay* [BNC] ‘А вы рискуете потерять небольшую сумму, если забудете заплатить’; «Непродолжительный, короткий, краткий» в сочетаниях с неодушевлёнными конкретными существительными: англ. *small pause* ‘небольшая пауза’, нем. *kleines Gespräch* ‘небольшой разговор’, рус. *маленькая пауза*.

4.5. Телеологические оценки в трех языках выявлены в значении «Занимающий невысокое общественное или служебное положение»: англ. *small savers* ‘мелкие вкладчики’, нем. *kleine Angestellte* ‘мелкие служащие’, рус. *маленький человек*.

Исключение составляет словосочетание *small businessmen* ‘мелкие предприниматели’ в английском языке (*He is one of the less famous victims among the tens of thousands of small businessmen who are suffering all over the land ... [BNC]* ‘Он – один из менее известных жертв среди десятков тысяч мелких предпринимателей, которые пострадали по всей стране...’), которое несёт не телеологическую, а скорее, количественную оценку, т. е. обозначает предпринимателя, имеющего небольшое количество подчиненных.

4.6. Сенсорно-вкусовые и утилитарные оценки у прилагательного «*маленький*» не выявлены ни в одном из исследуемых языков.

5. Выводы

5.1. ПП «*большой*» и «*маленький*» используются для оценки внешнего и внутреннего мира человека. Оценка вырабатывается в контексте. Семантические признаки имён прилагательных как оценочных слов, актуализируются в сочетании с классификаторами, которые отражают членение мира по категориям. Такими классификаторами являются существительные.

5.2. Нормативная оценка лежит в основе формирования всех оценочных значений исследуемых ПП.

5.3. В трех языках у прилагательных «*большой*» и «*маленький*» отмечены нормативная, количественная, психологическая (эмоциональная и интеллектуальная) оценки, формирующиеся в сочетаниях с существительными, обозначающими живых существ, части тела человека и животного, чувства и эмоциональные состояния, а также результаты деятельности человека, предметы реального мира, пространственно-территориальное деление, собирательные понятия. В русском языке с целью придания дополнительной эмоциональной окраски с прилагательным *маленький* употребляются уменьшительно-ласкательные суффиксы.

5.4. Утилитарные оценки у ПП «*большой*» и «*маленький*» не выявлены ни в одном из исследуемых языков. В отличие от прилагательного «*маленький*», у которого телеологическая оценка присутствует во всех языках, у прилагательного «*большой*» в немецком языке телеологическая оценка не выявлена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авазбакиева Ф. Р. Семантический и аксиологический аспекты прилагательных положительно характеризующих человека по уровню воспитанности // Мир науки, культуры, образования. Сер. Филология. № 2 (33). 2012. С. 240-243.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды: Т. 1: Лексическая семантика: Синонимические средства языка. Москва: Восточная литература, Языки русской культуры, 1995. 472 с.

3. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. Москва: Наука, 1988. 340 с.
4. Вольф Е. М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо / плохо» // Вопросы языкознания. 1986. Вып. 5. С. 98-106.
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Москва: Наука, 1985. 228 с.
6. Григорьева Т. В. Аксиологические особенности оппозиции 'легкий – тяжелый' в русском языке // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 2. С. 5-13.
7. Маркелова Т. В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Москва, 1996. 554 с.
8. Махненко И. А. Сопоставительно-семантическое исследование прилагательного 'маленький' (на материале английского, немецкого и русского языков) // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2022. Т. 4: Филологические науки. Ч. 2. С. 67-68.
9. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. Москва: Русские словари, 2008. 416 с.
10. Серебренникова Е. Ф. Ключевые понятия аксиологического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов. Москва: Тезаурус, 2011. С. 27-41.
11. Усманов Р. Ш. Параметрическая категоризация адъективной лексики (на материале прилагательных, обозначающих «общий размер»): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Уфа, 2009. 199 с.
12. Dalmas M., Dobrovol'skij D., Goldhahn D. et al. Bewertung durch Adjektive. Ansätze einer korpusgestützten Untersuchung zur Synonymie // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 2015. Vol. 45. S. 12-29.
13. Hunston Susan. Language patterns and ATTITUDE revisited: adjective patterns, attitude and appraisal // Functions of Language. 2019. 26 (3). P. 343-371.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Национальный корпус русского языка Доступ: <https://ruscorpora.ru>. (дата обращения: 29.09.2023). [НКРЯ].
2. British National Corpus Доступ: <https://www.english-corpora.org/bnc>. (дата обращения: 29.09.2023). [BNC].
3. Das Deutsche Referenzkorpus – DeReKo. Доступ: <http://www1.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora.html>. (дата обращения: 29.09.2023). [DeReKo].

REFERENCES

1. Avazbakieva, F. R. (2012). Semanticheskiy i aksiologicheskiy aspekty prilagatelnykh polozhitelno kharakterizuyushchikh cheloveka po urovnyu vospitannosti [Semantic and axiological aspects of adjectives positively characterising a person according to the level of upbringing]. In *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*. Ser. Filologiya. No. 2 (33). Pp. 240-243. (In Russ.).
2. Apresyan, Yu. D. (1995). *Izbrannye trudy: T.1: Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Selected works: V.1: Lexical semantics: Synonymous means of language]. Moskva: Vostochnaya literatura, Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).
3. Arutyunova, N. D. (1988). *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka, sobytie, fakt* [Types of linguistic meanings. Evaluation, occasion, fact.]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

4. Volf, E. M. (1986). Otsenochnoe znachenie i sootnoshenie priznakov «khorosho / plokho» [Evaluative meaning and the correlation of «good / bad» attributes]. In *Voprosy yazykoznaniiya*. No. 5. Pp. 98-106. (In Russ.).
5. Volf, E. M. (1985). *Funktsionalnaya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
6. Grigoreva, T. V. (2015). Aksiologicheskie osobennosti oppozitsii 'legkiy – tyazhelyy' v russkom yazyke [Axiological features of the opposition 'light - heavy' in Russian]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 2. Pp. 5-13. (In Russ.).
7. Markelova, T. V. (1996) *Semantika otsenki i sredstva ee vyrazheniya v russkom yazyke* [Semantics of evaluation and ways of its expression in Russian]: diss ... dokt. filol. nauk: 10.02.01. Moskva. (In Russ.).
8. Makhnenko, I. A. (2022). Sopostavitelno-semanticheskoe issledovanie prilagatel'nogo 'malenkiy' (na materiale angliyskogo, nemetskogo i russkogo yazykov) [Comparative semantic study of the adjective 'small' (based on English, German and Russian)]. In *Donetskie chteniya 2022: obrazovanie, nauka, innovatsii, kultura i vyzovy sovremennosti*. Donetsk: DonNU. Vol. 4: Filologicheskie nauki. P. 2. Pp. 67-68. (In Russ.).
9. Rakhilina, E. V. (2008). *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost* [Cognitive analysis of subject names: semantics and collocability]. Moskva: Russkie slovari. (In Russ.).
10. Serebrennikova, E. F. (2011). Klyuchevye ponyatiya aksiologicheskogo analiza [Key concepts of axiological analysis]. In *Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya tsennostnykh smyslov*. Moskva: Tezaurus. Pp. 27-41. (In Russ.).
11. Usmanov, R. Sh. (2009) *Parametricheskaya kategorizatsiya adektivnoy leksiki (na materiale prilagatelnykh, oboznachayushchikh «obshiy razmer»)* [Parametric categorisation of adjectival lexicon (based on adjectives denoting «overall size»)] : diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Ufa. (In Russ.).
12. Dalmas, M., Dobrovolskiy, D., Goldhahn D. et al. (2015). Bewertung durch Adjektive. Ansätze einer korpusgestützten Untersuchung zur Synonymie. In *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*. Vol. 45. P.p. 12-29.
13. Hunston, S. (2019). Language patterns and ATTITUDE revisited: adjective patterns, attitude and appraisal. In *Functions of Language*. No. 26 (3). P.p. 343–371.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <https://ruscorpora.ru> (accessed: 29.09.2023). (In Russ.).
2. *British National Corpus*. Available at: <https://www.english-corpora.org/bnc>. (accessed: 29.09.2023)
3. *Das Deutsche Referenzkorpus – DeReKo*. Available at: <https://www.dwds.de>. (accessed: 29.09.2023)

Махненко Ирина Александровна – аспирант кафедры германской филологии (e-mail: i.a.makhnenko@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Makhnenko Irina A. – Postgraduate Student of Germanic Philology Department (e-mail: i.a.makhnenko@mail.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 09 октября 2023 г.

УДК 81'44/811.11/ 811.111 + 811.112.2 811.161/ 811.161.1

© 2023 В. В. Писарева

КОМБИНИРОВАННАЯ НЕОБРАТИМОСТЬ РЕФЛЕКСИВНЫХ ГЛАГЛОВ В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена исследованию комбинированной необратимости английских, немецких и русских рефлексивных глаголов, образованных путем присоединения к производящему нерефлексивному глаголу рефлексивного маркера. Выявляются факторы, влияющие на семантику производного рефлексивного глагола, устанавливаются четыре типа необратимых (несоотносительных) рефлексивов в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: рефлексивный глагол, нерефлексивный глагол, обратимость, необратимость, комбинированная необратимость.

© 2023 V. V. Pisareva

COMBINED NON-REVERSIBILITY OF REFLEXIVE VERBS IN THE ENGLISH, GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES

The article deals with the study of a combined type of non-reversible reflexive verbs in English, German and Russian languages formed by means of adding a reflexive marker to the stem base of non-reflexive verbs. The factors that influence the semantics of the derivative reflexive verbs as well as the four types of non-reversible (non-correlative) reflexive verbs in the languages under comparison have been stated in the article.

Key words: reflexive verb, non-reflexive verb, reversibility, non-reversibility, combined non-reversibility.

1. Вводные замечания. В системе языка категория рефлексивности занимает одно из центральных мест. Данная категория обнаруживает тесную связь с различными языковыми уровнями — морфологическим, словообразовательным, лексико-семантическим и синтаксическим, что представляет значительные затруднения при исследовании рефлексивных глаголов (далее — РГ). Настоящее исследование методологически опирается на работы ученых группы типологического изучения языков Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР (сегодня Институт лингвистических исследований РАН в г. Санкт-Петербург), которые с конца 60-ых годов XX века всесторонне изучали категорию рефлексивности и особенности ее выражения в языках различного строя в рамках универсальной типологической концепции диатез и залогов [Холодович, 1979; Храковский, 1981; Генюшене, 1983]. Несмотря на многочисленные публикации, посвященные данному разряду глагольной лексики (см., например, работы В. П. Недялкова, Э. Ш. Генюшене, Ш. Р. Басырова, А. Исраели, Б. Вимера), недостаточно изученным является проблема семантической соотносительности РГ и его производящей основы на материале

разноструктурных языков – английского, немецкого и русского.

Таким образом, **данная статья нацелена** на выявление типов необратимости (несоотнесенности) и их частотности в английском, немецком и русском языках.

С этой целью в настоящей работе рассматриваются три группы РГ: 1) собственно-рефлексивные глаголы (СРГ); 2) посессивно-рефлексивные глаголы (ПРГ); 3) автокаузативные РГ.

Собственно-рефлексивными глаголами здесь называются производные глаголы с полной однореферентностью актантов – объекта и субъекта действия. В структуре таких РГ рефлексивный показатель (далее – РП) маркирует абсолютное совпадение субъекта и объекта действия, добавляя к значению исходного нерефлексивного глагола (НГ) смысл «себя» типа рус. *унижать кого-л.* (например, друга) → *унижаться*, т.е. унижать себя.

Посессивно-рефлексивные глаголы характеризуются *частичной однореферентностью* актантов, т.е. у них наблюдается частичное элиминирование второго референта, называющего отчуждаемую или неотчуждаемую часть субъекта. В структуре данных ПРГ рефлексивный показатель маркирует частичное совпадение объекта действия и субъекта действия, ср.: рус. *прищурить* (глаза) → *прищуриться*, т.е. прищурить глаза; *красить что-л.* (например, губы) → *краситься*, т.е. красить себе лицо, волосы, губы (разг.).

В автокаузативных РГ рефлексивный показатель используется в смысле, близком к смыслу «своё тело» [Басыров, 2014:64], ср.: рус. *поднимать* → *подниматься*, аналогично: нем. *etw. / j-n. erheben* ‘поднимать кого-л., что-л.’ → *sich erheben* ‘подниматься’.

Эмпирическим материалом для исследования необратимости в английском, немецком и русском языках послужили РГ и производящие НГ, а также их конструкции, полученные из толковых и переводных словарей [Бабенко; Merriam-Webster; Duden; DWDS; Helbig, Schenkel] и насчитывающая свыше 680 единиц в английском языке, 650 единиц в немецком языке и 750 в русском языке. За единицу семантического и количественного анализа в работе берётся РГ и его НГ в одном из их значений.

2. Понятие обратимости и необратимости глагола. Исходные рефлексивные глаголы (далее – НГ) обнаруживают с производными СРГ и ПРГ различные семантические и формальные связи. *Обратимыми* (или *соотносительными*) глаголами называются здесь такие ПРГ и СРГ, которые семантически соотносятся с производящими их НГ, образуя с ними семантические оппозиции [Генюшене, 1975: 122]. Ср.:

(1) рус. *мыть* → *мыться*;

(2) нем. *etw. / j-n waschen* ‘мыть что-л., кого-л.’ → *sich waschen* ‘мыться’;

(3) англ. *wash smth. / smb.* ‘мыть что-л., кого-л.’ → *wash oneself* ‘мыться’;

Необратимыми признаются такие ПРГ и СРГ, которые не соотносятся по смыслу со своими формальными коррелятами. Иными словами, их значения невозможно вывести из значения исходных НГ и значения РП, ср. следующие несоотносительные пары НГ и РГ:

(4) англ. *suit smb. / smth* ‘подходить, соответствовать кому-л., чему-л.’ ⇔ *suit oneself* ‘удовлетворять свои желания, поступать как хочется’;

(5) нем. *j-n, etw. hüten* <*j-n, etw. bewachen*> ‘охранять кого-л., что-л.’ (например, детей, двери) ⇔ *sich vor j-m, etw. hüten* <*sich vor j-m, etw. in acht nehmen*> ‘остерегаться кого-л., чего-л.’ (например, неприятеля, простуды);

(6) рус. *жаловать* <разг. уважать> ⇔ *жаловаться* <высказывать жалобы> (например, на здоровье).

Опираясь на типологию рефлексивов, разработанную В. П. Недялковым [Недялков, 1971], Э. Ш. Генюшене признает РГ необратимым, если он не соответствует хотя бы одному из следующих условий обратимости: 1) наличие исходного глагола (НГ) (морфологическая необратимость); 2) регулярная модель изменчивости синтаксических свойств РГ (синтаксическая обратимость); 3) сохранение лексического содержания синтаксических позиций подлежащего в РК и НК (лексическая обратимость); 4) изменение значения производного РГ в случае выполнения первых трёх условий обратимости (семантическая обратимость) [Недялков, 1971: 15; Генюшене, 1983: 162].

Как указывает И. Кеснер, одной из основных проблем, стоящих перед современной лингвистикой, является отсутствие возможности для пассивизации конструкций с активным залогом. Очевидным является факт невозможности трансформации всех активных диатез в соответствующие им пассивные диатезы. По причине многозначности и сложности данного явления некоторые исследователи подходили к данной проблеме комплексно. Некоторые лингвисты отмечают однозалоговые (*activa tantum*) и двузалоговые глаголы. К двузаловому типу относятся исключительно переходные глаголы, при этом далеко не все [Бондарко, Буланин, 1967: 151]. Двузалоговые глаголы считаются обратимыми, а однозалоговые – необратимыми. Необратимые переходные глаголы являются объектом особого интереса, так как в силу своей переходности должны быть теоретически двузалоговыми, однако по разным причинам таковыми не являются [Кеснер, 2006].

Понятие «обратимость – необратимость» находим и в работах других исследователей [Маркарян, 1952: 6-9; Бондарко, Буланин, 1967]. Так, Л. Л. Буланин делит необратимость на абсолютную и контекстуальную необратимость. Абсолютно

необратимые глаголы, которые не приемлют пассивной трансформации, выносятся в отдельную категорию, напр.:

(7) рус. *Я миновал водонапорную башню, спустился к берегу пруда* (Сергей Довлатов. Виноград (1990)) [НКРЯ].

В данном случае источником необратимости является сама грамматическая и смысловая природа данных глаголов. Необратимость может быть вызвана самим контекстом и обуславливается не характером глагола, а влиянием контекстных условий, в которых употребляется глагол: данные условия могут возникать как в пределах словосочетания (что представляет собой *синтагматическую необратимость*), так и в пределах предложения (т. е. *пропозициональная необратимость*). Глаголы, которые в других случаях могут являться обратимыми, перестают быть таковыми в условиях контекстуальной необратимости [Бондарко, Буланин, 1967: 158-161].

3. Причины необратимости глаголов. Необратимость глаголов может быть вызвана совпадением переходного и непереходного значений. Многие глаголы, кроме переходных значений, имеют также непереходные значения. В отдельных случаях непереходные значения имеют приоритет. Такие глаголы подпадают под влияние непереходных лексико-семантических вариантов, которые ограничивают возможность пассивизации активных форм переходных ЛСВ – особенно в тех случаях, где непереходное значение является первичным.

Необратимость РГ возникает в результате синтеза двух процессов деривации – с одной стороны, из-за использования рефлексивного показателя как показателя изменения значения и синтаксических характеристик глагола одновременно, и, с другой стороны, семантической мотивации. Так, РГ *тащиться* формально соотносится с исходным НГ *тащить* и является субъектным автокаузативным РГ. Рефлексивный показатель маркирует автокаузативное значение, на которое накладывается другой компонент значения ‘медленно (идти)’, в свою очередь метафорически мотивированный значением исходного НГ ‘тяжело с трудом нести, волочить’, который не имеет отношения к добавленному показателю РП. Аналогичный семантический сдвиг происходит и в немецком рефлексивном корреляте, ср. *etwas schleppen* ‘с трудом нести что-либо (например, мешок, корзину)’ → *sich schleppen* ‘с трудом плестись, тащиться’.

По мнению Э. Ш. Генюшене, среди семантически необратимых рефлексивов следует разграничивать два вида в зависимости от типа деривации:

1) РГ, у которых семантическая мотивация происходит одновременно с формальной, морфологической деривацией, такие РГ соотносимы с НГ непосредственно.

2) РГ, у которых деривация происходит в два этапа: от НГ образуется обратимый РГ по одной из регулярных моделей, а от последнего – необратимый РГ, в таком случае получается цепочка из трех глаголов «НГ → обратимый РГ → необратимый РГ» [Генюшене, 1975].

Необратимые в смысловом отношении глаголы РГ обычно имеют вторичное изменение значения. При этом вторичное (переносное) значение может быть двух видов:

- 1) значение, основанное на необразном сужении или расширении исходного значения;
- 2) значение, возникшее на основе метафоры.

Смысловая необратимость глаголов РГ часто совпадает с другими изменениями его прагматики, к примеру, в случае приобретения необратимым глаголом РГ разговорной окраски.

Отдельные исследователи считают, что РГ в целом часто характеризуются семантической необратимостью. В частности, глаголы английского кластера имеют значительное число семантически необратимых РГ, что свидетельствует об их лексикализации с самых первых стадий своего развития [Генюшене, 1983: 349].

Необратимые по смыслу глаголы РГ подразделяются в сопоставляемых языках на две категории.

1. Если значение РГ совершенно невыводимо из семантики его НГ и РП, то такой глагол считается *полностью необратимым по смыслу* РГ, ср.:

(8) нем. а. *Ich habe das Holz, Papier, Abfälle verbrannt* ‘Я сжег дрова, бумагу, мусор’ → б. *Ich habe mich [am Ofen] verbrannt* [Agricola, 1992: 693] ‘Я обжегся (о печку)’.

Приведем примеры полностью необратимых по смыслу РГ из английского и русского языков:

(9) англ. а. *His conduct does not comport with his high position* ‘Его поведение не соответствует его высокому положению’. → б. *She comported herself with great dignity at her husband's funeral* ‘На похоронах мужа она вела себя с большим достоинством’.

(10) рус. а. *И ослепленный король, не чувствуя в себе отца, казнил её, как взбунтовавшуюся подданную* (И. А. Гончаров. Опять «Гамлет» на русской сцене (1875)) (т. е. лишил жизни, приведя в исполнение приговор и подвергая смертной казни) → б. *Я не раз казнилась, считая себя во всем виноватой* (Зоя Масленикова. Жизнь отца Александра Меня (1992)) (т. е. испытывала нравственные муки, страдания, осознавая свою вину), *глядя, как других наказывают* (А. И. Герцен, Былое и думы) [НКРЯ].

2. Частичная семантическая необратимость допускает появление новых смысловых надбавок в семантической структуре РГ по сравнению с лексическим значением исходного НГ, ср.:

(11) англ. а. *Their attitude piqued* (т. е. *hurt his pride* 'ранило его гордость') *him* 'Их отношение задело его'. → б. *He piqued himself* (т. е. *he was proud of, felt proud about* 'гордился') *on being punctual* 'Он гордился своей пунктуальностью';

(12) нем. а. *Für morgen habe ich eine Stadtrundfahrt vorgesehen* 'На завтра я запланировал экскурсию по городу' → б. *Wir sahen uns (vor ihm) vor, da wir die Gefahr erkannt hatten* [DWDS] 'Мы остерегались (его), потому что осознавали опасность';

(13) рус. а. *Я накладывал повязку, делал компрессы, втирал мази* (т. е. натирая, заставлял её впитываться) (Дмитрий Стахов. Кредитная история // «Октябрь», 2013) → б. *Она соблазнила Бутицкого, втерлась к нему в доверие и разнюхала про его махинации* (т. е. добился расположения при помощи неблагоприятных приемов) (Салт. Губ. оч. (I, 66)) [НКРЯ].

К рассматриваемой подгруппе необратимых РГ относятся также следующие глагольные единицы:

(14) англ. *to pat smth / smb.*, т. е. 'похлопать что- / кого-либо, по чему-л.' → *pat oneself*, т. е. (*on the back*) 'похлопать себя по спине, т. е. высказать одобрение собой', *to cheapen smth.*, т. е. 'удешевлять, снижать цену' → *cheapen oneself* 'принижать себя', *hug smb. / smth.*, т. е. 'обнять кого-либо' → *hug oneself*, т. е. 'быть довольным собой';

(15) рус. *оправдать кого-л., что-л.*, т. е. 'признать правым, невиновным' → *оправдаться перед кем-л.*, т. е. 'доказать свою правоту, невиновность';

(16) нем. *etw. rechtfertigen* 'оправдывать что-л. (например, чье-л. доверие) → *sich vor j-m, etw. rechtfertigen* 'оправдываться перед кем- / чем-либо'.

Заметим, что в русском языке значение РП -ся у глагола *оправдаться* очень близко к собственно-рефлексивному значению. Тем не менее, между глаголами *оправдывать* и *оправдываться* наблюдаются определённые семантические различия. НГ *оправдывать* означает 'доказывать невиновность кого-либо, признать кого-либо невиновным в чем-либо', в то время как РГ *оправдываться* предполагает исключительно речевую деятельность субъекта, т. е. *оправдываться* имеет семантику «словесно доказывать, объяснять свою правоту, невиновность». Напротив, у глагола *оправдать* речевая деятельность субъекта отодвигается на периферию либо отсутствует совсем, ср.:

(17) рус. *Новый ректор быстро оправдал доверие педагогической корпорации* (иеромонах Ферапонт (Широков). Вклад епископа Петра (Лосева) в развитие духовного образования в Вологодской епархии (по материалам воспоминаний современников) //

«Церковь богословие история», 2020) [НКРЯ];

(18) рус. *В этой ситуации с интервью Володя не стал оправдываться и переубеждать Альфреда* (Сати Спивакова. Не всё (2002)) [НКРЯ].

Рассмотрим следующий пример.

НГ *купать* означает ‘погружать в воду для мытья, лечения’, в то время как СРГ *купаться* подразумевает скорее погружаться в воду не для мытья или лечения, а в большей степени с целью поплавать или поплескаться в реке / море / озере / бассейне. Например:

(19) рус. *Бухарбай часто ее купал, расчесывал и заплетал гриву и потихоньку начинал приучать ее к бегу* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Ак-Бозат (1895)) [НКРЯ];

(20) рус. *Она купалась в местных прудах с сельскими девушками, одаривала их лентами* (В. Г. Глушкова. Путешествие из Москвы в Ярославль. Москва – Сергиев Посад – Переславль-Залесский – Ростов Великий – Ярославль (2015)) [НКРЯ].

Также частично-соотносительные НГ – РГ характеризуются разной лексической сочетаемостью, ср.: рус. *простудить* (какой-то орган, например, почки, горло) → *простудиться* ‘подхватить простуду’, ср. также в английском:

(21) англ. *The children buried their pet rabbit in the backyard* ‘Дети закопали / похоронили своего кролика на заднем дворе’ т. е. ‘закопали в земле’ → *The scientist buried himself in his books* ‘Учёный закопался в своих книгах’ т. е. ‘погрузился в их содержимое с головой, оторвавшись от реальности’ [Merriam-Webster].

4. Комбинированная необратимость. Большинство РГ редко демонстрируют чистый тип необратимости. Чаще всего можно наблюдать различные комбинации типов необратимости, рассмотренных выше. Так, в сфере РГ сопоставляемых языков часто имеет место комбинация синтаксической и лексической необратимости. С другой стороны, семантическая несоотносительность демонстрирует тесную взаимосвязь с морфологическим, лексическим или синтаксическим типами необратимости. Добавим, что синтаксическая необратимость способна повлечь за собой полную или частичную семантическую необратимость [Недялков, Отаина, 1981: 208], ср.:

(22) англ. а. *I'm afraid this is the only suitcase I possessed* ‘Боюсь, это единственный чемодан, которым я владел’ т. е. ‘be the owner, own something’ ‘владеть чем-л., иметь в наличии, на руках’ → б. *With time he possessed himself of knowledge and experience* ‘Со временем он овладел знаниями и опытом’, т. е. ‘to become the owner of something’ ‘овладеть чем-л., начать владеть чем-л.’ [Merriam-Webster];

(23) нем. а. *Sie hängt die Jacke [an einen Haken]* ‘Она вешает куртку [на крючок]’ →

b. *Eins der Kinder hängte sich an meine Patrouille* ‘Один из детей уцепился / увязался за патрулем’ [Duden].

Семантическая и синтаксическая необратимость наблюдается в следующих парах немецких глаголов:

(24) нем. *etw. panzern* ‘обшивать бронёй (например, танк или корабль)’ → *sich gegen etw. panzern* (перен.) ‘вооружиться против чего-л.’ (например, злого умысла); *etw. klammern / festklammern* ‘прицепить / прикрепить что-л. (например, пиджак)’ → *sich an etw. klammern / festklammern* ‘крепко ухватиться за что-л. (например, за подоконник)’.

Часто также наблюдается взаимосвязь лексической необратимости с семантической. Комбинированная необратимость нередко обуславливается метафорическим переосмыслением глагола или развивается на основе авторской метафоры и при расширении лексической сочетаемости:

(25) англ. *X nestled the village into the turf* ‘X угнездил деревню в почву’ → *The village seemed to be trying to nestle itself further into the turf* ‘Деревня, казалось, пыталась ещё глубже угнездиться в почву’ [Генюшене, 1983];

(26) англ. *He wreathed a silk shirt about his ankles* ‘X обмотал шёлковую рубашку вокруг лодыжек’ → *A silk shirt wreathed itself about his ankles* ‘Шелковая рубашка обвивала его лодыжки’;

(27) нем. a. *Eine lärmende Maschine hat man maschinell eingekapselt* ‘Производящую шум машину загерметизировали’ → b. *Er hatte sich ganz in sich selbst eingekapselt* перен. ‘Он полностью замкнулся в себе’ [Duden];

(28) нем. a. *Er hat seine Sachen vom Boden aufgerafft* ‘Он собрал и поднял с пола свои вещи’ → b. *Er war erst bestürzt, sprachlos, dann raffte er sich aber auf und antwortete* [Duden; Bd. 1, S. 267] перен. ‘Вначале он был обескуражен, потерял дар речи, но затем собрался (т. е. собрал все свои внутренние силы) и ответил’;

(29) рус. a. *Он быстро собрал и вооружил* (т. е. снабдил оружием) *ополчение и затворился вместе с сыном Федором в крепости* (И. Грачева. Сердце Переяславля Рязанского // «Наука и жизнь», 2007) [НКРЯ] → б. *Второй кочегар, видя такое, не решился бросить нож, а положил его рядом с собой, что могло означать – вооружился терпением* (т. е. приготовился терпеливо ждать, запасася спокойствием, терпением) (Фазиль Искандер. Бедный демагог (1969)) [НКРЯ].

5. Выводы

5.1. Необратимость значения у РГ часто развивается одновременно с изменением значения по одной из регулярных моделей, маркируемых РП, в частности, на основе

автокаузативного значения. Необратимые РГ невозможно вывести из значений их производящей основы и значения РП.

5.2. В сопоставляемых языках выделяются четыре типа необратимости рефлексивных глаголов – морфологический, семантический, лексический, синтаксический, которые нередко выступают в комбинированном виде (лексическая необратимость + синтаксическая необратимость; синтаксическая необратимость + семантическая необратимость и др.).

5.3. Большинство необратимых РГ развивается в английском, немецком и русском языках на основе субъектного класса РГ (собственно-рефлексивных, посессивно-рефлексивных и автокаузативных РГ).

5.4. Существуют индивидуальные, авторские необратимые РГ, развившиеся на основе объектных РГ.

5.5. Среди английских необратимых РГ часто встречаются РГ с комбинацией лексической необратимости и смысловой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк. Изд-во «Ноулидж» (Донецкое отделение). 2014. 562 с.
2. Бондарко А. В., Буланин, Л. Л. Русский глагол. Ленинград: Просвещение. 1967. 190 с.
3. Генюшене Э. Ш. О необратимости некоторых групп английских рефлексивов // Материалы семинара по теоретическим проблемам синтаксиса. Пермь, 1975. С. 121-126.
4. Генюшене Э. Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.15, 10.02.20. Вильнюс, 1983. 393 с.
5. Кеснер Й. К проблеме необратимости русских активных конструкций с глаголами совершенного вида (на фоне чешского языка) // *Przegląd Rusycystyczny*. 2006. No. 115 С. 75-81.
6. Маркарян Р. А. Страдательный залог и страдательные обороты в современном русском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Москва, 1952. 300 с.
7. Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Москва: Наука, 1979. 304 с.
8. Храковский В. С. Диатеза и референтность (К вопросу о соотношении активных, пассивных, рефлексивных и реципрокных конструкций). Ленинград: Наука, 1981. С. 5-38.
9. Храковский В. С. Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Ленинград: Наука, 1981. 288 с.
10. Недялков В. П. Каузативные конструкции в немецком языке. Аналитический каузатив. Ленинград: Наука, 1971. 221 с.
11. Недялков В. П., Отаина Г. А. Нивхские рефлексивные глаголы и типология смысловых рефлексивов. Ленинград: Наука, 1981. С. 185-220.
12. Israeli A. *Semantics and Pragmatics of the «Reflexive» Verbs in Russian*. München, 1997. 226 p.
13. Wiemer B. *Reciprocal and reflexive constructions in German* // *Typological Studies in Language* 71. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 465-512.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бабенко Л. Г. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. Аст-пресс, 1999. 698 с.
2. Национальный корпус русского языка RusCorpora. Доступ: <http://www.ruscorpora.ru>. (дата обращения: 01.10.2023).
3. Agricola E. Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Mannheim: Dudenverlag, 1992. 818 S.
4. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: in 6 Bd. Mannheim; Wien; Zürich: Bibliographisches Institut, 1970-1980. Bd. 1. 464 S.; Bd. 2. 928 S.; Bd. 3. 1408 S.; Bd. 4. 1904 S.; Bd. 5. 2432 S.; Bd. 6. 2992 S.
5. DWDS – Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. Доступ: <https://www.dwds.de>. (дата обращения: 01.10.2023).
6. Helbig, G. Schenkel, W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. VEB Bibliographisches Institut, 1973. 458 S.
7. Merriam-Webster: America's Most Trusted Dictionary. Доступ: <https://www.merriam-webster.com>. (дата обращения: 01.10.2023).

REFERENCES

1. Basyrov, Sh. R. (2014). *Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii* [Formation of verbs with a reflexive complex in typological view]. Donetsk: Izd-vo «Noulidzh» (Donetskoe otделение). (In Russ.).
2. Bondarko, A. V., Bulanin, L. L. (1967). *Russkiy glagol* [Russian verb]. Leningrad: Prosveshchenie. (In Russ.).
3. Genyushene, Ye. Sh. (1975). O neobratimosti nekotorykh grupp angliyskikh reflektivov [On the irreversibility of some groups of English reflexives]. In *Materialy seminara po teoreticheskim problemam sintaksisa*. Perm. Pp. 121-126. (In Russ.).
4. Genyushene, Ye. Sh. (1983). *Refleksivnye glagoly v baltiyskikh yazykakh i tipologiya reflektivov* [Reflexive verbs in the Baltic languages and typology of reflexives]: diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.15, 10.02.20. Vilnyus. (In Russ.).
5. Kesner, Yi. (2006). K probleme neobratimosti russkikh aktivnykh konstruktсий s glagolami sovershennogo vida (na fone cheshskogo yazyka) [On the problem of irreversibility of Russian active constructions with perfective verbs (in comparison with Czech language)]. In *Przegląd Rusycystyczny*. Pp. 75-81. (In Russ.).
6. Markaryan, R. A. (1952). Stradatelnyy zalog i stradatelnye oboroty v sovremennom russkom yazyke [Passive voice and passive constructions in modern Russian language]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Moskva. (In Russ.).
7. Kholodovich, A. A. (1979). *Problemy grammaticheskoy teorii* [Problems of grammar theory]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
8. Khrakovskiy, V. S. (1981). *Diateza i referentnost (K voprosu o sootnoshenii aktivnykh, passivnykh, reflektivnykh i retsiproknnykh konstruktсий)* [Diathesis and referentiality (On the issue of the relationship between active, passive, reflexive and reciprocal constructions)]. Leningrad: Nauka. Pp. 5-38. (In Russ.).
9. Khrakovskiy, V. S. (1981). *Zalogovye konstruktсии v raznostrukturnykh yazykakh* [Voice constructions in differently structured languages.]. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
10. Nedyalkov, V. P. (1971). *Kauzativnye konstruktсии v nemetskom yazyke. Analiticheskiy kauzativ* [Causative constructions in German language. Analytical causative verbs.]. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
11. Nedyalkov, V. P., Otaina, G. A. (1981). *Nivkhskie reflektivnye glagoly i tipologiya smyslovnykh reflektivov* [Nivkh reflexive verbs and typology of semantic reflexives.]. Leningrad: Nauka. Pp. 185-220. (In Russ.).

12. Israeli, A. (1997). *Semantics and Pragmatics of the «Reflexive» Verbs in Russian*. München.

13. Wiemer, B. (2007). Reciprocal and reflexive constructions in German. In *Typological Studies in Language* 71. Philadelphia. John Benjamins Publishing Company. Pp. 465-512.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Babenko, L. G. (1998). *Tolkovyy slovar russkikh glagolov. Ideograficheskoe opisanie. Angliyskie yekvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [Dictionary of Russian verbs. Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms.]. Ast-press. (In Russ.).

2. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka RusCorpora* [RusCorpora. National Corpus of Russian Language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>. (accessed: 01.10.2023).

3. Agricola, E. (1992). *Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch*. Mannheim: Dudenverlag.

4. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: in 6 Bd. Mannheim; Wien; Zürich : Bibliographisches Institut, 1970-1980.

5. DWDS – Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. Available at: <https://www.dwds.de>. (accessed: 01.10.2023).

6. Helbig, G. Schenkel, W. (1973). *Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben*. VEB Bibliographisches Institut.

7. Merriam-Webster: America's Most Trusted Dictionary. Available at: <https://www.merriam-webster.com>. (accessed: 01.10.2022).

Писарева Виктория Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода (e-mail: v.v.pisareva@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, ул. Университетская, 24

Pisareva Viktoriya V. – Candidate of Philology, Assistant Professor of Translation Studies Department (e-mail: v.v.pisareva@mail.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 07 октября 2023 г.

УДК 81'37:811.111:811.161.1

© 2023 И. М. Подгайская

ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЗАЦИИ НАИМЕНОВАНИЙ ОРУЖИЯ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ*

Статья посвящена рассмотрению специфики процесса метафоризации наименований оружия в английском и русском языках на материале метафорических значений, зафиксированных в словарях. В работе устанавливаются целевые сферы, в которых происходит развитие метафорических значений исследуемых наименований, рассматриваются лежащие в основе метафорических переносов мотивирующие признаки, выявляются универсальные и специфические метафорические переносы.

Ключевые слова: метафоризация, метафорический перенос, мотивирующий признак, целевая сфера.

© 2023 I. M. Podgaiskaya

PECULIARITIES OF METAPHORIZATION OF WORDS DENOTING WEAPONS IN ENGLISH AND RUSSIAN

The article deals with the peculiarities of metaphORIZATION process of words denoting weapons in English and Russian based on metaphorical meanings registered in dictionaries. Target spheres where the words under analysis develop their metaphorical meanings are studied, motivating features underlying metaphorical transfers are analysed, universal and specific metaphorical transfers are revealed.

Key words: metaphORIZATION, metaphorical transfer, motivating feature, target sphere.

Современная лингвистика характеризуется неослабевающим интересом к изучению метафоры как механизма познавательной деятельности и способа вторичной номинации, основанных на аналогии [Алешина, 2003; Балашова, 2014; Баранов, 2014; Басыров, 2021; Будаев, 2016; Калинин, 2022; Москвин, 2012; Скляревская, 2004; Чудинов, 2013, Gibbs, Steen, 1999; Gibbs, 2008; Ortony, 1993 и др.].

Современные метафорологические исследования посвящены рассмотрению разных аспектов антропоморфной метафоры [Манина, 2018], зооморфной метафоры [Белевцова, 2022], ономастической метафоры [Воронцов, 2012], метафоры природных явлений [Попкова, 2020], пищевой метафоры [Живаго, 2018; Авраменко, 2023] и др. В последнее время активизировался исследовательский интерес к изучению военной метафоры. Метафорические значения лексики, номинирующей денотативную сферу «война», рассматриваются на материале одного языка (русского [Ананченко, 2011; Третьякова, 2013; Федотова, 2022], английского [Малый, 2019], немецкого [Владимирова, Маскинкова, 2022],

* Исследование проводилось по теме государственного задания (номер госрегистрации 1023031200012-7-6.2.1).

французского [Соловьева, 2020], испанского [Лебедева, 2023]), а также в сопоставительном аспекте [Магомадова, 2015]. Несмотря на повышенный интерес языковедов к проблеме военной метафоры, не все ее аспекты на сегодняшний день получили достаточное освещение, что свидетельствует об **актуальности** дальнейших исследований в этой области. К таким аспектам, например, можно отнести сопоставительное изучение процесса метафоризации лексических единиц разных тематических и лексико-семантических групп военной лексики, определение их способности развивать метафоры разного типа, выявление узуальных и окказиональных метафорических переносов, исследование их оценочного потенциала, лексикографическое закрепление новых значений и т. д.

Цель настоящей статьи заключается в анализе и систематизации моделей метафорического переноса английских и русских наименований оружия. В исследуемую лексико-семантическую группу включены названия разных видов оружия (холодное, метательное, ударное, огнестрельное, химическое, ядерное) и боеприпасов к ним.

На данном этапе исследование проводится на **материале** толковых словарей английского и русского языков [The Oxford English Dictionary, 2009; Collins English Dictionary; Словарь русского языка, 1985-1988; Большой толковый словарь русского языка, 2000; Большой академический словарь русского языка, 2004-2021]. Объем выборки составляют 153 наименования оружия (англ. – 79 ед., рус. – 74 ед.). В общей сложности проанализировано 474 ЛСВ (англ. – 298 ЛСВ, рус. – 176 ЛСВ).

Анализ семантической структуры наименований оружия в сопоставляемых языках показывает, что данные наименования имеют моно- и полисемантическую структуру. Последние включают значения, возникающие в результате разных семантических процессов, важное место среди которых занимает метафоризация. Метафорические значения выявлены у 44 наименований в английском языке (55,4%) и 36 наименований в русском языке (48,6%).

Метафоризация значений английских и русских наименований оружия имеет универсальный и специфический характер в языках сопоставления и происходит в разнообразных целевых сферах, к которым относятся сферы «Артефакты», «Человек», «Нематериальный мир», «Натурфакты», «Флора» и «Фауна».

В **сфере «Артефакты»** в английском и русском языках метафоризация исходного значения основывается на мотивирующих признаках внешнего сходства, сходства по выполняемой функции и скорости движения. При этом наибольшее разнообразие

метафорических значений в двух языках обнаруживается при переносе значения по внешнему сходству предметов.

Так, в результате ассоциативной связи с формой оружия, во-первых, развивается общее значение 'предмет, внешне похожий на к.-л. оружие' (*club* 'любой булавовидный предмет', *bullet* 'что-л., напоминающее пулю, особенно по форме', *sword* 'материальный предмет, напоминающий меч'; *ника* 'о чем-л., внешним видом напоминающем такое оружие', *патрон* 'о небольшом продолговатом предмете цилиндрической формы, предназначенном для хранения, упаковки и т.п. чего-либо', *стрела* 'то, что напоминает по форме такой стержень').

Во-вторых, возникают наименования различных предметов и их частей:

– инструменты, приборы, механизмы (*sabre* 'инструмент, который используется для удаления окалины с поверхности расплавленного стекла', *battering-ram* 'кузнечный молот', *пушка* 'аппарат, прибор, механизм различного назначения, по форме напоминающий такое артиллерийское оружие', *ника* 'багор с заостренным концом, предназначенный для пробивания отверстия в плавильной печи, горне, через которое выпускается расплавленный металл, шлак', *палица* 'деревянный валик для отбивания белья при полоскании');

– детали (части) механизмов, приспособлений, инструментов (*lance* 'твердая трубка на конце шланга для откачивания или распыления жидкости', *knife* 'заостренная режущая пластина как часть инструментов для разрезания'; *гильза* 'деталь какого-либо технического устройства, имеющая форму трубки, цилиндра', *ника* 'заостренная подвижная часть отбойного молотка', *стрела* 'узкая и длинная деталь, часть в механизмах, устройствах');

– предметы быта (еда, одежда, посуда) или их части (*stiletto* 'высокий и тонкий каблук, шпилька', *dart* 'шов, вытачка'; *гильза* 'бумажная трубочка, патрон папиросы, сигареты, набиваемый табаком', *торпеда* 'пластиковая бутылка с крупой');

– спортивные снаряды (*mace* 'бильярдный кий', *club* 'палка, используемая в играх с мячом; клюшка, бита'; *sword* 'деревянная имитация меча, используемая в фехтовании'; *граната* 'спортивный снаряд для метания', *лук* 'спортивное оружие, получившее распространение с конца XIX века в таком виде спорта, как стрельба из лука', *булава* 'спортивный гимнастический снаряд с утолщением на узком конце');

– части другого оружия или военной техники (*pike* 'наконечник стрелы', *club* 'приклад (ружья)'; *таран* 'остроконечный выступ в носовой подводной части боевого судна, предназначенный для нанесения удара по корпусу неприятельского корабля').

Уподобление оружия и артефактов на основе сходства по выполняемой функции проявляется в наименованиях различных устройств и аппаратов (*catapult* ‘механизм для запуска планера или другого летательного аппарата, особенно с палубы корабля’, *torpedo* ‘сигнальный разрывной снаряд, устанавливаемый на рельсы, для предупреждения о тумане (амер.)’; *пушка* ‘прибор, действием напоминающий пушку’, *катапульта* ‘устройство, обеспечивающее взлет самолетов и других летательных аппаратов с небольшой площадки’, *катапульт* ‘автоматическое спасательное устройство для выбрасывания летчика, космонавта из летательного аппарата с последующим приземлением с парашютом’).

Отдельно в двух языках выделяются наименования, в семантике которых рассмотренные мотивирующие признаки сочетаются. К ним относятся наименования охотничьего оружия, орудий для промысла (*spear* ‘орудие с зазубринами, похожее на копье, для охоты на рыбу’, *lance* ‘острога; орудие, напоминающее копье, для ловли рыбы или китов’, *dart* ‘вид трезубца для ловли угрей; *пуля* ‘заостренное орудие, применяемое в китобойном промысле’, *копье* ‘охотничье оружие в виде длинного шеста с заточенным концом’), а также орудия казни (*axe* ‘топор (палача)’; *топор* ‘орудие казни’).

Мотивирующий признак скорости движения боеприпаса лежит в основе именования транспортных средств (*bullet train* ‘сверхскоростной пассажирский экспресс в Японии’ (разг.); *стрела* ‘курьерский (скорый) поезд; экспресс’), обозначения скорости движения объекта (в значении наречия) (*bomb (like a bomb)* ‘с большой скоростью’ (разг.); *стрела* ‘стрелой, очень быстро’, *пуля* ‘пулей, очень быстро, стремительно’ (разг.)) и объекта, передвигающегося с большой скоростью (*bullet* ‘быстро летящий мяч или шайба’ (спорт.); *торпеда* ‘о том, что быстро передвигается’ (разг.)).

Перечисленные выше метафорические значения образованы в результате универсальных для двух сопоставляемых языков метафорических переносов. Вместе с тем, в сфере «Артефакты» обнаруживаются метафорические переносы, характерные только для английского языка. В основе таких переносов находится мотивирующий признак формы оружия, а также сочетание формы оружия и его функции (назначения). В первом случае возникают наименования символов, используемых в типографии (*dart* ‘изображение дротика или стрелы для обозначения направления на рисунке и т. п.’ (устар.), *bullet* ‘символ (особенно круглая точка) для выделения абзаца, пункта в списке и т. п. (типограф.)’, *dagger* ‘символ (†), используемый в печатном тексте для обозначения сноски’), во втором — наименование предмета быта (*poleaxe* ‘топор мясника для убоя скота’).

В сфере «Человек» также выделяются универсальные и специфические модели метафорического переноса, указывающие на ассоциативную связь оружия и физиологических характеристик человека, его жизнедеятельности, качеств характера и поведения. При этом основанием для уподобления выступают такие же мотивирующие признаки, как и в сфере «Артефакты», т. е. внешнее сходство, функциональное сходство, скорость движения, а также дополнительный признак – свойство оружия.

Универсальными для двух языков являются представления о фигуре человека, которые ассоциативно связаны с формой такого оружия, как палица, дубина (*club* ‘тяжелый, неуклюжий человек; деревенщина’ (устар.); *дубина* ‘о высоком, долговязом человеке’ (разг.-сниж.)), уподобление разных качеств характера человека разным свойствам оружия (*sabre* (*sabre-toothed*) ‘жестокий, беспощадный’, *pistol* ‘импульсивный, эксцентричный, экстравагантного вида человек (обычно пренебр.)’, *blade* ‘энергичный молодой человек’ (разг., устар.); *дубина* ‘о бестолковом, тупом человеке’ (разг.-сниж.), *копьё* ‘о стойком, храбром человеке’ (устар.)), сравнение скорости передвижения человека со скоростью оружия (*bomb* (*like a bomb*) ‘с большой скоростью’ (разг.); *торпеда* ‘о том, кто быстро передвигается’ (разг.)).

Специфика метафоризации в данной целевой сфере связана с тем, что только в английском языке форма оружия и его свойства ассоциируются с частями тела и органами человека (*blade* ‘передняя часть языка’ (анат.), *club* ‘любой орган булавовидной формы’, *arrow-finger* ‘указательный палец’, *stiletto* ‘острая борода (устар.)’, *gun* мн. ч. ‘мускулистые руки, бицепсы’), с его позой (*cannonball* ‘поза тела человека во время прыжка’), в то время как только в русском языке мотивирующим признаком оказывается скорость оружия для описания качества характера человека (*копьё* ‘о бойком, шустром, бедовом человеке’, *пистолет* ‘о быстром, юрком мальчике, парнишке’ (разг.), *пулемёт* ‘о том, кто говорит много и быстро’ (разг.)) и особенности его деятельности (*пулемёт* ‘о виртуозной работе на пишущей машинке’ (разг.)).

В сфере «Нематериальный мир» мотивирующими признаками метафорических переносов являются деструктивное воздействие оружия на человека и траектория движения оружия. Оба признака лежат в основе универсальных метафорических переносов. С деструктивным воздействием оружия на человека сравниваются опасные, нежелательные, неприятные для человека ситуации (*dagger* ‘то, что причиняет боль и страдания’, *sword* ‘то, что ранит или убивает, причина смерти или разрушения’, *axe* ‘уничтожение, разрушение’; *мина* ‘нечто неприятное’, *меч* ‘о том, кто или что наказывает, карает кого-л.’, *нож* ‘о том, что причиняет душевную боль, страдание’) и враждебные взаимоотношения людей (*sword*

‘состояние открытой враждебности’; *тика* ‘ирония, неприятности, колкости к друг другу’), а с траекторией движения – последствия чего-либо (*boomerang* ‘действие или утверждение, которое возвращается к тому, от кого исходит’; *бумеранг* в значении наречия ‘обратно к прежнему, исходному источнику, состоянию’).

Специфический метафорический перенос в сфере «Нематериальный мир» обнаруживается только в русском языке и основывается на сходстве силы воздействия оружия и способов ведения войны (*таран* ‘военная операция – прорыв фронта и глубокое вклинивание в расположение противника’ (воен.)).

Метафоризация английских и русских наименований оружия в **сфере «Фауна»** происходит в соответствии с универсальным метафорическим переносом, основанном на сходстве формы оружия и внешнего вида животного (*dirk* ‘бабочка с рисунком в форме кинжала на передних крыльях’, *dart* ‘орган животного, напоминающий дротик (жало ядовитого насекомого, скорпиона)’ (зоол.), *spear* мн. ч. ‘колючки ежа, острые плавники рыбы и т. п.’ (поэт., редк.), *sword* ‘острая выступающая челюстная кость меч-рыбы’; *меч-рыба* ‘большая морская рыба’, *сабля* ‘рыба саблевидной формы’, *торпеда* ‘рыба из группы скатов, с округлым телом, способная производить электрические удары’ (зоол.)).

Специфический метафорический перенос в этой сфере демонстрирует в английском языке ассоциативную связь между способом действия оружия и животным, производящим похожее действие (*dart* ‘похожая на змею ящерица с жалом, напоминающим дротик, которым она жалит свою добычу’, *javelin* ‘змея с похожим на дротик жалом, которым она жалит свою добычу’ (устар., редк.)).

В **сферах «Флора» и «Натурфакты»** выявляются только специфически английские метафорические переносы, которые показывают, что в английском языке в сфере «Флора» форма оружия ассоциативно связывается с формой растения (*spear* ‘побег растения, особенно заостренный стебель спаржи или брокколи’, *lance* ‘ветка дерева, побег’ (устар.), *bayonet* (*Spanish Bayonet*) ‘растение отряда лилейных с короной линейно-ланцетных листьев’ (бот.)), а в сфере «Натурфакты» – с явлением природы (*spear* ‘луч света’, *sword* ‘луч или вспышка света, по форме похожие на меч’, *bomb* ‘кусок лавы, выбрасываемый вулканом; вулканическая бомба’ (геолог.)).

Изучение лексикографированных, т.е. зафиксированных в словарях, метафорических значений наименований оружия в английском и русском языках, позволяет сделать следующие **выводы**:

1. Способность развивать новые значения на основе метафорического переноса, по данным словарей, проявляют наименования метательного, ударного, холодного и огнестрельного оружия. При этом многие из исследуемых наименований в своем исходном значении представляют собой историзмы, т. е. слова, обозначающие исчезнувшие из современной жизни виды оружия глубокой древности или недавнего прошлого, что свидетельствует о важности оружия в жизни людей в разные исторические периоды.

2. Общими целевыми сферами метафоризации наименований оружия в сопоставляемых языках являются сферы «Артефакты», «Человек», «Нематериальный мир» и «Фауна». Сферы «Флора» и «Натурфакты» обнаруживают метафорические проекции только в английском языке.

3. Основными мотивирующими признаками в процессе метафоризации наименований оружия двух языков выступают форма оружия, его функция (назначение) или способ действия, а также скорость движения боеприпаса. Наибольшей активностью характеризуется признак внешнего сходства (формы), находящийся в основе развития метафорических значений наименований оружия во всех перечисленных целевых сферах, кроме сферы нематериального мира, что объясняется легкостью фиксации формы объекта в зрительной памяти человека.

4. В сферах «Артефакты», «Фауна», «Флора» и «Натурфакты» процесс метафоризации имеет, в основном, номинативный характер и направлен на именование новых объектов, в то время как в сфере «Человек» и «Нематериальный мир» обнаруживаются образные метафоры, представляющие собой средство образной характеристики объекта.

5. С точки зрения стилистических и эмоционально-оценочных коннотаций номинативные метафоры являются нейтральными или терминологизированными, выражая нейтральную оценку. Образные метафоры имеют стилистические пометы «разг.», «разг-сниж.», являясь средством передачи положительной или отрицательной характеристики объекта.

Особенности образных метафор, которые развивают в сопоставляемых языках наименования оружия, их оценочный потенциал, а также контекстное функционирование английских и русских наименований оружия в метафорических значениях, требуют более подробного дополнительного изучения и относятся к перспективам настоящего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авраменко О. В. Пищевая метафора русского и английского языков в аспекте межкультурной образности: автореф. дисс ... канд. филол. наук: 5.9.8. Томск, 2023. 25 с.
2. Алешина О. Н. Семантическое моделирование в лингвометафорологических исследованиях: автореф. дисс ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Томск, 2003. 56 с.
3. Ананченко О. Г. Оценочные метафоры в газетных текстах начала XXI века: лингвопрагматический аспект: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Майкоп, 2011. 17 с.
4. Балашова Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. Москва: Языки славянской культуры, 2014. 496 с. (Studia philologica).
5. Баранов А. М. Дескрипторная теория метафоры. Москва: Языки славянской культуры, 2014. 632 с. (Studia philologica).
6. Басыров Ш. Р. Метафоры и метонимии в сфере терминологических единиц немецкого языка // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. Т. 17, Вып. 4 (54), 2021. С. 5-14.
7. Белевцова Т. Б. Когнитивная зооморфная метафора в русском литературном языке (на материале энтомонимов): автореф. дисс ... канд. филол. наук: 5.9.5. Ставрополь, 2022. 29 с.
8. Будаев Э. В. Дискурсивный подход к анализу политической метафоры // Культура и текст. 2016. № 1 (24). С. 5-19.
9. Владимирова Т. А., Маскинкова И. А. Концептуальный и языковой аспекты метафоризации военной лексики (на материале немецкого языка) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Педагогические науки. Филологические науки. 2022. № 1 (164). С. 256-261.
10. Воронцов Р. И. Ономастическая метафора в русском литературном языке: автореф. дисс ... канд. филол. наук: 10.02.01. Санкт-Петербург, 2012. 23 с.
11. Живаго Н. А. Метафоризация гастрономической деятельности в русском языке: автореф. дисс ... канд. филол. наук: 10.02.01. Томск, 2018. 24 с.
12. Калинин О. И. Функциональный потенциал метафоры в дискурсе: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Москва, 2022. 36 с.
13. Лебедева Ю. В. Прагматический и экспрессивно-образный потенциал военной метафоры в дискурсивных пространствах языка (на материале испанского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 5.9.8. Москва, 2023. 18 с.
14. Магомадова Т. Д. Военная метафора в современном английском, немецком и русском медиадискурсе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2015. 25 с.
15. Малый Н. Н. Метафорическая концептуализация военных действий в англоязычных СМИ: гендерный аспект: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ростов-на-Дону, 2019. 24 с.
16. Манина А. Р. Соматический аспект антропоморфной метафоризации (на материале английской нефтегазовой системы): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Уфа, 2018. 24 с.
17. Москвин В. П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Изд-во ЛКИ, 2012. 200 с.
18. Попкова А. В. Метафоризация наименований природных явлений в английской и русской лингвокультурах: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Мытищи, 2020. 29 с.
19. Складневская Г. Н. Метафора в системе языка. 2-е изд., стер. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 166 с.
20. Соловьева Е. А. Метафора во французском военном дискурсе: когнитивный и диахронический аспекты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.05. Воронеж, 2019. 22 с.

21. Третьякова Л. Н. Проблемы лингвокультурологии: военная концептосфера русского языка и языковая картина мира // Культурная жизнь Юга России. 2013. № 2 (49). С. 62-66.
22. Федотова Н. В. Военная метафора в современном русском дискурсе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж, 2022. 24 с.
23. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург, 2013. 176 с.
24. Gibbs Raymond W. Jr. The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2008. 564 p.
25. Gibbs Raymond W. Jr., Gerard J. Steen (eds.) Metaphor in Cognitive Linguistics. Selected papers from the 5th International Cognitive Linguistics Conference, Amsterdam, July 1997. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1999. 225 p.
26. Ortony A. (ed.) Metaphor and thought. 2nd edition. Cambridge University Press, 1993. 696 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большой академический словарь русского языка / РАН, Ин-т лингвист. исслед. Москва: Наука; Санкт-Петербург: Наука, 2004-2021. Т. 1-27.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с.
3. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. стереотип. Москва: Русский язык, 1985-1988.
4. The Oxford English Dictionary / CD-ROM. Oxford University Press, 2009.
5. Collins English Dictionary. Available at: <https://www.collinsdictionary.com>. (accessed: 10.11.2023).

REFERENCES

1. Avramenko, O. V. (2023). *Pishchevaya metafora russkogo i angliyskogo yazykov v aspekte mezhyazykovoy obraznosti* [Food metaphor of the Russian and English languages in terms of interlanguage imagery]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 5.9.8. Tomsk. (In Russ.).
2. Aleshina, O. N. (2003). *Semanticheskoe modelirovanie v lingvometaforologicheskikh issledovaniyakh* [Semantic modelling in linguistic metaphorological investigations]: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. Tomsk. (In Russ.).
3. Ananchenko, O. G. (2011). *Otsenochnye metafory v gazetnykh tekstakh nachala XXI veka: lingvopragmaticheskiy aspekt* [Evaluative metaphors in newspaper texts of the beginning of the XXI century: linguo-pragmatic aspect]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Maykop. (In Russ.).
4. Balashova, L. V. (2014). *Russkaya metafora: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Russian metaphor: the past, present, future]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (Studia philologica). (In Russ.).
5. Baranov, A. M. (2014). *Deskriptornaya teoriya metafory* [Descriptive theory of metaphor]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (Studia philologica). (In Russ.).
6. Basyrov, Sh. R. (2021). Metafory i metonimii v sfere terminologicheskikh edinits nemetskogo yazyka [Metaphors and metonymies in the sphere of German terminological units]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Vol. 17, Iss. 4 (54). Pp. 5-14. (In Russ.).
7. Belevtsova, T. B. (2022). *Kognitivnaya zoomorfnyaya metafora v russkom literaturnom yazyke (na materiale entomonimov)* [Cognitive zoomorphic metaphor in the Russian literary language (based on entomononyms)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 5.9.5. Stavropol. (In Russ.).

8. Budaev, Ye. V. (2016). Diskursivnyy podkhod k analizu politicheskoy metafory [Discourse approach to the analysis of political metaphor]. In *Kultura i tekst*. No. 1 (24). Pp. 5-19. (In Russ.).
9. Vladimirova, T. A., Maskinskova, I. A. (2022). Kontseptualnyy i yazykovoy aspekty metaforizatsii voennoy leksiki (na materiale nemetskogo yazyka) [Conceptual and linguistic aspects of metaphorization of war vocabulary (based on the German language)]. In *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Pedagogicheskie nauki. Filologicheskie nauki*. No. 1 (164). Pp. 256-261. (In Russ.).
10. Vorontsov, R. I. (2012). *Onomasticheskaya metafora v russkom literaturnom yazyke* [Onomastic metaphor in the Russian literary language]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
11. Zhivago, N. A. (2018). *Metaforizatsiya gastronomicheskoy deyatel'nosti v russkom yazyke* [Metaphorization of gastronomic activities in the Russian language]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Tomsk. (In Russ.).
12. Kalinin, O. I. (2022). *Funktsionalnyy potentsial metafory v diskurse* [Functional potential of metaphor in the discourse]: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. Moskva. (In Russ.).
13. Lebedeva, Yu. V. (2023). *Pragmaticheskiy i ekspressivno-obraznyy potentsial voennoy metafory v diskursivnykh prostranstvakh yazyka (na materiale ispanskogo yazyka)* [Pragmatic and expressive-imaginative potential of military metaphor in the discourse domain of the language (based on the Spanish language)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 5.9.8. Moskva. (In Russ.).
14. Magomadova, T. D. (2015). *Voennaya metafora v sovremennom angliyskom, nemetskom i russkom mediadiskurse* [Military metaphor in modern English, German and Russian media discourse]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Volgograd. (In Russ.).
15. Malyy, N. N. (2019). *Metaforicheskaya kontseptualizatsiya voennykh deystviy v angloyazychnykh SMI: gendernyy aspekt* [Metaphoric conceptualization of military actions in the English mass media: gender aspect]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Rostov-na-Donu. (In Russ.).
16. Manina, A. R. (2018). *Somaticheskiy aspekt antropomorfnoy metaforizatsii (na materiale angliyskoy neftegazovoy sistemy)* [Somatic aspect of anthropomorphic metaphorization (based on English oil and gas terminological system)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Ufa. (In Russ.).
17. Moskvina, V. P. (2012). *Russkaya metafora: Ocherk semioticheskoy teorii* [Russian metaphor: an essay on semiotic theory]. 4th ed., rev. and enl. Moskva: Izd-vo LKI. (In Russ.).
18. Popkova, A. V. (2020). *Metaforizatsiya naimenovaniy prirodnykh yavleniy v angliyskoy i russkoy lingvokulturakh* [Metaphorization of words denoting elements in English and Russian linguistic cultures]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Mytishi. (In Russ.).
19. Sklyarevskaya, G. N. (2004). *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the system of the language]. 2-e izd., ster. Sankt-Peterburg: Filologicheskiy fakultet SPbGU. (In Russ.).
20. Soloveva, E. A. (2019). *Metafora vo frantsuzskom voennom diskurse: kognitivnyy i diakhronicheskiy aspekty* [Metaphor in French military discourse: cognitive and diachronic aspects]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.05. Voronezh. (In Russ.).
21. Tretyakova, L. N. (2013). Problemy lingvokulturologii: voennaya kontseptosfera russkogo yazyka i yazykovaya kartina mira [Problems of linguoculturology: military conceptual sphere of the Russian language and language picture of the world]. In *Kulturnaya zhizn Yuga Rossii*. No. 2 (49). Pp. 62-66. (In Russ.).
22. Fedotova, N. V. (2022). *Voennaya metafora v sovremennom russkom diskurse* [Military metaphor in modern Russian discourse]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Voronezh. (In Russ.).

23. Chudinov, A. P. (2013). *Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii* [Essays on modern political metaphorology]. Ekaterinburg. (In Russ.).
24. Gibbs, Raymond W. Jr. (ed.) (2008). *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2008.
25. Gibbs, Raymond W. Jr., Gerard, J. Steen (eds). (1999). *Metaphor in Cognitive Linguistics*. Selected papers from the 5th International Cognitive Linguistics Conference, Amsterdam, July 1997. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1999.
26. Ortony, A. (ed.) (1993). *Metaphor and thought*. 2nd edition. Cambridge University Press, 1993.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Bolshoy akademicheskiy slovar russkogo yazyka* [Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language]. RAN, In-t lingvist. issled. Moskva: Nauka; Sankt-Peterburg: Nauka, 2004-2021. Vol. 1-27. (In Russ.).
2. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka*. In S. A. Kuznecov (ed.). Sankt-Peterburg: Norint, 2000. (In Russ.).
3. *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. In A. P. Evgenevoy (ed.). 3rd ed. Moskva: Russkiy yazyk, 1985-1988. (In Russ.).
4. *The Oxford English Dictionary*. CD-ROM. Oxford University Press, 2009.
5. *Collins English Dictionary*. Available at: <https://www.collinsdictionary.com>. (accessed: 10.11.2023).
6. *Oxford English Dictionary*. Available at: <https://www.oed.com>. (accessed: 10.11.2023).

Подгайская Ирина Михайловна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой теории и практики перевода (e-mail: irina-podgaiskaya@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Podgaiskaya Irina M. – Candidate of Philology Associate Professor, Head of Translation Studies Department (e-mail: irina-podgaiskaya@mail.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 28 сентября 2023 г.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA»**

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ СТАТЕЙ

1.1. В журнале публикуются научные статьи по сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, германским, романским языкам и переводоведению.

1.2. Журнал печатает только оригинальные, ранее не опубликованные научные работы.

1.3. Языки издания – русский, английский, немецкий, французский, испанский. В предложенной к публикации научной статье автор должен обосновать актуальность темы, четко сформулировать цель и задачи исследования, привести научную аргументацию, обобщения и выводы, которые представляют интерес своей новизной, научностью и практическим значением. В статье должен быть представлен обзор новейшей научной литературы по рассматриваемой проблеме.

1.4. Рукописи, которые подготовлены без учета требований к их оформлению (см. ниже), не принимаются.

2. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

2.1. Рукописи следует оформлять в формате .doc (Word 1997-2003) или .docx (Word 2007-2012).

2.2. Рекомендуемый объем представляемой к публикации статьи – 15000-25000 знаков с пробелами (8–12 страниц).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы: левое – 30 мм, верхнее – 20 мм, правое – 15 мм, нижнее – 25 мм. Шрифт обычный, Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный в основном тексте, в сносках – одинарный. Отступ абзаца составляет 10 мм. Следует четко дифференцировать тире (–) и дефис (-).

2.4. Текст рукописи следует подавать в виде единого файла.

3. СТРУКТУРА И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ (см. пример ниже)

3.1. В левом верхнем углу печатают УДК нежирным прямым шрифтом (размер 12).

3.2. Инициалы и фамилия автора (авторов) печатают перед названием статьи жирным прямым шрифтом (размер 12).

3.3. Название статьи печатают прописными буквами, без абзаца, жирным прямым шрифтом (размер 14), междустрочный интервал одинарный, без автоматической расстановки переносов.

3.4. После названия статьи печатают аннотации (объем до 50 слов) и ключевые слова (не более 10 ключевых слов) на двух языках – русском и английском. Размер шрифта: 12 пунктов, курсив, через 1 интервал.

3.5. Текст статьи.

3.6. Список литературы (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 6).

3.7. References (список литературы) (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 7).

3.8. Сведения об авторе (размер 11, курсив, через 1 интервал).

Пример:

УДК

© 2016 Ш. Р. Басыров

**ФУТБОЛЬНАЯ РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ
НЕМЕЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена изучению футбольной терминологии в современном немецком языке. Устанавливаются способы образования глаголов, выявляются словообразовательные средства, участвующие в их образовании, их активность, а также описывается семантика глагольных лексем в немецком разговорном языке. ...

Ключевые слова: разговорная лексика, способ образования, дериват, семантическая группа, семантика, субъект, коннотация, образность, метафоризация.

© 2016 Sh. R. Basyrov

**COLLOQUIAL FOOTBALL LEXIS
(BASED ON VERBS OF SPOKEN GERMAN)**

The paper deals with football terminology in the contemporary German language. The paper studies the structure and semantics of verbs in football lexis, reveals the ways of their formation, presents the semantic classification of these lexemes and describes their productivity.

...

Key words:

Текст статьи

.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.
2.
3.

REFERENCES

1.
2.
3.

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

4. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и помещаться в печатном поле страницы (размер шрифта 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный).

4.2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. в тексте помещают после абзаца, в котором на них ссылаются, или на следующей странице после ссылки.

Пример:

Таблица 1. *Количественная характеристика лексико-семантических групп оценочных абстрактных существительных в английском языке*

Лексико-семантическая группа	Количество единиц	Процентное соотношение	Пример
1. Состояние	355	44	<i>absence</i> ‘отсутствие’ – <i>the state of being away</i> ‘состояние нахождения не здесь’ <i>acrimony</i> ‘язвительность’ – <i>angry and bitter feelings or words</i> ‘злые и горькие чувства или слова’
2. Действие	123	15,2	<i>death</i> ‘смерть’ – <i>an act of dying or being killed</i> ‘акт смерти или убийства’ <i>destruction</i> ‘разрушение’ – <i>the action of destroying sth or of being destroyed</i> ‘действие уничтожения чего-либо или быть уничтоженным’

4.2. Примеры в текстах статей печатают курсивом (без выделения жирным), их перевод – в т. н. марровских кавычках: *coeur* ‘сердце’, *âme* ‘душа’.

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ВНУРИТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК И ПОДСТРОЧНЫХ СНОСОК

5.1. При оформлении внутритекстовых ссылок в квадратных скобках указывается фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

«Чем популярнее вид спорта, тем ближе его лексика к общезыковой (Allgemeinsprache), а между лексикой какого-либо спорта и общезыковой происходит оживленный взаимообмен (regulärer Austausch)» [Vollmert-Spiesk, 1996: 2].

6. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

6.1. Список нумеруют и группируют по алфавиту, в начале книги на кириллице, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включают только научные статьи, монографии и книги (не менее 12 наименований, из них половина – источники последних лет. Наличие иностранных источников обязательно).

6.3. Правила оформления ссылок на источники в списке литературы:

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с. Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419). Nedjalkov V. P. (ed.), Geniušienė E. Š., Guentchéva Z. Reciprocal Constructions // Typological Studies in Language. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 1-5. 2216 p. Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 2002. Т. 1. 622 с. Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. М.: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. Т. 2. 432 с.
<i>Статья из сборника</i>	Кремзикова С. Е. Коммуникативные ситуации в старофранцузском дискурсе // Древняя и Новая Романия. Лингвистическое наследие III. Балли в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Марусенко. СПб., 2010. С. 40-46. Пименова Н. Б. К истории и типологии грамматикализации германского артикля: прагматические модели употребления протоартикля в готском языке // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2014. Т. X. Ч. 1. С. 403-428. Iagupova L. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).
<i>Журнальная статья</i>	Ленец А. В., Алексеев А. В. История исследования лексических сокращений в германских языках // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород. 2014. № 28. С. 11-22. Петренко А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. 2014. № 4. С. 150-161. Atkinson D. Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition // The Modern Language Journal. 2007. Vol. 91. Pp. 169-188.
<i>Интернет-ресурсы</i>	Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9-21. Доступ: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (дата обращения: 22.02.2014). Canagarajah A. S. Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions // The Reading Matrix. January 2011. Vol. 11. N 1. 15 p. Available at: ww.readingmatrix.com/january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).
<i>Материал на CD или DVD</i>	Henry O. Cabbages and Kings // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003. P. 75.

7. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РАЗДЕЛА REFERENCES

7.1. Внутренняя структура списка публикаций полностью идентична списку литературы на русском, сначала издания на кириллице, потом – на иностранных языках.

7.2. За основу оформления ссылок взят стандарт Harvard (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>).

7.3. Правила оформления ссылок на источники в References (для автоматической транслитерации рекомендуется пользоваться сайтом <http://translit.net>, стандарт BSI; настройка стандарта осуществляется в центральном меню, раздел «Варианты...»). Фамилии и имена иностранных авторов и русскоязычных авторов, печатавшихся в зарубежных изданиях, подавать в оригинальном написании (например: Гринберг Дж. – Greenberg J., Чейф У. – Chafe W.).

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
Монография, книга, раздел монографии	Basyrov, Sh. R. (2014). <i>Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii</i> [Formation of verbs with a reflective complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.). Kaliušchenko, V. D. (2000). <i>Typologie denominaler Verben</i>. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419). Nedjalkov, V. P. (ed.), Geniušienė, E. Š., and Guentchéva, Z. (2007). Reciprocal Constructions. In M. Noonan (ed.) <i>Typological Studies in Language</i>. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 1-5. Bessonova, O. L. (2013). Protsedury analiza kotseptov pri provedenii sravnitel'no-tipologicheskikh issledovaniy [Conceptual analysis procedures in comparative and typological studies]. In A. E. Levitsky, S. I. Potapenko (eds.) <i>Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya</i>. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko». Pp. 87-117. (In Russ.).
Отдельный том многотомного издания	Chernykh, P. Ja. (2002). <i>Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka</i> [Historical Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moskva: Russkiy yazyk. Vol. 1. (In Russ.). Velichkovskiy, B. M. (2006). <i>Kognitivnaya nauka: Osnovy psikhologii poznaniya</i> [Cognitive Science: Basics of psychology of cognition]. Moskva: Smysl: Izdatelskiy centr Akademiya. Vol. 2. (In Russ.).
Статья из сборника	Kremzikova, S. E. (2010). Kommunikativnye situatsii v starofrantsuzskom diskurse [Communicative situations in old French discourse]. In M. A. Marusenko (ed.) <i>Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sh. Balli v XXI veke: sb. nauchn. st.</i> Sankt-Peterburg. Pp. 40-46. (In Russ.). Pimenova, N. B. (2014). K istorii i tipologii grammatikalizatsii germanskogo artiklya: pragmaticheskie modeli upotrebleniya protoartiklya v gostkom yazke [Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of the use of proto-articles in the Gothic language]. In N. N. Kazanskiy (ed.) <i>ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy</i>. St. Peterburg: Nauka. Vol. X. P. 1. Pp. 403-428. (In Russ.). Iagupova, L. (2013). Idiomatisierte Präfixsubstantive mit ge- im Mittelhochdeutschen // <i>Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik</i>. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).
Журнальная статья	Lenets, A. V., Alekseev, A. V. (2014). Istoriya issledovaniya leksicheskikh sokrashcheniy v germanskikh yazykakh [History of the lexical abbreviations research in the Germanic languages]. In <i>Vestnik Nizhegorodskogo</i>

	<i>gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova</i>. No 28. Pp. 11-22. (In Russ.). Petrenko, A. D. (2014). Sotsiofoneticheskie aspekty yazykovoy variativnosti [Socio-phonetic aspects of language variation]. In N. V. Izotova (ed.) <i>Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta</i>. No 4. Pp. 150-161. (In Russ.). Atkinson, D. (2007). Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition. In H. Byrnes (ed.) <i>The Modern Language Journal</i>. Vol. 91. Pp. 169-188.
<i>Интернет-ресурсы</i>	Molchanova, G. G. (2015). Kommunikativno-funktsionalnaya teoriya perevoda kak vid variativnoy interpretatsii deistvitelnosti [Communicative functional theory of translation as a form of interpretation of reality]. In <i>Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya</i>. No 3. Pp. 9-21. Available at: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (accessed: 22.02.2014). (In Russ.). Canagarajah, A. S. (2011). Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions. In <i>The Reading Matrix</i>. January 2011. Vol. 11. No 1. 15 p. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).
<i>Материал на CD или DVD</i>	Henry, O. (2003) Cabbages and Kings. In <i>English and American Literature / CD-ROM</i>. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin. P. 75.

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Для публикации статьи в научном журнале «STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA» автору необходимо предоставить следующую информацию (e-mail: zhurnal.sgrc@donnu.ru):

1. Статью (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: *ivanov_statya.doc* или *ivanov_statya.docx*).
2. Анкету (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: *ivanov_anketa.doc* или *ivanov_anketa.docx*).

АНКЕТА

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Ученая степень, учёное звание (если имеются)		
Почетные звания (если имеются)		
Должность и структурное подразделение (полное название должности и структурного подразделения организации в именительном падеже)		
Организация, где работает или учится автор (полное название в именительном падеже, почтовый индекс, адрес – с официального сайта)		
	На русском языке	
Номера контактных телефонов автора и адрес электронной почты (личные или служебные)		
Специальность, которой соответствует содержание статьи и тема диссертации (для соискателей, аспирантов и докторантов)		

3. Отзыв научного руководителя для авторов без учёной степени (отзыв заверяется кадровой службой или ученым секретарем по основному месту работы и основной печатью организации).

9. О РЕЦЕНЗИРОВАНИИ

Все научные статьи подлежат обязательному независимому (внутреннему) рецензированию и научному редактированию. Организует независимое (внутреннее) рецензирование главный редактор, привлекая специалиста (доктора или кандидата наук), имеющего наиболее близкую к теме научную специализацию. Рецензент одновременно является научным редактором статьи.

Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент. Рецензирование проводится конфиденциально.

Представленные статьи проходят **проверку в программе «Антиплагиат»**. Уникальность статьи не должна быть ниже 85%. В случае выявления в тексте плагиата статья отклоняется без права ее дальнейшей переработки или доработки.

Рецензент несет ответственность за содержание и качество рецензии. Рецензент может дать одну из трех итоговых рекомендаций:

1) **статья может быть рекомендована к печати** без исправлений или с незначительными исправлениями;

2) **статья требует повторного рецензирования**, поскольку содержит существенные недочеты, которые должны быть устранены автором;

3) **статья не рекомендуется к публикации**, поскольку не отвечает критериям, предъявляемым к научным статьям.

Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации и отклоненная редколлегией, к повторному рассмотрению в прежнем виде не принимается. Она может быть вновь рассмотрена лишь в случае ее существенной переработки автором.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

Том 19 Выпуск 3 (61) 2023

Язык издания: русский, английский, немецкий и др.

Компьютерная верстка: О. А. Гринева.

С электронным вариантом научного журнала можно ознакомиться на сайте
ФГБОУ ВО «ДонГУ» (<http://donnu.ru/sgrc>).

Подписано в печать 28.12.2023 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 17,9.
Тираж 100 экз. Заказ № 23дек156/1.

Донецкий государственный университет
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.